

ПРИБАВЛЕНІЯ

къ изданію твореній

СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

въ русскомъ переводѣ

за 1884 годъ.

ЧАСТЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

Типографія М. Н. Лаврова и Ко., Леонтьевскій пер., соб. домъ.

1884.

Печатать позволяется. Московская духовная Академія. 20 Нояб-
ря 1883 года.

Ректоръ Протоіерей *С. Смирновъ*.

Объ условіяхъ существованія современнаго русскаго проповѣдничества.

Въ одномъ изъ свѣтскихъ повременныхъ изданій было замѣчено, что для людей интересующихся церковными дѣлами и вопросами должно представляться весьма характернымъ одно явленіе настоящаго времени, рѣзко бросающееся въ глаза всякому читающему человѣку: это—существованіе значительно и весьма недавно народившейся апологетической литературы, содержаніемъ своимъ имѣющей „защиту духовенства“. И нельзя не согласиться, что дѣйствительно это явленіе принадлежитъ нашему времени и очень любопытно. Но любопытная сторона этого явленія, должно прибавить еще, не въ томъ, что такая апологетическая литература народилась и количественно процвѣтаетъ, а въ томъ—что вызвало такую литературу. Если и въ самомъ дѣлѣ велико количество апологій за духовенство, то уже изъ этого можно заключить, что существуетъ и соотвѣтственное количество хулителей духовенства и, какъ противоположность апологетической литературѣ, такъ сказать, хульная на духовенство литература. Очевидно и дѣатели, и литература послѣдняго рода должны быть признаны тоже замѣчательнымъ явленіемъ нашего времени. Много вопросовъ, конечно, возбуждаетъ это явленіе: произошла ли, напрямѣръ, эта литература, съ ея дѣя-

телями только вслѣдствіе безнаказанности, съ которою можно порицать русское духовенство, какъ должностныхъ лицъ и какъ сословіе, или же вслѣдствіе какихъ либо болѣе извинительныхъ причинъ; или же наконецъ и въ самомъ дѣлѣ—вслѣдствіе того, что современное русское духовенство—есть нѣчто возмутительное для душъ благородныхъ мужей, нѣчто въ родѣ „позора Европы“. Какъ ни мало вѣроятной покажется возможность послѣдней мысли, но что обращалась въ свѣтской литературѣ и такая мысль, это—несомнѣнный фактъ: люди, интересующіеся литературой по церковнымъ дѣламъ, вѣроятно помнятъ выходки „Гражданина“ половины семидесятыхъ годовъ противъ „поповъ“, которые только учатъ „филаретову катехизису“, но не учатъ любви, и т. п. Органъ этотъ, конечно, не предвидѣлъ, что менѣе чѣмъ чрезъ десятокъ лѣтъ придется уступить относительно „филаретова катехизиса“ и вмѣстѣ со многими другими признать значеніе и за обученіемъ „филаретову катехизису“. Едва ли даже не этому органу литературы принадлежитъ и печальная честь почина въ образованіи хульной на духовенство литературы. Не взирая, однако же, на слишкомъ исключительное положеніе этого органа печати, сѣмена, посеянные впервые имъ, не засохли, и литература порицателей духовенства росла быстро. Извѣстно, что въ послѣднее время нѣкоторые органы, даже подъ видомъ органовъ православныхъ народовъ, въ отношеніи къ духовенству не щадятъ уже ни возраста, ни заслугъ, ни личныхъ достоинствъ, ни высоты положенія лицъ высшей церковной іерархіи, не говоря уже о лицахъ не стоящихъ въ церковной іерархіи настолько высоко, чтобы явный расчетъ на безнаказанность не могъ оправдываться въ полной мѣрѣ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣло доходило до того, что

приходилось вступаться прокурорскому надзору съ Уложеніемъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ; приходилось вступаться и высшей административной власти изъ за чувства общественной благопристойности: вспомнимъ отношеніе газеты „Востокъ“ къ покойному Высокопр. Макарію. И будетъ совѣмъ не преувеличеніемъ сказать, что въ послѣдніе годы только развѣ лѣнивый не попустилъ духовенство, духовное просвѣщеніе, духовные порядки и т. д. И это своего рода „движеніе“ въ литературѣ свѣтской, конечно, не осталось безъ вліянія на самую жизнь, то есть на дѣйствительныя отношенія къ духовенству, и факты указывающіе на это вліяніе, или вообще на практическія послѣдствія этого литературнаго „движенія“, вѣроятно, всякому извѣстны. И что только не послужило предметомъ нареканій на духовенство? Обвинялось оно и въ „раздваніи всякихъ празднествъ и хожденіи по приходу“; и въ прямомъ вымогательствѣ, и въ потворствованіи народной слабости къ вину — въ корыстныхъ цѣляхъ эксплуатаціи народа работою, въ несоблюденіи даже церковныхъ праздниковъ — тѣмъ, что въ праздникъ духовенство, за водку, привлекаетъ народъ на свои работы, и т. п. и т. п. Даже самыя успѣхи православія иногда даютъ только поводъ къ глумленію надъ духовенствомъ. „Наша православная миссія изумительно преуспѣваетъ въ Японіи, и успѣхъ прежде всего свидѣтельствуетъ о правдивной высотѣ миссіонеровъ. Вообразите же себѣ на ихъ мѣстѣ нашего сельскаго попа, котораго самъ народъ привыкъ представлять не иначе какъ въ самомъ карикатурномъ видѣ, — и спросите, каковъ могъ бы быть успѣхъ тамъ, гдѣ нужны противоположныя качества?“ и т. п. Не было, кажется, пункта, въ которомъ духовенство было бы признано удовлетворяющимъ сво-

ему назначенію, — такъ, что сословіе русскихъ пастырей могло бы, наконецъ, сказать вмѣстѣ съ св. Григоріемъ Богословомъ: „а во что ты мнѣ поставишь, что я не говорливъ, не забавенъ, не могу понравиться тѣмъ съ которыми бываю вмѣстѣ, не умѣю повести разговора и перекинуть слово съ кѣмъ случится и какъ случится?... Или ставить будешь мнѣ въ вину истертую мою одежду и некрасивый складъ лица. Какъ тебѣ простить меня за все это и не винить? О, ты еще благосклоненъ и человѣколюбивъ!“ (Твор. рус. пр. III, 173).

Но это еще не все, и повидимому къ одному замѣчательному явленію грозитъ присоединиться другое, только уже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе замѣчательное. Нельзя не признать того, что въ послѣднее время порицаніе и порицатели духовенства появляются даже между людьми принадлежащими къ служителямъ церкви. Свѣтская литература, повидимому, этого еще не замѣтила; но если замѣтитъ, то это доставитъ новое оружіе для нападокъ на духовенство, такъ какъ никому нельзя будетъ запретить — видѣть въ этомъ явленіи осязательное доказательство справедливости нареканій на духовенство, въ которыхъ защитники духовенства обыкновенно видятъ только лишь одну не наказуемую закономъ клевету. Какіе размѣры и какой характеръ принимаетъ это новое явленіе, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Поднимается, напримѣръ, вопросъ о томъ, можно ли приходскому духовенству поручить элементарное образованіе народа. Люди, понимающіе чтѣ такое образованіе, понимающіе, что священники обладаютъ по меньшей мѣрѣ самымъ первымъ условіемъ образованности — умѣніемъ правильно писать на родномъ языкѣ, утверждаютъ, что не можетъ быть и рѣчи о неспособности или негодности свя-

щенниковъ къ обученію грамотѣ народа, что духовенство, что бы о немъ ни говорили, по численному отношенію въ его средѣ людей настоящимъ образомъ учившихся, есть все-таки сословіе образованнѣйшее. Люди же, не скажемъ—не понимающіе дѣла, но имѣющіе свои виды, утверждаютъ наоборотъ, что—духовенству нельзя поручить образованіе народное. Въ это самое время появляется, такъ сказать, историческая справка, въ которой лицомъ изъ духовнаго же званія доказывается, что приходское духовенство, или, какъ его называютъ, бѣлое духовенство, даже и въ своемъ прошломъ не имѣло никакого значенія въ русскомъ образованіи, — что будто бы во всей русской исторіи изъ бѣлаго духовенства и указать не на кого, кто потрудился бы въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія. А между тѣмъ значительнаго участія духовенства въ исторіи русскаго просвѣщенія и науки не отрицали даже и тѣ, которые отрицаютъ пригодность современнаго духовенства для дѣятельности по народному просвѣщенію. Не будетъ ли такая историческая справка на руку опять только тѣмъ, кому нежелательно предоставить духовенству значительную долю вліянія на общее направленіе русскаго образованія? Правда, справка эта, дающая будто бы такой отрицательный выводъ, подведена настолько неумѣло, что въ дѣйствительности едва ли для кого-нибудь послужитъ значительнымъ аргументомъ противъ участія духовенства въ народномъ образованіи. Но она несомнѣнно увеличиваетъ балластъ хулительной на духовенство литературы. Но и это бы еще не важно: о вопросахъ исторіи воленъ думать каждый по своему, а главное — вліяетъ духовенство на общій ходъ образованія или нѣтъ, работаетъ оно на этомъ поприщѣ или нѣтъ, образованіе, какъ оно теперь понимается, не есть прямая

обязанность или миссія пастырей церкви. Прямая обязанность — „учить народъ вѣрѣ и благочестію“. Но и тутъ опять изъ среды самого духовнаго сословія въ послѣднее время раздались обвиненія противъ современаго приходскаго духовенства весьма тяжкія. Въ недавно вышедшей біографіи одного церковнаго дѣятеля, написанной его ученикомъ, біографъ влагаетъ въ уста своего учителя упрекъ приходскому духовенству за то, что проповѣди лорда Редстока имѣли успѣхъ. Опытъ этого лорда показалъ-де, что „есть потребность въ образованомъ обществѣ слышать слово Божіе, но такъ какъ его не слышатъ или слышатъ въ такихъ выраженіяхъ (?), *что и слушать не хочется*, то поневолѣ приходится бѣгать за всякимъ краснобаемъ, который умѣетъ говорить“. Поэтому тѣ, которые поставлены и научены для проповѣди слова Божія, „отвѣтять за то, что ихъ овцы за чужими бѣгаютъ, не получая наставленія и назиданія отъ своихъ“ и т. д. „Слово Божіе слышатъ въ такихъ выраженіяхъ, *что и слушать не хочется!*“ Какъ ни странна казалась бы эта фраза сама по себѣ (ибо можно подумать, что русское пастырство употребляетъ какой либо особый языкъ для передачи Слова Божія!), но смыслъ ея ясенъ: тотъ смыслъ— обвиненіе русскаго духовенства въ гибели душъ, увлекаемыхъ ложными проповѣдниками въ родѣ лорда Редстока. И такъ какъ, повторяемъ, обвиненіе исходитъ уже не отовнѣ, то оно должно послужить на пользу тѣмъ хулителямъ духовенства, которые упражнялись въ хуленіи только по наслышкѣ, — основываясь на фактахъ не особенно осазательныхъ, послѣшно обобщаемыхъ и т. п. Словомъ—такое заявленіе, повидимому, должно сильно подорвать цѣнность увѣреній апологетовъ духовенства, часто ссылавшихся, какъ извѣстно, на то, что хулители ду-

ховенства плохо знают дѣла церковныя и быть духовенства. Исходя отъ лица принадлежащаго къ духовному сословію и потому, должно полагать, компетентнаго, это обвиненіе важно еще въ томъ отношеніи, что оно — самое тяжкое: имъ отрицается, можно сказать, самое право на существованіе рускаго духовенства. Ибо пока существуетъ упрекъ въ личныхъ недостаткахъ, неспособности къ школьному учительству и т. п., то это еще, говоря относительно, терпимо, такъ какъ люди съ недостатками существуютъ въ каждомъ сословіи; недостаточныя познанія въ педагогической technikѣ новѣйшаго изобрѣтенія — тоже недостатокъ извинимый въ людяхъ готовящихся къ иной дѣятельности. Но если духовенство создаетъ „неволю“ бѣжать отъ церкви, то это вѣдь та самая мысль, которою и раскольники оправдываютъ свое бѣгство отъ церкви, которой и редстоиксты могутъ оправдаться, тѣмъ болѣе, что ихъ оправдываетъ и почтенный дѣятель церковный, словами коего мы теперь занимаемся. Если же, повторяемъ, такіе голоса будутъ слышаться изъ среды самого духовенства, а не какихъ либо современныхъ авдіанъ или стригольниковъ, то — нельзя даже и предвидѣть, чѣмъ разрѣшится это печально-любопытное явленіе. — Мы не говоримъ уже о томъ, что самые радѣтели церкви изъ лицъ не принадлежащихъ къ духовенству заразились болѣзнію хуленія духовенства настолько, что съ трудомъ вѣрится, до чего здѣсь дѣло дошло: достаточно сказать, что органы печати, смертельно боящіеся развѣтія такъ называемаго клерикализма, начинаютъ заступаться за духовенство и защищать его отъ аттестацій радѣтелей интересовъ православія.

Мы не задаемся цѣлію писать всестороннюю апологию духовенства. Это дѣлалось уже неоднократно

людьми опытными болѣе насъ. Да притомъ писать апологію будетъ едва ли и трудъ благодарный. Задачей нашей будетъ разсмотрѣть вопросъ о проповѣдничествѣ русскихъ пастырей и притомъ съ одной точки зрѣнія, именно: въ числѣ нареканій на духовенство, не опровергаемыхъ даже и органами духовной печати, находится нареканіе въ неудовлетворительной постановкѣ дѣла проповѣдничества въ современной русской церковной практикѣ. Не всѣ, правда, и изъ органовъ свѣтской печати ставятъ это въ упрекъ духовенству: иные только отмѣчаютъ фактъ, воздерживаясь ставить этотъ фактъ въ вину духовенства ¹⁾. Не всѣ также, конечно, раздѣляютъ мысль о неволѣ, заставляющей бѣжать изъ церкви по причинѣ отсутствія проповѣди: людямъ, ближе знакомымъ съ дѣломъ, извѣстно, что и тамъ, гдѣ все богослуженіе почти что обращено въ проповѣдь—въ протестантствѣ, бѣглецы изъ церкви есть, да, должно полагать, пока Церковь Христова воинствуетъ, всегда и будутъ. Церковная власть повидимому также раздѣляетъ мысль, что теперь вопросъ не о количественномъ приумноженіи церковнаго проповѣдничества, а о его направленіи: недавнее опредѣленіе Св. Синода показываетъ, что Св. Синодъ озабоченъ болѣе тѣмъ, что русскіе проповѣдники „не всегда соблюдаютъ достоинство, подобающее служителю Церкви, говорящему отъ ея имени“ и т. д. (См. указъ Св. Синода отъ 7 Декабря 1883 г., напечатанный въ повременныхъ изданіяхъ). Но и люди, не преуве-

1) «Главный недостатокъ нашего духовенства, какъ сословія, это недостатокъ учительства». «Но говоримъ это—замѣчаетъ авторъ приведенныхъ словъ, г. Стоюнинъ—не въ укоръ нашимъ служителямъ церкви: исторія поставила ихъ въ такія обстоятельства и условія, что имъ и невозможно было явиться иными» (Вѣстн. Европы, 1882 N1 стр. 170).

личивающіе дѣла въ ту или другую сторону, весьма часто выражаютъ мысль о желательности лучшей и иной постановки дѣла проповѣдничества. Поэтому мы, оставляя въ сторонѣ ярыхъ порицателей духовенства, все рѣшительно на него сваливающихъ, рассмотримъ: находилось ли и находится ли дѣло русскаго проповѣдничества въ такихъ условіяхъ, чтобы личный составъ современнаго русскаго клира оставалось только упрекать въ недостаткѣ проповѣдничества; или же есть нѣчто, что остается только еще пожелать для постановки дѣла русскаго проповѣдничества, чтобы потомъ уже имѣть полное право причину всего неуспѣха дѣла усматривать лишь въ самыхъ проповѣдникахъ.

I.

Для людей, занимавшихся исторіей проповѣди, несомнѣнна истина, что степень развитія проповѣди обусловливается въ значительной мѣрѣ воззрѣніями, существовавшими въ то или другое время, на разные предметы религіи и на вопросы церковные, а равнымъ образомъ и другими, повидимому, посторонними для дѣла проповѣди обстоятельствами. Протестанство, напимѣрь, уже своими догматическими воззрѣніями должно было выдвинуть проповѣдь на первый планъ въ общемъ устройствѣ своего богослуженія: догматъ объ оправданіи *втрою*, а не дѣлами, имѣетъ своимъ выводомъ то, что стремленіе *познать* предметы вѣры становится первой задачей вѣрующаго. вмѣстѣ съ тѣмъ *учить* предметамъ вѣры становится первой обязанностію должностныхъ лицъ церкви. Отверженіе въ протестанствѣ традиціонныхъ формъ богослуженія также должно было способствовать расширенію мѣста для проповѣди, а поставленіе Библии единственнымъ источникомъ вѣры — увеличить

нужду въ проповѣди и дать ей экзегетическій характеръ. Такъ называемая реформатская церковь, съ безошадною строгостію слѣдую протестантской мысли о вѣрѣ, также безошадно отвергла всякую обрядность въ богослуженіи и довольствуется только проповѣдію. „Прочія (кромѣ евхаристіи и проповѣди) околичности обрядовыя, бесполезныя и неисчислимыя, должны мы выбросить изъ нашего общества» — говорить реформатское исповѣданіе ¹⁾. Естественно, что католичество, наоборотъ, придающее особенное значеніе догмату объ оправданіи отъ *дѣлъ*, не имѣло усиленной потребности въ проповѣди. Что толку для католика въ ежедневномъ слушаніи проповѣди, когда благочестивыя упражненія (посты, путешествія къ священнымъ мѣстамъ, участіе въ священныхъ церемоніяхъ) суть преимущественныя средства къ совершенію спасенія? Устройство католическаго богослуженія даетъ также менѣе мѣста для проповѣди. Православная церковь, какъ извѣстно, свободна отъ обѣихъ догматическихъ крайностей. Поэтому дѣло проповѣди у нея занимаетъ естественное мѣсто, будучи признано дѣломъ необходимымъ, какъ средство руководящее въ вѣрѣ и благочестіи. Но и въ исторіи православной церкви были времена, въ которыя проповѣдь получала то большее, то меньшее значеніе въ церковной жизни. Ко времени Златоуста, напри- мѣръ, въ греческой церкви появились разсужденія, что будто бы незачѣмъ и ходить въ Церковь, если нельзя слышать тамъ проповѣдника ²⁾. Сами пред- стоятели Церкви въ то время (въ IV в.) отводили вид- ное мѣсто проповѣди въ христіанскомъ богослуже-

1) Догматич. Богословіе пр. Филарета (Чернигов.), т. 2, стр. 408.

2) Бесѣд. на 2 посл. къ Фесалоник. рус. пер. стр. 46.

ніи, и проповѣдь составляла тогда одну изъ важныхъ частей богослужебныхъ собраній. Это не было только слѣдствіемъ извѣстныхъ свойствъ греческаго духа: учительство церковное уже въ древнѣйшемъ каноническомъ памятникѣ является какъ *обязанность*, а не только какъ *право* епископа и пресвитера—разумѣемъ 58-е апостольское правило; и только развѣ съ помощію утонченнаго перетолкованія этого правила можно доказывать, что на неисполненіе этой обязанности Церковь смотритъ снисходительнѣе, чѣмъ на неисполненіе всякой другой. Къ сожалѣнію съ теченіемъ времени и положеніе проповѣди, какъ и многого другаго въ литургической сторонѣ церковной жизни, измѣнилось. Нельзя было, напримѣръ, ожидать, чтобы въ Константинополь патріаршаго періода послѣ V—VI вв. проповѣдь поставлена была въ особенно удобное положеніе, когда церемоніи *aulae bysantinae* перенесены были на патріаршую церковную обстановку, когда, правда, существовали должности „учителя Апостола“, „учителя Евангелія“, т. е. толкователя Апостола и Евангелія, но когда каждый изъ нихъ былъ церковный чиновникъ, одинъ изъ десятковъ таковыхъ, состоявшихъ при патріаршемъ богослуженіи. Въ прежнее время Златоустъ мучился иногда со своими слушателями, какъ съ малыми дѣтьми, если видѣлъ, что слово Божіе, изъясняемое имъ постоянно, туго достигаетъ ихъ пониманія, повторялъ опять сказанное имъ прежде, если замѣчалъ, что нѣсколько бѣдныхъ людей, занятыхъ обычными заботами, не могли слышать сказанное прежде; предупреждалъ, что именно онъ будетъ изъяснять въ предстоящихъ бесѣдахъ, совѣтовалъ прочесть напередъ дома ту часть священнои книги Ветхаго или Новаго Завѣта, которая будетъ объясняться въ слѣдующихъ проповѣдяхъ: при церемоніальной проповѣди всего этого,

очевидно, быть не могло, и не могло быть къ явному ущербу для дѣла христіанскаго просвѣщенія въ собственномъ смыслѣ. Самая форма проповѣди, къ которой, съ наступленіемъ византійскаго періода церковной исторіи, стало тяготѣть церковное проповѣдничество, болѣе и болѣе стремилась къ подражанію свѣтскимъ ораторскимъ произведеніямъ, заимствовать внѣшній блескъ этихъ послѣднихъ, вслѣдствіе чего естественно было, по требованію самого дѣла, все болѣе и болѣе удаляться отъ первохристіанской формы и содержанія проповѣди — бесѣды и изъясненія Слова Божія. Обыкновенно этотъ періодъ проповѣди считаютъ вѣкомъ, когда „блестящій“ періодъ проповѣдничества миновалъ, и считаютъ совершенно основательно, но только совсѣмъ не по тѣмъ соображеніямъ, какія обыкновенно имѣются въ виду: миновалъ блестящій вѣкъ потому, что проповѣдь потеряла то значеніе, которое она имѣла въ древнѣйшее время, сдѣлавшись проповѣдью церемоніальной, а вовсе не потому, что исчезли такъ называемые церковные „ораторы“. „Ораторы“ едва ли приносили и прежде много пользы для христіанскаго просвѣщенія, подобно тому какъ это можно думать о современныхъ намъ ораторахъ сердитыхъ, страстныхъ, мечущихъ громы, по сравненію съ малоизвѣстными и смиренными собесѣдователями съ народомъ.

Какъ извѣстно, русская церковь получила начало своего бытія отъ греческой церкви, и именно въ тотъ періодъ исторіи послѣдней, когда дѣло проповѣдничества пережило свой блестящій періодъ: въ это время видное значеніе въ дѣлѣ назиданія имѣла уже письменная литература, домашнія наставленія подвижниковъ благочестія и др. Самое устройство богослуженія не предполагало уже проповѣди, какъ *необходимой* части богослуженія. Должно предполагать,

что все это отобразилось на древне-русской церковной жизни: ни въ церковныхъ правахъ и воззрѣніяхъ, ни въ богослужебной практикѣ проповѣди не отводилось особенно виднаго мѣста. Самые вопросы, возникавшіе въ то время и тревожившіе собою пытливые умы, показываютъ, что церковная жизнь и благочестіе не стояли ни въ малѣйшей связи съ проповѣдью. Источникъ назиданія въ христіанской церкви не мыслился какъ нѣчто непрерывное, имѣющее право существовать вмѣстѣ съ преемствомъ въ церковной іерархіи: напротивъ, этотъ источникъ видѣлся исключительно только назади—въ древней проповѣднической литературѣ,—получило значеніе авторитетнаго средства назиданія только то, что было освящено именемъ древности. Здравый смыслъ русскаго чловѣка, конечно, въ данномъ случаѣ не обманывалъ его: это было всетаки лучшее средство, какимъ располагала древне-русская церковь. Но вмѣстѣ съ этимъ понятіе о пастырѣ, какъ живомъ учителѣ — мало по малу исчезало и исчезло: живая проповѣдь стала мыслиться какъ источникъ ересей! Съ періодомъ югозападной учености и съ новымъ (синодальнымъ) устройствомъ русской церкви мнѣнія о задачахъ пастырства въ указанномъ смыслѣ стали исчезать. Но югозападная ученость, имѣвъ громадное вліяніе на образованіе русскихъ пастырей послѣднихъ двухъ столѣтій, оказала вліяніе и на дѣло проповѣдничества въ смыслѣ едва ли желательномъ: съ другой только стороны, но и она вносила тоже усиленное стремленіе подражать въ проповѣди „ораторству“ — оставляя безъ вниманія, что христіанская проповѣдь есть нѣчто глубоко различное отъ ораторства — будучи, говоря относительно, необходимой частью богослуженія, какъ таковой служить чтеніе Слова Божія, — что обязанность проповѣди для церковныхъ „ораторовъ“ выте-

каеть изъ 58 апостольскаго правила. Понятія о цѣ-
ляхъ и задачахъ проповѣди, внесенныя при посред-
ствѣ югозападной богословской учености, проникли
въ русскую богословскую школу, долго держали и
держатъ гомилетiku, какъ теорію, на ложномъ пути —
именно, поставляя проповѣдничество въ „ораторство-
ваніи“, а проповѣдь—какъ видъ краснорѣчія, парал-
лельный другимъ видамъ онаго. Въ такъ называе-
момъ обществѣ это создало стремленіе видѣть во
всякомъ выдающемся проповѣдникѣ непременно „рос-
сійскаго Флешьера“, Боссюэта и т. п. ¹⁾. Если же
находили и російскихъ Златоустовъ, то понимая
опять Златоуста какъ Флешьера, и забывая о Зла-
тоустѣ историческомъ—какъ неутомимомъ труженникѣ
въ преподаваніи народу Слова Божія.

---

1) «Посвящая вамъ красоты превосходнѣйшихъ проповѣд-
никовъ, я посвящаю оныя тому духовному нашему витію,
который у священнаго праха Александра и Елисаветы ожи-
вилъ краснорѣчіе Боссюэта и утвердилъ сими двумя над-
гробными словами на поприщѣ словесности російской но-
вую отрасль краснорѣчія»: такъ въ 1828 году разсуждалъ
извѣстный тогда Сергѣй Глинка въ своемъ посвященіи «Кра-
соты духовнаго краснорѣчія» (Москва 1828) митрополиту Фи-
ларету. Но самъ митрополитъ Филаретъ, повидимому, не раз-
дѣлялъ мнѣній своихъ поклонниковъ, усматривавшихъ въ
немъ только основателя «новой отрасли краснорѣчія». «Нѣ-
которые изъ насъ—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ
словъ—по слабому понятію о званіи (пастыря), къ сожалѣ-
нію, почти все дѣло ограничиваютъ играніемъ на свирѣли,
предками настроенной; *другіе перевозноятъ искусство гласа
и слова.* Но что—если мы только свиряемъ, а овцы требу-
ють пищи? Если мы хотимъ дать имъ пищу въ словѣ на-
шемъ, но съ транезы нашей сыплются только сухія плевы
или цвѣты увеселяющіе но не питающіе? Если мы угро-
жаемъ жезломъ, гдѣ надо-бы утѣшать, или—разрѣшаемъ, гдѣ
надо-бы устрашать вѣчными узами?» и т. д. (слова и рѣчи,
т. II стр. 7. Нов. изд.).

Можно сказать въ виду этого, что до начала настоящаго столѣтія историческія условія русской церковной жизни не были особенно благопріятны для развитія проповѣди въ надлежащей мѣрѣ и силѣ. Выдающіеся умы, конечно, замѣчали это и сожалѣли объ этомъ. Замѣчательный, но, кажется, мало замѣченный въ свое время, іерархъ русской церкви, преосвященный Ириней Фальковскій, († 1823 г.) въ началѣ настоящаго столѣтія выражалъ мысль, что „для христіанскихъ народовъ ничего не можетъ быть вредительнѣе, какъ есть ли между ними прилежнаго проповѣданія Слова Божія не будетъ“¹⁾. Вѣроятно и не одинъ Ириней такъ думалъ. «Христіане—говорилъ м. Филаретъ,—прежде нежели стали называться христіанами—всѣ до одного назывались *учениками*. Неужели это — праздныя слова, ничего незначащія?» спрашивалъ м. Филаретъ и выводилъ отсюда заключеніе о великомъ значеніи учительства въ жизни христіанской церкви²⁾. Но это были — идеальныя представленія о дѣлѣ. Въ дѣйствительности же условія существованія русской проповѣди и съ наступленіемъ настоящаго столѣтія — мало измѣнились сравнительно съ прежними въ пользу развитія проповѣди, такъ чтобы современные порицатели духовенства въ современномъ поколѣніи пастырей русской церкви могли усматривать людей, теряющихъ лучшія преданія прошлаго. И такъ какъ настоящее поколѣніе русскаго пастырства прежде всего состоитъ въ тѣснѣйшей исторической зависимости отъ вліяній и идей господствовавшихъ въ духовной наукѣ и обществѣ, и отъ условій, общественно-церковнаго быта суще-

1) Ириней Фальковскій, г. Булашева, Киевъ, 1883. стр. 232.

2) Слов. и рѣчи II: 93.

ствовавшихъ нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, а потомъ уже отъ идей и условій времени настоящаго: то мы сначала и бросимъ взглядъ на эпоху 30—50-хъ годовъ настоящаго столѣтія.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ нѣмецкій историкъ проповѣди *Ленизъ* слѣдующимъ образомъ характеризовалъ условія русскаго проповѣдничества того времени: „все расположеніе богослуженія по греческому обряду состоитъ въ литургическомъ взаимодействіи между совершающимъ богослуженіе пресвитеромъ и отвѣчающимъ ему хоромъ пѣвцовъ; чтеніе изъ священнаго писанія и формулы молитвъ сопровождаютъ множествомъ обрядовъ и символическихъ дѣйствій, и почти нѣтъ ни одного незанятаго момента, въ который проповѣдь могла бы найти нужное для нея мѣсто. Это и служитъ причиной того, почему съ проповѣдью, если она когда и бываетъ, выступаютъ по совершеніи богослуженія.—Притомъ—проповѣдь обыкновенно составляетъ только чтеніе гомилий древнихъ отцовъ церкви. Свободной (т. е. оригинальной) проповѣди русская церковь не позволяетъ своимъ попамъ, изъ того опасенія, внушаемаго малою степенью образованности низшаго клира, что такая проповѣдь можетъ привнести въ церковь много страннаго или противнаго принятому ученію. Если же какой пресвитеръ обнаружитъ особенный талантъ къ проповѣди, то епископъ, правда, можетъ дать ему позволеніе проповѣдывать, но можетъ и воспрепятствовать ему въ этомъ“. Тѣ же не многочисленные случаи, когда допускается и оригинальная проповѣдь въ русской церкви, по свѣдѣніямъ нѣмецкаго историка, сводятся къ слѣдующимъ: „гражданскія событія, воспоминанія побѣдъ, погребеніе за служенныхъ церковныхъ іерарховъ, церковныя празднества и моленія—вотъ что преимущественно даетъ

духовнымъ ораторамъ случай обнаруживать свой го- милетическій блескъ“¹⁾. При этомъ, вѣроятно, въ до- казательство того, какъ мало распространенъ въ рус- ской церкви обычай свободной проповѣди, Ленцъ ука- зываетъ, что будто бы послѣдній изъ извѣстныхъ ему проповѣдниковъ, митрополитъ Платонъ, нѣкоторыя проповѣди заимствовалъ у католическаго проповѣд- ника Фенелона!—Мнѣніе нѣмецкаго ученаго объ ус- ловіяхъ русской проповѣди, какъ эти условія оказа- лись къ тридцатымъ годамъ текущаго столѣтія, та- кимъ образомъ сводится къ тому, будто 1) для про- повѣди нѣтъ даже и мѣста въ русскомъ богослуже- ніи, 2) и что если бы таковое и нашлось, то пропо- вѣди въ русской церкви не можетъ быть по край- нему недовѣрію церковной власти къ прямымъ цер- ковнымъ учителямъ священникамъ,—недовѣрію, имѣ- ющемъ основаніе въ малообразованности клира. Спра- ведливо ли это мнѣніе?

Вопросъ объ устройствѣ богослуженія, конечно, вопросъ слишкомъ сложный и важный, чтобы къ нему можно было относиться исключительно съ точки зрѣнія такъ называемыхъ современныхъ нуждъ и по- требностей, хотя бы въ числѣ этихъ потребностей было и церковное учительство. Но о вопросѣ этомъ въ его отношеніи къ проповѣди размышляютъ по- видимому, не одни нѣмецкіе историки проповѣди, считающіе, что въ богослуженіи нашей церкви нѣтъ и мѣста для проповѣди. Вотъ что читаемъ напри- мѣръ въ Киевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ не- давняго времени: „наши богослужебные уставы въ окончательномъ видѣ сложились въ монастыряхъ. Про- должительность многихъ изъ нашихъ богослужебныхъ послѣдовавій съ положенными для нихъ чтеніями

1) Gesch. der Homiletik, 1839. II. S. 208.

вполнѣ подобала монастырямъ, гдѣ отрѣшившіеся отъ житейскихъ попеченій иноки призваны были всецѣло посвятить себя подвигамъ денно - ночной молитвы. Для церквей мірскихъ эти продолжительныя послѣдованія и чтенія оказываются часто неисполнимыми. "Естественнымъ результатомъ этого, по мнѣнію автора приводимой статьи, является и теперь существующая слѣбшность и сокращенія въ чтеніи и пѣніи. Уничтожить такія отступленія отъ церковнаго устава, по мнѣнію того же автора, дѣло безнадежное: „Остается успокоиться на той мысли что со временемъ, если то будетъ церковною властію признано полезнымъ для благочестія, могутъ быть введены сокращенныя уставы или чины нѣкоторыхъ службъ и послѣдованій для мірскихъ церквей въ видахъ того, чтобы *взамѣнъ сокращенныхъ чтеній, усилить въ нашемъ богослуженіи служеніе слову евангельской проповѣди*, составлявшей нѣкогда необходимую, весьма важную часть общественнаго богослуженія.“¹⁾ Признано ли будетъ нужнымъ это сокращеніе, это, конечно, неизвѣстно. Но едва ли будетъ кто отрицать по крайней мѣрѣ то, что если бы практика не допускала упоминаемыхъ сокращеній противъ устава, то едва ли бы для лицъ совершающихъ богослуженіе была возможность произносить проповѣди — по крайней мѣрѣ въ продолженіи трети церковнаго года, когда болѣе продолжительное богослуженіе требуетъ особеннаго напряженія не только духовныхъ силъ, но даже и физическихъ. Кажется, самый требовательный въ церковныхъ вопросахъ человекъ, извѣстный А. Н. Муравьевъ, и тотъ задумывался надъ тѣмъ, „можетъ ли одинъ священникъ съ приходомъ въ 700 душъ совѣстливо исполнять свою пастырскую

---

¹⁾ Кіевск. Епарх. Вѣдом. 1882 г. (Ст. перепечат. въ Прав. Обзорніи) 1882, Апр. стр. 798 и дал.

обязанность, при многочисленныхъ требахъ, отвлекающихъ его во всѣ стороны. Какихъ трудовъ стоить одинъ великій постъ, чтобы приготовить столькихъ прихожанъ ежедневнымъ служеніемъ кромѣ постороннихъ требъ!“¹⁾ Конечно, люди привыкшіе только предъявлять *требованія* къ лицамъ церковной іерархіи не задумаются надъ подобными вопросами: укажутъ на примѣры древнихъ пастырей, которые проповѣдывали не одинъ разъ въ день, а иногда и нѣсколько (Златоустъ, Августинъ), не думая о томъ, будто для такой усиленной проповѣди не давали мѣста другія части богослуженія, или чтобы возможность такой проповѣди превышала силы обыкновеннаго человѣка. Но, вѣдь, въ тоже время только незнакомство съ церковной археологіей можетъ давать основаніе для такого указанія на примѣръ древнихъ великихъ проповѣдниковъ, какъ вполне уличающій нерадѣніе современныхъ проповѣдниковъ: литургическіе порядки и церковный бытъ того времени и настоящаго слишкомъ различны: тамъ была столь значительная литургическая свобода, что, напримѣръ, Оригенъ, не стѣняясь требованіями церковно-богослужебнаго порядка, могъ во дни страстной седмицы изъяснять очередную книгу священнаго писанія, что теперь, конечно, дѣло уже совсѣмъ невозможное. Если, поэтому, хотя не сокращеніе монастырскаго устава въ богослуженіи, то хотя малая доля законной литургической свободы (незаконная, конечно, на практикѣ существуетъ въ весьма обширныхъ размѣрахъ!) въ интересахъ церковнаго учительства была бы весьма желательна. Между тѣмъ, какъ во время, о которомъ идетъ рѣчь, такъ и теперь, очевидно, объ этой свободѣ не можетъ быть и вопроса, и вся-

---

1) Русскій Архивъ 1883, № 3. 186.

кое уклоненіе отъ принятаго порядка для пастыря составляетъ преступленіе по должности. Чтò, напри- мѣръ, было бы цѣлесообразнѣе и согласнѣе съ прак- тикой древней церкви, какъ присоединеніе проповѣ- ди непосредственно къ чтенію Апостола и Евангелія, съ попыткой притомъ вывести изъ употребленія, по выраженію автора той же статьи Киевскихъ Епарх. Вѣдомостей, нашу чисто русскую выдумку, „непри- личіе и несмысліе которой менѣе ощутительны для насъ лишь потому, что мы привыкли къ ней“ — разумѣется басовое чтеніе Евангелія, вовсе уже ненужное въ цѣляхъ предстоящаго проповѣдни- ческаго изъясненія Писанія? Между тѣмъ, если судить по тому, что для такого присоединенія про- повѣди непосредственно къ Евангелію существу- етъ спеціальное распоряженіе Св. Синода только для недѣли о слѣнномъ, должно думать, что отступленіе отъ этого порядка есть дѣло подлежащее сомнѣнію. Вопросъ, такимъ образомъ, не въ томъ, будто въ православной церкви, какъ думалъ нѣмецкій историкъ, совсѣмъ нѣтъ и мѣста для проповѣди, хотя практи- ка русской церкви и ставитъ проповѣдь послѣ бого- служенія Чтò является дѣйствительнымъ вопросомъ, это степень возможности для пастыря удѣлять всег- да время на проповѣдь. Повидимому, этотъ вопросъ долженъ былъ бы возникнуть уже давно и найти себѣ то или другое рѣшеніе, именно: предстояло или настаивать на безусловной точности въ выполне- ній богослужебныхъ уставовъ, но принявъ во внима- ніе, что въ такомъ случаѣ нужно сдѣлать уступку ограниченности человѣческихъ силъ и потому не тре- бовать и проповѣди во всѣ воскресные и праздни- чные дни, чтò, какъ увидимъ, часто церковной адми- нистраціей предъявляемо бываетъ, и чтò, конечно, вполне согласно съ церковными канонами; или—если

требовать проповѣди какъ непремѣнной обязанности, то являлась настоятельная необходимость предоставить въ извѣстныхъ случаяхъ извѣстную мѣру законной литургической свободы.—Насколько можно однако судить по мнѣніямъ отдѣльныхъ лицъ, еще не былъ возбуждаемъ когда либо вопросъ о соотношеніи между церковно-богослужебнымъ порядкомъ и требованіями проповѣдничества не только въ смыслѣ чаяній *Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей*, но и въ смыслѣ хотя бы только условнаго предоставленія извѣстной мѣры литургической свободы съ цѣлію достигнуть совмѣстимости прямой обязанности проповѣдывать съ степенью силъ человѣка. Напротивъ, если церковно-богослужебный порядокъ и былъ предметомъ заботъ, то совсѣмъ съ противоположной стороны: именно—со стороны заботъ о мѣрахъ къ сохраненію его неприкосновенности, и должно признать, что на это были значительныя основанія. Въ сороковыхъ годахъ извѣстному англійскому діакону Пальмеру въ Петербургѣ жаловались: что „службы церковныя у насъ слишкомъ длинны, пригодны только для монастырей, откуда онѣ и заимствованы, и вслѣдствіе того сопровождаются большими безпорядками и неблагоговѣніемъ. Это потому, что, съ одной стороны, *гражданная масса народа со страхомъ смотритъ на всякое сокращеніе*, такъ что было бы опасно и со стороны власти дѣлать какія либо измѣненія, а съ другой стороны—часто было бы физически невозможно для священника и народа исполнять ихъ, если бы онѣ совершались подобающимъ образомъ во всей своей полнотѣ! 1) Въ шестидесятыхъ годахъ, когда послѣдовалъ законъ о сокращеніи приходовъ, А. Н. Муравьевъ разсуждалъ: „если ради

1) Странникъ 1883. Ноябрь 421.

невозможности (для силъ священника, когда онъ одинъ на цѣлый приходъ, исправлять многочисленныя требы и совершать богослуженіе въ нѣкоторыя особенныя церковныя времена),—начнутся сокращенія службы божественной, то не охладѣеть ли ревность прихожанъ къ церкви, когда вмѣсто полнаго богослуженія, къ которому искони привыкли, увидятъ усѣченное, не разумѣя сами, что это значить!“ „Надобно оберегать эту полноту богослуженія, а не умалять изъ видовъ экономическихъ“, т. е. изъ тѣхъ видовъ, которые привели къ мысли о сокращеніи приходовъ ¹⁾. И нельзя, конечно, повторять, не согласиться, что обереганіе привычныхъ для народа формъ богослуженія предпочтительнѣе всякаго рода измѣненій—не только ради тѣхъ причинъ, на которыя указывали въ Петербургѣ англійскому діакону Пальмеру, но даже если-бы была раздѣляема мысль о необходимости усиленія элемента учительнаго на счетъ уставныхъ чтеній.—Но всякій безпристрастный изслѣдователь дѣла проповѣди долженъ придти къ вопросу: какаа же была бы и вина русскаго пастырства, если бы даже до сихъ поръ проповѣдь и въ самомъ дѣлѣ была только принадлежностью исключительныхъ дней, а не обычнымъ дѣломъ, какъ обычно само богослуженіе, — когда русскому пастырю, даже по мнѣнію людей строгихъ, съ не менѣе настоятельными церковными потребностями можно иногда бываетъ справиться только съ опасностію сдѣлать упущеніе въ иной части своихъ обязанностей, и когда для нихъ не была разрѣшена литургическая свобода, каковая свобода, по мнѣнію людей знающихъ религіозный духъ народа, была бы и гибельнѣе, нежели существующее теперь умале-

---

1) Русскій Архивъ, указ. мѣст.

ніе учительства въ общемъ строѣ церковнаго порядка? Вотъ что прежде всего другаго не мѣшало бы принять во вниманіе людямъ сравнивающимъ идельныя, въ отношеніи къ дѣлу проповѣди, требованія отъ пастырей съ наличнымъ положеніемъ этого дѣла.

Нужна ли однако проповѣдь, если она представляетъ для пастырей такое затрудненіе, и если народная религіозность въ своихъ расположеніяхъ болѣе склоняется къ уставнымъ чтеніямъ, нежели къ оригинальной проповѣди? Нужна ли для православной церкви проповѣдь вообще—независимо отъ направленія народныхъ симпатій? Вотъ вопросы, которые съ перваго взгляда представляются по меньшей мѣрѣ странными.—Но однако же въ прошломъ, и даже отчасти въ настоящемъ нашей исторіи отвѣты на эти вопросы встрѣчались, если не прямо отрицательные, то и утвердительные отвѣты на нихъ давались весьма условно.

Покойный преосвящ. Филаретъ, бывшій Черниговскій, въ своемъ Догматическомъ Богословіи доказываетъ учительную власть церковной іерархіи, между прочимъ, и тѣмъ, что „нужда въ учителяхъ вѣры не прекратится до скончанія вѣка, такъ какъ въ обществѣ вѣрующихъ страсти всегда будутъ рождать то извращеніе вѣры, то отступленія отъ закона евангельскаго“¹⁾. Но, повидимому, преосв. Филаретъ нуждѣ этой признавалъ возможнымъ удовлетворять не съ помощію одной проповѣди въ техническомъ смыслѣ этого слова. „Для церкви — говоритъ преосвященный—столько же нужны обряды, сколько и проповѣдь. Простой народъ, который всегда составлялъ и составляетъ большинство въ церкви, живетъ преимущественно чувствомъ и воображеніемъ; пропо-

---

¹⁾ Догм. Богосл. II, 408.

вѣдь онъ рѣдко слушаетъ, рѣдко и понимаетъ ее; для него проповѣдь—обряды и наружныя благочестивыя дѣйствія“¹⁾. Усиливаясь поэтому выдвинуть значеніе и мѣсто собственно проповѣди—едва ли и нужно. И вообще знаменитому ученому богослову представляется важнѣе оградить власть іерархіи на учительство отъ посягательства на нее, отъ послѣдователей идеи всеобщей равноправности членовъ воинствующей церкви, чѣмъ поддержать мысль о настоятельной нуждѣ практически пользоваться этимъ правомъ. Но такъ именно думалъ, можно полагать, и не одинъ какой-нибудь русскій богословъ: мысль эта была распространенною. Никто, напримѣръ, не можетъ считать покойнаго П. С. Казанскаго человекомъ не понимавшимъ нужды церкви. Но онъ еще болѣе настаивалъ на той же самой мысли, доводя ее до положительныхъ выводовъ—до признанія ненужности проповѣди. „Обязанность священника—учить народъ“, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ записокъ. „Очень многіе дѣло ученія народа ставятъ въ сказываніи поученій и находя, что проповѣдь въ нашемъ богослуженіи не почитается необходимою принадлежностію, утверждаютъ, что духовенство не учить народъ“. Но „мнѣ кажется, что протестантскія и католическія проповѣди мерещутся обвинителямъ нашего духовенства, когда они повторяютъ эти упреки. Тамъ проповѣдь—единственная часть богослуженія, понятная для присутствующихъ. У насъ же каждое дневное богослуженіе въ своихъ церковныхъ пѣсняхъ и чтеніяхъ представляетъ столько истинъ догматическихъ, нравственныхъ, столько призывовъ къ покаянію, что ихъ достаточно для замѣны всякаго поученія католическаго или протестантскаго—

---

¹⁾ ibd.

искусственного, растянутого, имѣющаго въ виду славу проповѣдника (?), а не славу Божию и не благо ближнихъ. Наше богослуженіе такъ продолжительно, назиданіе предлагаемое самою церковною службою такъ полно, что прихожане нерѣдко отягощаются слушаніемъ поученій даже даровитыхъ проповѣдниковъ“¹⁾. „Внятное богослуженіе, говорилъ и А. Н. Муравьевъ, составляетъ катихизическое ученіе нашего народа, неимѣющаго иного“ ученія²⁾. И А. Н. Муравьевъ не усматриваетъ нужды въ ученіи народа, лишь бы только не допускались какія либо сокращенія въ богослуженіи,—что, какъ было замѣчено, предвидѣлось Муравьевымъ какъ слѣдствіе извѣстнаго сокращенія приходоу и слѣдоват. личнаго состава церковнаго клира.—Итакъ, по мнѣнію людей прошлаго, о недостаточности проповѣди у насъ почти и вопроса не можетъ быть: православная церковь имѣетъ средства для назиданія народа гораздо превосходнѣйшія церковнаго учительства, и вопроса о значеніи для дѣла проповѣди продолжительнаго богослуженія по монастырскимъ уставамъ, а равно и о возможности или невозможности удѣлить часть богослуженія на учительство не можетъ быть, такъ какъ проповѣдь у насъ вполне замѣняется богослуженіемъ. Не можемъ точно указать, гдѣ именно, но въ другихъ случаяхъ П. С. Казанскій выражалъ мысль, что современный пастырь русской церкви поступилъ бы не совсѣмъ благоразумно, если бы, исходя изъ идеи важности церковнаго учительства, сталъ особенно усиливаться предлагать народу проповѣди, когда народъ нашъ болѣе всего уже любитъ, въ церковной жизни, обряды.—Мы еще не разъ будемъ

1) Прав. Обзор. 1880. Сент: стр. 144.

2) Русскій Архивъ 1883, III, 186.

ссылаться на слова почтеннаго нашего ученаго, мнѣнія котораго, пусть многіе съ ними и не согласятся, заслуживали бы большей извѣстности, чѣмъ какую они имѣють теперь. Теперь же замѣтимъ еще, что вслѣдъ за богословами по наукѣ, такое мнѣніе начинало уже находить сочувствіе и въ людяхъ богословской наукой и церковными вопросами спеціально не занимавшихся. Покойный Достоевскій въ этомъ отношеніи заходилъ и много далѣе, — до того, что и отсутствію проповѣди, и даже внятнаго въ церкви чтенія не придавалъ важнаго значенія. „И что въ томъ, что народу мало читають проповѣдей; а дьячки бормочуть неразборчиво — самое колоссальное обвиненіе на нашу церковь, придуманное либералами, вмѣстѣ съ неудобствомъ церковно-славянскаго языка, будто бы непонятнаго простолюдину“? Народъ, въ глазахъ Достоевскаго, не нуждается въ проповѣди, какъ въ средствѣ духовнаго просвѣщенія, потому что — „народъ просвѣтился уже давно, принявъ въ свою суть Христа и ученіе Его. Мнѣ скажутъ: онъ ученіе Христа не знаетъ и проповѣдей ему не говорятъ; но это возраженіе пустое: все знаетъ, все то, что именно нужно знать, хотя и не выдержать экзамена изъ катехизиса. Научился же (всему что нужно) въ храмахъ, гдѣ вѣками слышалъ молитвы и гимны, которые лучше проповѣдей“. Народу не читають проповѣдей: „но за то выйдетъ попъ и прочтетъ: Господи и владыко живота моего, — а въ этой молитвѣ вся суть христіанства, весь его катехизизъ, а народъ знаетъ эту молитву наизусть. Знаетъ тоже онъ наизусть многія изъ житій святыхъ, пересказываетъ и слушаетъ ихъ съ умиленіемъ“ и т. д. (Дневникъ Писателя 1880, стр. 21—23). Парадоксальность положенія, что народъ все знаетъ, едва ли нужно и доказывать: „православно-

русскій народъ (быть можетъ, благодаря подобнымъ преувеличеннымъ представленіямъ о его духовныхъ совершенствахъ!),—скажемъ словами одного архипастыря,—въ большинствѣ своемъ былъ до сего времени младенцемъ, спящимъ на лонѣ матери церкви; сладко сердцемъ, но полубезсознательно умомъ прислушиваясь къ священнымъ пѣснямъ своей святой матери и далеко не всегда даже понимая ихъ, онъ сладко почивалъ сознаниемъ, онъ вѣрилъ не испытывая, и тепло ему было на свѣтѣ, вкушая блаженство вѣры полной, но полубезсознательной: сознание же его относительно предметовъ вѣры было неразвито до поразительнѣйшей, до почти невѣроятной степени¹⁾. И уже, конечно, никто не подумаетъ, чтобы епископъ православной церкви тоже «выдумывалъ», наравнѣ съ либералами, укоряемыми покойнымъ Достоевскимъ, такую картину истинной степени религіознаго познанія русскаго народа. Къ сожалѣнію мысль о ненужности проповѣди для русскаго человѣка продолжаетъ существовать и теперь. Заявляютъ, будто «устныя проповѣди были существенно необходимы, когда словесное стадо Христова было неграмотно. Теперь же всего удобнѣе раздавать народу печатныя поученія», т. е. мысль въ родѣ той, что — нужно упразднить сословіе учителей, потому что существуютъ печатныя книги²⁾.

---

1) Прав. Обзорѣніе 1884, № 2, Слово Пресвящ. Никанора. Другой изъ современныхъ русскіхъ іерарховъ замѣчаетъ, что въ Сибири «знаніе истинъ вѣры и необходимыхъ молитвъ далеко не распространено въ народѣ. Не только дѣти, но и многіе взрослые, даже старики совсѣмъ не знаютъ общепотребительныхъ молитвъ, знаніемъ истинъ вѣры не превосходятъ новокрещенныхъ бурятъ»: печальное поясненіе религіознаго всезнанія русскаго народа, и притомъ — не въ его прошломъ, а въ настоящемъ. (См. Церковн. Вѣстникъ, 1884, № 8, стр. 8).

2) Впрочемъ, на это газета «Современныя извѣстія» отвѣ-

Сказанное приводитъ къ заключенію: если мысль о ненужности проповѣди раздѣлялась людьми выдающимися, то принявъ во вниманіе, что о степени расположенности людей извѣстнаго періода исторіи къ той или другой мысли можно судить по мнѣніямъ выдающихся лицъ, то не должно ли заключить, что въ прежнее время проповѣдь вообще не считалась, не скажемъ, какою либо настоятельною потребностію, а потребностію просто? Если же такъ—то какое имѣли право хулители пастырства вдругъ потребовать отмѣннаго состоянія русскаго проповѣдничества, когда дѣло это никакъ не можетъ быть создано въ одинъ день,—если бы даже признать, что мысль о ненужности проповѣди теперь всѣми оставлена и потому не имѣетъ вліянія на дѣятельность современнаго пастырства? А оставлена ли всѣми эта мысль, это еще составляетъ вопросъ.

Повидимому, дѣло проповѣди не входило также и въ идеальныя представленія о пастырствѣ или въ теорію пастырскаго служенія. Не нужно говорить уже о томъ, признавали ли проповѣдь дѣломъ неотложной нужды тѣ лица, которыя хотя быть могутъ имѣли вліяніе на рѣшеніе вопросовъ о нуждахъ церкви, но прямо къ занятію такими вопросами призваны не были. Недавно обнародованная записка

чала, что, это ужъ чрезъ край: проповѣдь есть *всетаки* довольно существенная часть богослуженія, и *обычай* производить проповѣди въ церкви идетъ съ глубочайшей древности: вспомнимъ хотя великихъ трехъ святителей церкви Василия В., Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго!»—Но если ужъ въ самомъ дѣлѣ вспоминать великихъ святителей, то должно будетъ признать основанія существованія проповѣди не въ одномъ только *обычаѣ*, который, какъ таковой, могъ бы со временемъ и исчезнуть. (См. Церковный Вѣстникъ, 1884, № 6, стр. 3).

А. Н. Муравьева о нуждахъ церкви ни единымъ словомъ не намекаетъ, чтобы въ числѣ нуждъ церкви была и нужда въ большемъ развитіи проповѣди, — хотя въ запискѣ и отмѣчены нѣкоторыя стороны, которыя имѣютъ косвенное отношеніе къ вопросу о пастырскомъ учительствѣ, какъ напримѣръ — замѣчаніе о томъ, что значительная часть современной епископской дѣятельности бесплодно «уничтожается, обращаясь въ одну только представительность на торжественные случаи». То же самое нужно думать и о дѣйствительныхъ и призванныхъ попечителяхъ о нуждахъ церковныхъ, и притомъ думать такъ вынуждаютъ многіе и разнообразные источники. Такъ прежде всего желаніе проповѣди, очевидно, должно бы выразиться въ отводѣ значительнаго мѣста теоріи пастырскаго служенія, видную часть которой составляетъ наука о проповѣди, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Между тѣмъ этого мы никакъ не можемъ усмотрѣть въ исторіи духовно-учебныхъ заведеній настоящаго столѣтія. Извѣстно, что въ старыхъ семинаріяхъ существовало или, по крайней мѣрѣ, должно было существовать преподаваніе весьма разнообразныхъ предметовъ, даже до медицины и сельскаго хозяйства включительно, введеніе которыхъ въ программу семинарій обусловливалось иногда случайными причинами. Правда, и въ Германіи въ это время въ университетахъ, на классахъ Пастырскаго Богословія, шли разсужденія и о томъ, сколько нужно клеверу на моргенъ посѣва—потому, что пастырь мыслился какъ образцовый для прихожанъ сельскій хозяинъ. Но—тамъ это было отъ избытка, т. е. отъ того, что къ пастырству дѣйствительно приготавлились люди всестороннимъ образомъ. У насъ же, по свидѣтельству П. С. Казанскаго, слѣдовательно челоуѣка опытно извѣдавшаго на себѣ все образованіе

семинарій, главнымъ образомъ приготовлявшихъ тогда дѣятелей на нивѣ церковной, иногда въ семинаріяхъ теории пастырскаго служенія и совсѣмъ не читали. Мы воздерживаемся привести „то единственное наставленіе о будущемъ служеніи“, которое удалось услышать въ семинаріи будущему доктору Богословія ¹⁾, какъ и всѣмъ его сотоварищамъ. На практикѣ это отрицательное явленіе, т. е. что учительство церковное не входило въ идеальныя требованія отъ пастыря, сказывалось еще оцутительнѣе. Покойный протопресвитеръ В. Б. Бажановъ рассказываетъ, что когда онъ сталъ искать мѣсто священника, то тогдашній (въ концѣ 20-хъ годовъ) Петербургскій митрополитъ Серафимъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы просимое мѣсто предложено было сначала діаконамъ, и только уже въ виду того, что никто не принялъ этого мѣста, оно было предоставлено будущему Члену Святѣйшаго Синода. Если вдуматься въ этотъ повидимому незначительный фактъ, то должно будетъ признать его характернымъ для своего времени. Отъ такого искателя священническаго мѣста, какъ покойный Бажановъ, конечно можно ожидать болѣе пользы въ отношеніи къ церковной учительности, нежели отъ привлекаемыхъ къ этому мѣсту діаконѣвъ. Другой фактъ изъ практики тридцатыхъ годовъ показываетъ, что церковная проповѣдь и вообще церковное учительство не всегда составляемы были въ ряду существенныхъ средствъ насажденія благочестія. Рассказываютъ, что вопросъ объ опредѣленномъ жалованьи для духовенства, какъ одного изъ сословій, чрезъ служеніе духовнымъ нуждамъ народа служащаго и государству, рѣшался въ

---

1) Прав. Обзорѣн. 1880, Сент.

отрицательномъ смыслѣ на основаніи такого разсужденія: теперь когда священники (главнѣйшимъ образомъ) живутъ платою за требы, они не отказываются отъ требъ, а спѣшатъ ихъ исполнить поскорѣе. Черезъ это поддерживается въ народѣ благочестіе. Но когда священники стануть получать жалованье: тогда что за охота имъ будетъ спѣшить для исполненія какой либо требы ѣхать за 5—10 верстъ? „Они не только не поторопятся, но пожалуй стануть внушать иную потребу и не исполнять. Черезъ это благочестіе въ народѣ упадетъ, и вѣра ослабнетъ!“ Мы отказываемся вѣрить, чтобы такую невѣроятную мысль раздѣлялъ покойный митрополитъ Филаретъ, какъ это рассказывается нѣкоторыми ¹⁾. Но мы не имѣемъ права не вѣрить, чтобы такой мысли вообще не было въ обращеніи въ тридцатыхъ годахъ уже потому, что мысли близкія къ этой обращаются и теперь. Что напрямѣръ иное будутъ значить новоизмышленные планы замѣны нынѣшнихъ якобы „дорогихъ“ сельскихъ священниковъ „дешевыми“, набираемыми или изъ особенныхъ рассадниковъ этихъ дешевыхъ, спеціально для простаго народа назначаемыхъ, священниковъ, изъ про-семинарій (недавніе проекты газеты „Русь“), или даже священниками-монахами, предполагая, что послѣдніе, какъ безсемейные, опять будутъ „дешевле“ (проектъ газеты „Новое Время“)? Исторія, вѣроятно, еще никогда не была свидѣтельницей обсужденія проектовъ о томъ, какой священникъ „дешевле“: теперь же—дошло и до этого. Но во всякомъ случаѣ мысль о поддержаніи въ народѣ благочестія черезъ священниковъ не какъ учителей, а какъ требоисправителей, вынуждаемыхъ къ исправному требоисправленію нуждою, есть такая мысль,

1) Вѣстн. Европы, 1883, № 7.

при существованіи которой всякая рѣчь объ учительствѣ — пустое занятіе! Какія однако формы прини- малъ этотъ взглядъ на священника какъ на требо- исправителя въ обществѣ прежняго времени и на- сколько, можно думать, онъ былъ распространенъ, объ этомъ есть разсказъ у того же П. С. Казан- скаго, котораго ни въ правдивости, повторяемъ, ни въ умѣннѣ различать случайное отъ постояннаго, никто не можетъ заподозрить: въ эпоху, когда мнѣ- нія о духовенствѣ мѣстныхъ видныхъ прихожанъ имѣли большое значеніе для судьбы и положенія свя- щенниковъ, одна дама „постоянно жаловалась архі- ерею на своихъ священниковъ. Нѣсколько разъ ар- хіерей переводилъ къ ней новыхъ, но все ей не нра- вились. Наконецъ, она присылаетъ своего дьячка. Архіерей изъ любопытства хотѣлъ проэкзаменовать его, чтобы узнать, почему выборъ могъ пасть на него“. Оказалось, что онъ весьма немудрый чело- вѣкъ. „Архіерей спросилъ даму: почему она реко- мендуетъ его? Правда, онъ глупъ, сказала барыня, да, какъ мокрая курица, слова не скажетъ, *а умные- то все хотятъ учить!*“ „Это взглядъ большей части малообразованныхъ людей“, заключаетъ достопочтен- ный авторъ. Итакъ—*не учить*, въ прежнее, но еще не особенно отдаленное время, считалось почти добро- дѣтельно или по крайней мѣрѣ пріятными чертами ха- рактера „пастырей и учителей церкви“.

На состояніе проповѣди обыкновенно вліяютъ, кро- мѣ внутренне-церковныхъ условій, и общія условія быта государственнаго и народнаго. Въ концѣ прош- лаго столѣтія извѣстный Фонъ-Визинъ, создавъ типы Кутейкина и Цифиркина, типы тенденціозные и да- леко не безпристрастные, изъ которыхъ первый у него долженъ былъ изображать корыстолюбіе, а вто- рой — безкорыстіе, вздумалъ также поучить тогдаш-

нихъ пастырей и самому дѣлу проповѣдничества: это его извѣстная проповѣдь—пародія, гдѣ вульгарность и грубость, по намѣренію автора, должны были представлять собою такъ называемую популярность и общедоступность, съ какою, по мнѣнію Фонъ-Визина, слѣдовало бы тогдашнимъ (конецъ XVIII в.) проповѣдникамъ обращаться въ церковной проповѣди къ народу, но чего дѣлать они, на изглядъ Фонъ-Визина, не умѣли. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ нынѣшняго столѣтія одинъ изъ помѣщиковъ Харьковской губерніи, нѣкто Ширко, подалъ тогдашнему оберъ-прокурору св. Синода записку, въ которой мрачными красками описалъ состояніе Украины въ религіозно-обрядовомъ и нравственномъ отношеніи. Записка эта доставлена была тогдашнему Харьковскому архіепископу Иннокентію (Борисову). Изъ записки видно, что Ширко признавалъ тогдашнія чисто-церковныя средства для поддержанія духа благочестія въ простомъ народѣ весьма недостаточными, „и самъ гналъ крестьянъ своихъ въ церковь“. Но преосвящ. Иннокентій въ одномъ письмѣ къ своему другу замѣчаетъ: „навести бы справку, сколько лѣтъ предъ тѣмъ его предки или управители гнали крестьянъ изъ церкви? Удивительно ли послѣ того, что ими снискана несчастная привычка *не бывать въ церкви?*“¹⁾. И далѣе достопочтенный архипастырь объясняетъ, какія затрудненія для правильного теченія религіозной жизни представляло существовавшее тогда крѣпостное право, не оставлявшее времени даже для посѣщенія церкви и исполненія такихъ обязанностей, какъ исповѣдь и причащеніе Св. Таинъ. Если же это такъ, то для пастырей церкви еще менѣе четверти вѣка тому назадъ сто-

---

¹⁾ Русская старина, 1879, кн. 29, стр. 388—89.

яль не всегда удоборазрѣшимымъ вопросъ: всегда ли было кому проповѣдывать въ церкви? И Фонъ-Визину, представлявшему въ своей проповѣди-пародіи, какъ нужно учить мужика, долженъ бы представиться и вопросъ: всегда ли еще можно было найти въ церкви этого мужика. — Конечно, условія крѣпостнаго права дѣйствовали на религіозное состояніе народа не всегда и не вездѣ именно такъ, какъ представлялись они преосвящ. Иннокентію. Но это показываетъ, какихъ необходимыхъ условій иногда не доставало для правильной постановки церковнаго учительства. Не говоримъ уже о томъ, какія понятія создавались вслѣдствіе условій тогдашняго быта о самомъ христіанскомъ благочестіи. П. С. Казанскій рассказываетъ, что въ то время можно было прослыть безбожникомъ за одну только попытку отстоять мысль, что одно хожденіе въ церковь, или вожденіе въ церковь, какъ это дѣлалъ Широко, и, вѣроятно, не онъ одинъ, безъ внутренняго благочестія — дѣло недостаточное. „Знаю я, рассказываетъ П. С., одно древнее по происхожденію своему семейство, всегда усердное къ церкви, жертвующее для украшенія храма, а между тѣмъ не являющее заботы о внутренней чистотѣ, о любви къ ближнимъ. Много разъ я начиналъ говорить о пустотѣ подобнаго благочестія, мнѣ всегда отвѣчали: вы и въ Бога то вѣрно не вѣруете въ вапихъ академіяхъ!“ Слѣдовательно при этомъ можно было еще подвергнуть сомнѣнію и честь заведенія, откуда выходили подобные безбожники! Если сладить съ подобными понятіями оказывалось трудно даже богослову, профессору Академіи, то, конечно, еще труднѣе было бы сладить съ этими понятіями простому священнику. А между тѣмъ эти понятія, по которымъ мысль о любви къ бѣднымъ оказывалась безбожіемъ, стояли въ

прямой связи съ условіями тогдашняго общественнаго быта. Поэтому, если мы должны были признать парадоксальными слова тѣхъ, которые увѣряли, что— народъ все знаетъ, и его нечему учить: то мы едва ли должны признать парадоксальною мысль о томъ, что во время, когда, относительно говоря, образованные люди считали безбожіемъ намѣтъ о недостаточности внѣшняго благочестія, „духъ христіанскаго учительства и не могъ развиваться, потому что онъ былъ вообще невозможенъ въ русской обстановкѣ жизни“. „Да и въ самомъ дѣлѣ,—говорить г. Стоюнинъ объ этой обстановкѣ,—чему могло учить тогда духовенство? Всякая тема, развитая въ духѣ евангельской любви, мира и свободы, была бы принята за подстрекательство къ возмущенію рабовъ противъ господъ, низшихъ противъ высшихъ; всякій призывъ къ трезвой жизни показался бы направленнымъ противъ виновныхъ откуповъ, значить—въ ущербъ государственнымъ доходамъ. Не знаю,—продолжаетъ г. Стоюнинъ,—пашлась ли бы тема въ вопросахъ о народной, общественной и правительственной нравственности, которую можно было бы разработать въ христіанскомъ духѣ по идеаламъ евангельскаго ученія. Опасно было даже избрать тему: „любите враговъ вашихъ“, потому что за враговъ пришло бы съ одной стороны принять и все служилое сословіе, а это было бы преступно въ гражданскомъ смыслѣ, съ другой стороны иноземнаго непріятели, а любовь къ нему была бы равносильна изменѣ. Даже проповѣдывать терпѣніе,—и то могло бы показаться неумѣстнымъ, потому что съ терпѣніемъ должна соединяться надежда на небесныя награды, чѣмъ косвенно крисуждались къ адской карѣ тѣ, отъ которыхъ приходилось такъ много страдать, вооружаясь терпѣніемъ. Понятно, что должешь былъ вытерѣть слугитель церкви за свои порывы

къ учительству, если бы какой либо власти оно показалось неудобнымъ и непріятнымъ. Не на кого было опереться для своей защиты: онъ выдавался головою своимъ собственнымъ начальствомъ“ ¹⁾).

Да не подумаетъ кто-нибудь, что приведенное мнѣніе должно быть относимо къ вопросу о возможности или невозможности существованія у насъ какого нибудь проповѣдничества „политическаго“. Вмѣшательство въ политику и въ обсужденіе вопросовъ государственныхъ, въ родѣ того, какъ это встрѣчалось иногда въ исторіи проповѣдничества католическаго, было чуждо, — и это вполне справедливо, — русскимъ проповѣдникамъ по самому принципу, отчетливо ими сознаваемому, а не по условіямъ только времени или мѣста. Покойный митрополитъ Филаретъ, съ свойственной ему проицательностію, по одному частному случаю и вопросу, именно по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, тогда еще только обсуждавшемуся ²⁾), задачи русскаго проповѣдничества по отношенію къ вопросамъ политическимъ и тѣ предѣлы, въ кругѣ которыхъ оно должно обращаться, опредѣлилъ такъ: проповѣдники имѣютъ долгъ наставленіями поддерживать въ подданныхъ вѣрность и преданность правительству; для сего прилично настаивать въ проповѣди на той мысли, что правительство печется о возвышеніи, благосостояніи всѣхъ жителей: „но въ спорныя подробности входить не наше дѣло, и можетъ случиться, что мы не угадаемъ мысли Правительства, еще не довольно раскрытой, и въ такомъ случаѣ мы сойдемъ съ церковной дороги, чтобы на дорогѣ политической осту-

¹⁾ Вѣстникъ Европы, 1882, II. 171—2.

²⁾ Ниже приведенныя слова митрополита писаны имъ въ 1859 году.

питься въ яму!“¹⁾ И исторія проповѣди какъ нельзя болѣе подтверждаетъ мысль м. Филарета²⁾. Но и не о такихъ государственно-общественныхъ предметахъ, какъ матеріи для проповѣди, идетъ рѣчь. Дѣло въ томъ, что въ предшествовавшую настоящему времени эпоху и въ чисто литературныхъ негомилетическихъ произведеніяхъ даже предметы догматики считались иногда до такой степени неумѣстными для обсужденія, что такое обсужденіе иными положительно могло быть обращено въ преступленіе—въ самомъ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Правда, полагать должно, что это были исключенія. Но это не мѣшало напримѣръ въ свое время извѣстному Ѳаддею Булгарину съ негодованіемъ обращать вниманіе на какую то „книжицу *противу* лютеранской вѣры, которую исповѣдуютъ столько людей, началь-

---

1) Письма м. Филарета къ архіепископу Тверскому Алексію, Москва, 1883, стр. 194.

2) Одинъ изъ примѣровъ этого указываетъ и самъ м. Филаретъ: это именно проповѣдь одного Парижскаго, во время м. Филарета знаменитаго, проповѣдника Вентура, который „бѣгствомъ изъ Рима пришелъ въ Парижъ и съ христіанской кафедры проповѣдывалъ республику, а теперь нашелъ новое православіе и постигъ, что въ день Пасхи лучше проповѣдывать воскресеніе имперіи, нежели воскресеніе Христово. До чего дойдетъ это духовное краснорѣчіе, настроиваемое на педуховные лады!“ (Письма къ кн. Голицыну, стр. 109. Объ этомъ же проповѣдникѣ Историческій Вѣстникъ, 1884, Мартъ 640.) О попыткахъ нѣкоторыхъ Московскихъ проповѣдниковъ вдаваться на проповѣднической кафедрѣ въ политику митрополитъ писалъ: «вы, думаю, слышали въ Москвѣ, какъ я жаловался на проповѣдниковъ, которые не умибая берутся за политическіе предметы. Получивъ иногда такого рода проповѣдь и не могли допустить ее къ произнесенію, я бывалъ принужденъ писать свою проповѣдь“ *ibid.*

ствующихъ православными! Какъ же, восклицалъ извѣстный въ свое время литераторъ, — православный (въ виду существованія такихъ книжицъ) будетъ уважать человѣка, заблуждшаго въ вѣрѣ, еретика? Non sens, вредъ царю и отечеству“¹⁾. Такое разсужденіе конечно можно было приложить и къ книжицамъ противу католической, армянской и другихъ вѣръ. Но спрашивается: что, если бы какому нибудь проповѣднику вздумалось очень настойчиво вести свою проповѣдь именно противу лютеранскихъ догматовъ? По Фаддею Булгарину выходило прямое преступленіе. Но, повторяемъ, такія сужденія, вѣроятно, были только исключеніями. Важнѣе же то обстоятельство, что касаться и вопросовъ обще-христіанской морали, если только разсужденія объ этихъ вопросахъ не были общими мѣстами, считалось иногда обиднымъ, а иногда и прямо вреднымъ. Въ особенности должно сказать первое. Что русское общество прежняго времени было очень обидчиво, если проповѣдникамъ приходилось дать почувствовать, что дѣло идетъ не о жителяхъ иного міра, это фактъ общеизвѣстный. Тотъ же митрополитъ Филаретъ своему корреспонденту епископу, спрашивавшему его мнѣнія объ одной своей проповѣди, писалъ: „поученіе печатать ли, не знаю, можетъ быть по моему старому взгляду и мнительности. Вторая часть полезна; первая часть на кого указываетъ—не совсѣмъ ясно; (да) и тѣ, которые примѣтять, что имъ наносится ударъ, сомнительно *вразумятся ли, или только прогнѣваются*. Вы утверждаетесь на началѣ вѣры: но они не довольно ему подчиняются! Имъ нужно осозательнѣе показывать, что отъ зла не происходитъ добро, и отъ злорѣчія и клеветы

1) Историческій Вѣстникъ 1884., Мартъ, стр. 496.

добродѣтель ¹⁾. „За слово во время засухи Господь оправдаетъ васъ, *если и не всѣ люди оправдываютъ*. Нѣкоторыя обличенія могли быть нѣсколько ограниченны, что бы раздражительность не закладывала ухо сердца: *но жалоба на сказанное не справедлива*“. ²⁾ Къ сожалѣнiю мы не могли имѣть подъ руками того слова, о которомъ идетъ рѣчь; но ясно, что митрополитъ утѣшаетъ проповѣдника епископа въ томъ, что его слово не нравится. Быть можетъ вслѣдствiе отличнаго разумѣнiя условiй русскаго проповѣдничества м. Филаретъ не похвалилъ знаменитой проповѣди Иннокентiя (Борисова) въ Троицннѣ день противъ тѣхъ, которые въ навечерiе этого праздника вмѣсто всенощной провели вечеръ на какомъ то зрѣлищѣ. „Дѣло хорошо, писалъ Филаретъ: только по моему мнѣнiю обличенiе должно было быть умѣреннѣе!“ „Призванiе наше, по возможности, исправлять людей, а не раздражать“, мы должны „учить и обличать въ проповѣди безъ близкаго указанiя на лица“ ³⁾.—Если такую проповѣдническую политику должны были наблюдать даже епископы, исконное уваженiе къ которымъ дѣлало личность ихъ почти что неприкосновенной въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ даже серьезныхъ недоразумѣнiй они были бы защищаемы высшей властью: то ближайшiе къ народу дѣятели, обязанные распространять христанское просвѣщенiе, положительно должны уже были не столько учить, сколько наблюдать за собою—не обидѣлся ли кто на нихъ, потому что для обидчивыхъ людей всякое слово можетъ казаться обиднымъ. И это тѣмъ болѣе, что старинное право помѣщичьяго патроната

1) Письма къ Алексiю, *ibid.*

2) *ibid.*

3) *ibid.* стр. 97.

и лицамъ свѣтскимъ давало косвенную власть надъ самимъ священникомъ; а какъ пользовались этимъ правомъ даже такіе просвѣщенные люди, какъ кн. С. М. Голицынъ, видно изъ переписки съ нимъ митрополита Филарета. — Какъ иногда могло стоять дѣло проповѣди и отъ какихъ условій зависѣть, это всего лучше показываетъ одинъ эпизодъ изъ исторіи такъ назыв. кабацкаго вопроса. Въ концѣ шестидесятихъ годовъ стали составляться общества трезвости. „Церковь и ея служители подкрѣпляли народъ въ его добромъ начинаніи.“ Но вотъ „одна за другою (пользуемся разговоромъ Московскихъ Вѣдомостей ¹⁾) посылаются въ Петербургъ жалобы на священниковъ за то, что они воздерживаютъ народъ отъ пьянства. Тогдашняя свѣтская администрація дала ходъ этимъ жалобамъ, препроводивъ ихъ Оберъ-Прокурору Св. Синода. Но Синодъ отвѣчалъ на нихъ благословіемъ священнослужителямъ — ревностно содѣйствовать благой рѣшимости воздержанія отъ употребленія вина. Кабатчики потребовали отмѣны указа Св. Синода, ибо при содѣйствіи его разведутся-де повсемѣстно общества трезвости, и добились своего, такъ какъ интересы ихъ, кабатчиковъ, считались тогда солидарными съ интересами государственными — въ видѣ акцизнаго дохода. „Оберъ-Прокурору было сообщено, что совершенное запрещеніе горячаго вина посредствомъ сильно дѣйствующихъ на умы народа *религиозныхъ угрозы* и клятвенныхъ обѣщаній не должно быть допускаемо, какъ противное не только общему понятію о пользѣ умѣреннаго употребленія вина, но и тѣмъ постановленіямъ, на основаніи которыхъ правительство отдало питейные сборы въ откупное со-

1) Москов. Вѣдомости, 1881, № 277.

держаніе.“ И вотъ, замѣчаютъ Московскія Вѣдомости, „мѣсто церковныхъ увѣщаній о воздержаніи заступилъ соблазнъ повсемѣстно и изобильно предлагаемой народу дешевки!“ Спрашивается: что если бы русскій проповѣдникъ этого времени рѣшился проповѣдывать противъ пьянства, и при этомъ были бы усмотрѣны „религіозныя угрозы,“ оказавшіяся вредоносными для акцизнаго сбора? Вѣдь онъ оказался бы ни болѣе, ни менѣе, какъ ослушникомъ власти! И едва ли положеніе, вытекающее изъ вышеприведенныхъ словъ Ѳаддея Булгарина, не легче отразилось бы на судьбѣ русскаго проповѣдничества, чѣмъ проводимый послѣдовательно взглядъ на проповѣдь, выяснившійся въ эпизодѣ съ обществами трезвости. Ибо проповѣднику удобнѣе воздержаться на церковной каѳедрѣ отъ догматической полемики съ ино-вѣрцами, нежели соблюсти себя отъ всякаго касательства до развѣдающихъ народную нравственность несомнѣнныхъ золъ.— Кстати замѣтимъ здѣсь: какъ ни страннымъ кажется какое либо соотношеніе между кабацкимъ вопросомъ и судьбами и условіями русскаго проповѣдничества, но это соотношеніе имѣло мѣсто не только въ описанномъ эпизодѣ, случившемся четверть вѣка тому назадъ, а и теперь приходится упоминать объ этихъ двухъ словахъ: кабакъ и проповѣдь! Не далѣе какъ въ прошедшемъ году, въ Церковномъ Вѣстникѣ, одинъ изъ тѣхъ «поповъ,» которыхъ такъ нещадно укоряетъ всякій, кому не лѣнь, о. І. Утѣхинъ рассказывалъ вотъ что: „когда въ одинъ праздничный день я шелъ для собесѣдованія съ прихожанами въ Церковь, вдругъ съ воплемъ изъ ближайшаго заведенія выбѣгаетъ женщина, напутствуемая чьими то кулаками.“ Священникъ, чтобы избѣжать непріятныхъ спенъ, ускоряетъ шаги, но женщина догоняетъ и молить помочь ея горю—

усовѣститъ ея пьянствующаго мужа. Мы опускаемъ, что было далѣе. Но „этотъ случай, говоритъ о. Утѣхинъ далѣе мнѣ поводъ повести бесѣду о вредѣ пьянства и питейныхъ заведеній. Кромѣ своихъ разсужденій я прочиталъ слово преосв. Григорія на текстъ: „не упивайтесь виномъ.“ Былъ на этой бесѣдѣ и сидѣлецъ одного такого заведенія. Такъ какъ бесѣда была не по немъ, то онъ и не утерпѣлъ, чтобы не сказать что пибудь. „Учителю, сія глаголя, намъ зѣло досаждаеши,“ сказалъ онъ довольно грубо. — Мы оставляемъ слѣдующія затѣмъ недѣлныя рѣчи кабатчика, только заключеніе ихъ вотъ какое: „по-смотримъ, кто кого переможетъ: нашъ хозяинъ не только поповъ, а и протопоповъ швырлялъ. Намъ все можно, у насъ вездѣ наша рука!... Нѣтъ, ты, отецъ, съ своими проповѣдями уймись и намъ не досаждай, а то и насъ узнаешь!“ Сказавъ затѣмъ о неуспѣхахъ своихъ попытокъ—склонить крестьянъ къ закрытію кабаковъ, достопочтенный о. Утѣхинъ восклицаетъ: „не понимаю, какъ въ подобныхъ случаяхъ долженъ поступать священникъ?“ ¹⁾ Въ одной изъ епархій священникъ, испрашивая архипастырскаго благословенія на воскресныя занятія съ прихожанами, состоявшія въ объясненіи Слова Божія, проситъ вмѣстѣ съ тѣмъ „посодѣйствовать ему въ закрытіи питейнаго заведенія,“ содержамаго евреемъ, такъ какъ шумъ этого заведенія, близкаго къ дому священника, гдѣ происходятъ собесѣдованія, лѣтомъ со-всѣмъ мѣшаетъ ищущимъ душевнаго назиданія въ бесѣдахъ священника ²⁾.

Почти неоспоримый фактъ, что проповѣдь и тамъ,

---

¹⁾ Церков. Вѣстн. 1883, № 12, стр. 3.

²⁾ Въцерковн. собесѣдов., Маврицкаго, стр. 83.

гдѣ она не затрогивала интересовъ въ родѣ только что приведенныхъ, въ прежнее время не пользовалась расположеніемъ слушателей, смотрѣвшихъ на нее только какъ на удлиняющій богослуженіе придатокъ. На этомъ, какъ мы отчасти видѣли, нѣкоторые основывали мысль о томъ, что — проповѣдь для православнаго человѣка излишня, хотя изъ этого можно сдѣлать и другіе выводы. И такое отношеніе ярко обозначалось даже и тамъ, гдѣ проповѣдническія силы, можно сказать, представляли собой нѣчто выдающееся, на прим. въ столицахъ. Однажды митр. Филаретъ забылъ назначить, по случаю одного особеннаго событія, проповѣдь. По поводу такого упущенія онъ писалъ: „проповѣдь назначить я забылъ. Но можно обойтись и безъ нея: и въ прошедшій случай послѣ молебна собраніе уменьшилось: въ слѣдующій, вѣроятно, еще менѣе будетъ значительно. Но можетъ быть найдется поспѣшннй (проповѣдникъ), подобно какъ для прошедшаго случая нашелся таковой, написавшій поученіе въ одинъ день — тогда пусть будетъ и проповѣдь ¹⁾“. Конечно на иной взглядъ такое отношеніе и самого м. Филарета можетъ показаться признакомъ вѣкотораго равнодушія къ дѣлу проповѣдничества. Но едва ли кто найдетъ въ этомъ и признаки усиленнаго стремленія христіанскихъ слушателей — поучаться въ Законѣ Божіемъ, неудовлетворяемаго будто бы православнымъ пастырствомъ. Но это еще только отрицательная сторона, отбивавшая, вѣроятно, только охоту къ проповѣди. Другіе факты показываютъ, что существовало и до нынѣ существуетъ не одно только нерасположеніе слушать, но и нѣчто болѣе положитель-

---

¹⁾ Письма къ арх. Алексію, стр. 158.

ное: имѣемъ въ виду случаи гоненій на проповѣдниковъ изъ за проповѣди. Вѣроятно многимъ памятенъ года три тому назадъ оглашенный фактъ, случившейся въ Таврической епархіи. На 29-е августа городской священникъ говорилъ проповѣдь о томъ, какъ неблагопрістойно христіанамъ „гулять“ подъ праздничные дни. Къ несчастію, „перечисляя различныя мѣста гульбищъ, проповѣдникъ уиомянулъ и о скверѣ, гдѣ подъ праздничные дни часто до полуночи играла музыка, — а скверъ только что устроился въ этомъ году при посредствѣ начальника города. Это указаніе проповѣдника на скверъ возбудило вниманіе присутствовавшего тутъ частнаго пристава и возбудило въ немъ подозрѣніе въ неблагонадежности проповѣди, о которой онъ и незамедлилъ составить протоколъ“. Протоколъ препровожденъ былъ къ мѣстному епископу. Главное обвиненіе противъ проповѣдника священника состояло въ томъ, что онъ — „часто говоритъ проповѣди, въ коихъ хвалить простой народъ, стараясь заслужить его уваженіе, и при томъ порицаетъ невинныя городскія удовольствія“; а на основаніи всего вышеизложеннаго, для предупрежденія могущихъ произойти отъ того безпорядковъ, доводится сіе до свѣдѣнія епископа, „для принятія надлежащихъ мѣръ къ обузданію сего проповѣдника“ ¹⁾. Разумѣется, все это оказалось преувеличеніемъ, и проповѣдь была напечатана въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Но „покой проповѣдника нарушенъ, и мы давно уже не слышимъ его слова“, писалъ одинъ изъ прихожанъ этого священника. Не можемъ припомнить теперь гдѣ именно, но былъ случай, что даже блюститель сельскаго

---

¹⁾ Церковно-Обществ. Вѣсти. 1881, № 3.

благочинія нашель проповѣдь сельскаго священника непристойною, и проповѣдникъ получилъ неприятно-сти. — Мы не приводимъ другихъ фактовъ подобнаго рода, доказывающихъ самымъ явнымъ образомъ, что слушатели иногда являлись не учениками пастырей, а судіями, а иногда и просто клеветниками на пастыря, какъ проповѣдника ¹⁾. И вотъ на какія размышленія подобные факты наводятъ самихъ проповѣдниковъ: „всѣ стороны жизнедѣятельности духовенства небезопасны отъ клеветы. Научите какъ тутъ быть, когда подвергается клеветѣ такая сторона священнической дѣятельности, которая, повидимому, меньше всего подлежитъ клеветѣ, какова проповѣдь?! Не указывайте на законъ о неосновательныхъ доносахъ: вѣтъ, подумайте, какъ поведетъ себя священникъ на каедрѣ, когда его постигаетъ опасность подобнаго обвиненія?“ „Энергія въ пастырской дѣятельности, говоритъ достопочтенный пастырь, по неволѣ ослабѣваетъ. Вѣдь, не можетъ же быть, чтобы человекъ, находясь подъ слѣдствіемъ изъ за такого доноса, не потерялъ спокойствія духа, не задумался надъ своимъ положеніемъ?“ ²⁾. Замѣ-

---

1) См. *ibid* № 22; Кіевскія Епарх. Вѣдомости, 1881, № 42.

2) Кіевскія Епарх. Вѣдом. 1881, № 51. По самому существу дѣла, конечно, гражданской власти принадлежитъ право надзора надъ проповѣдью, какъ надъ однимъ изъ видовъ публичнаго учительства. Въ западныхъ государствахъ даже существуютъ опредѣленные законы, извѣстные подъ именемъ законовъ относительно злоупотребленія проповѣдью. Что разумѣется подъ проступкомъ «злоупотребленія проповѣдью», для образца укажемъ на прусскій законъ, который угрожаетъ заключеніемъ въ тюрьмѣ срокомъ до трехъ лѣтъ тому изъ проповѣдниковъ, который въ публичной проповѣди „одну изъ христіанскихъ церквей, или какой либо другой религіозный союзъ, существующій въ государствѣ на правахъ

мѣчательно, что на ряду съ столь явнымъ недовѣріемъ и неуваженіемъ къ дѣлу проповѣди и къ личности проповѣдниковъ иногда появлялось стремленіе утилизировать проповѣдь—поставить проповѣдниковъ въ исполнителей особыхъ порученій. Такъ одинъ изъ городскихъ администраторовъ предлагалъ разяснить въ проповѣдяхъ народу — вредъ купанія въ праздникъ Крещенія! Неизвѣстно исполняло ли духовенство это предложеніе. Но смѣемъ думать, что выступить съ такимъ разясненіемъ въ проповѣди едва ли какой священникъ рѣшится: вѣдь, это значить, ни болѣе ни менѣе, какъ посягать на вѣру народа въ святость освященной воды. Пусть люди, ловкіе на всякаго рода примирительныя разясненія, и докажутъ, что признаніе того положенія, что купаніе подвергаетъ риску здоровье человѣка, не есть неуваженіе

дозволенной корпораціи, предметы ихъ почитанія, ихъ ученіе, установленія или обычаи, осмѣиваетъ или представляетъ въ такомъ видѣ, которое подвергаетъ ихъ ненависти или презрѣнію“ (*Richter, Lehrbuch des Kirchenrechts, § 245*). Само собою разумѣется, что наименованіе лицъ въ обличительныхъ проповѣдяхъ—также запрещено. Въ нашемъ уголовномъ кодексѣ подобныхъ законовъ не существуетъ. И конечно составляетъ любопытный въ юридическомъ отношеніи вопросъ: виновенъ ли по духу русскаго законодательства и по какой квалификаціи виновенъ означенный священникъ, порицаемый, по словамъ его обвинителя, невинныя городскія удовольствія? Но во всякомъ случаѣ, кажется, нельзя не признать, что если дѣйствительно порицаніе хотя не городскіхъ удовольствій, а *злоупотребленій* (въ христіанскомъ смыслѣ) удовольствіями, какъ вѣроятно дѣло было въ указанномъ случаѣ, составляетъ запрещенное дѣяніе, то свобода проповѣдническаго слова будетъ гораздо ограниченнѣе свободы слова для адвокатовъ, отъ каковой свободы иногда жестоко терпятъ третьи лица, а не одни отвлеченныя понятія, или лица въ точности непоименованныя или даже неизвѣстныя

къ вѣрѣ. Но не мѣшало бы не забывать, что и невниманіе простаго народа къ указанному положенію основывается на той глубокой вѣрѣ, которой общаю двигать горами, и что разъ пожелавъ запретить народу его купаніе несмотря на его вѣру въ цѣлительность только что освященной воды, можно зайти куда какъ далеко!

Къ сожалѣнію должно признать, что въ нашемъ прошломъ недостатокъ уваженія, если не къ самой проповѣди, то къ ея дѣятелямъ иногда обнаруживалъ себя даже въ самой духовной средѣ, а разумѣется недостатокъ уваженія къ самимъ себѣ все же въ какой нибудь мѣрѣ влиялъ на уменьшеніе уваженія и отовнѣ, т. е. со стороны самой паствы ¹⁾. Преданіе сохранило извѣстія, что самое сильное недоувѣріе, граничившее съ недоувѣріемъ къ существованію самыхъ элементарныхъ познаній въ лицахъ призываемыхъ проповѣдывать вообще, было не необычнымъ явленіемъ прошлаго. П. С. Казанскій рассказываетъ, что м. Филаретъ отрицалъ однажды въ проповѣди его присутствіе грамматической правильности, читая и проповѣди священниковъ „какъ ученическія задачи“. Въ той же проповѣди П. С. Казанскаго признано неправильнымъ „совершенное осужденіе гнѣ-

---

1) Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ газета Русь торжественно заявила, что раскаивается въ томъ, что „на духовное вѣдомство“ ею были возлагаемы надежды въ отношеніи къ рѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ согласно съ духовными нуждами народа, и газета общается впредь болѣе не поддаваться этой тщетной надеждѣ (см. передов. ст. № 5 1884 г.). Что поколебало надежды достопочтенной газеты? Очень будетъ жаль, если разбираемые теперь и прежде указанные факты дѣлаютъ свое дѣло, т. е. создаютъ недоувѣріе къ тому, что на современное русское паствырство возлагать надежды еще весьма можно.

ва¹⁾). Можетъ быть должно пожалѣть, что такое недоувѣріе къ лицамъ призваннымъ на служеніе церкви не прекращается и доселѣ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ епархіальныхъ распоряженій. Однимъ изъ такихъ, на примѣръ, требуется— „обязать священниковъ говорить поученіе каждый воскресный и праздничный день, при чемъ излагать мысли ясно и просто, примѣнительно къ понятіямъ слушателей, и кромѣ того—изустно, такъ какъ дознано, что изустное слово легче воспринимается. Списокъ *каждаго* сказаннаго въ церкви поученія долженъ храниться у проповѣдника какъ доказательство его проповѣднической дѣятельности; мѣстный благочинный долженъ провѣрять поученія. Повѣрка же показаній благочиннаго производится преосвященнымъ при ревизіи церквей, когда вмѣстѣ съ документами церковными должны быть представляемы и поученія“—какъ оправдательные документы относительно проповѣднической дѣятельности священника²⁾). Можно сказать въ виду этого, что духовенство той епархіи, гдѣ послѣдовало такое распоряженіе, за недостатокъ довѣрія къ его совѣсти, должно было понести двойную работу: ибо оно должно было а) *писать* проповѣди, чтобы имѣть документальныя доказательства своего проповѣдничества; б) *учить* наизусть написанное, ибо велѣно проповѣдывать, въ то же время, непременно устно. Пусть священники заслужили такія административно-гомилетическія распоряженія. Но, повторимъ мысль К. П. Побѣдовосцева—народъ вѣдь любитъ слушать того проповѣдника, у котораго — *огонь*, ибо „лишь отъ огня огонь загорается. Какъ хотѣлось бы, чтобы онъ, этотъ божественный огонь, возгорѣлся“³⁾).

1) Прав. Обзоріе, 1880, Апр. стр. 722—3.

2) Церкви. Вѣстн. 1880, № 10.

3) Странникъ, 1883, Декабрь стр. 747.

Но какой еще можетъ быть огонь у проповѣдника, когда ему предстоитъ процедура писанія, выучиванія, а потомъ еще и забота о томъ, чтобы не потерять документы своего проповѣдничества?

Факты и мѣбнія до сихъ поръ изложенныя, по нашему убѣжденію, достаточно характеризуютъ тѣ условия, которыя для своего существованія наше проповѣдничество имѣло въ своей прошлой исторіи. Очевидно, наше прошлое не представляло собою отличной почвы для того, чтобы у насъ процвѣтало проповѣдничество въ смыслѣ церковнаго учительства. Если кто желаетъ, конечно, усмотрѣть въ нашемъ прошломъ россійскихъ Флешеровъ, тотъ, мы согласны, безъ натяжекъ можетъ находить таковыхъ. Но не Флешерами поддерживается христіанское совершенствованіе: оно поддерживается и можетъ поддерживаться только тѣми тружениками, которые будутъ трудиться не для церемоніальной проповѣди, а для просвѣщенія народа—за одинъ долгъ, во имя Христова. Но для такихъ почва была крайне неудобна. Многое изъ этихъ условий, конечно, измѣнилось и можетъ болѣе не повторяться. Нельзя также отрицать, конечно, и того, что факты, отмѣченные въ значеніи неблагопріятныхъ для проповѣдничества, были далеко не постоянными и не всеобщими. Но и эти факты все же доказываютъ, что вина въ неудовлетворительномъ прошломъ лежала не исключительно въ русскомъ пастырствѣ, какъ и вообще, по мысли св. Іоанна Златоустаго, въ дѣлѣ учительства „не все зависитъ отъ учителей, но если не болѣе, то по крайней мѣрѣ въ половину — и отъ учениковъ“. — Должно ли сдѣлать будетъ такой же выводъ и от-

посительно настоящихъ условій русскаго проповѣдничества, или же теперь, худо ли, хорошо ли обстоитъ дѣло, все уже зависитъ отъ учителей—это мы увидимъ далѣе.

В. Кипарисовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СОДЕРЖАНІЕ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ЕПИФАНІЯ КИПРСКАГО

	Стр.
Слово якорное. Обзорніе книги	5

П Р И Б А В Л Е Н І Я .

Изъ исторіи гоненій на христіанъ во II вѣкѣ. <i>А. Лебедева.</i>	343
Дисциплина древней церкви въ отношеніи къ свободѣ совѣсти. <i>В. Китарисова</i>	383
Церковь и университеты Англіи XVI вѣка по описанію современника. <i>В. Соколова</i>	483
Письма Филарета, Архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому	544
Объ условіяхъ существованія современнаго русскаго проповѣдничества. <i>В. Китарисова</i>	650
Къ матеріаламъ для исторіи церковнаго устава. <i>И. Мансветова</i>	700
Систематическій каталогъ книгъ бібліотеки Моск. Духов. Академіи. <i>И. Корсунскаго</i>	49
Журналы Совѣта М. Д. Академіи	197

Печатано по опредѣленію Совѣта Московской Духовной Академіи
Академіи Ректоръ Протоіерей *С. Смирновъ.*

ПРИБАВЛЕНІЯ
БЪ ИЗДАНІЮ ТВОРЕНІЙ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ

за 1884 годъ.

ЧАСТЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

МОСКВА.

Типографія М. Н. Лаврова и К^о., Леонтьев. пер., свой домъ.

1884.

ПРИБАВЛЕНІЯ
КЪ ИЗДАНІЮ
ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ПРИБАВЛЕНІЯ
БЪ ИЗДАНІЮ ТВОРЕНІЙ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ

за 1884 годъ.

ЧАСТЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

МОСКВА.

Типографія М. Н. Лаврова и К^о., Леонтьев. пер., свой домъ.

1884.

Печатать дозволяется. Московская Духовная Академія. 5 мая
1884 года.

Ректоръ Протоіерей *С. Смирновъ*.

Объ условіяхъ существованія современнаго русскаго проповѣдничества.

II.

О томъ, какъ обстоитъ дѣло русскаго проповѣдничества въ настоящее время, мнѣнія различны: одни думаютъ, что дѣло обстоитъ по крайней мѣрѣ „достаточно хорошо“, а другіе, — что хотя проповѣдничество и дѣлаетъ успѣхи въ послѣднее время, но только успѣхи относительные. По официальнымъ даннымъ, напримѣръ, въ одной изъ епархій въ прошломъ году было сказано свыше четырнадцати тысячъ поученій—оригинальныхъ, т. е. самими авторами произнесенныхъ, и заимствованныхъ т. е. произнесенныхъ изъ существующихъ сборниковъ проповѣдей. Поэтому нѣкоторые наиболѣе добросовѣстные публицисты думаютъ, что изъ всѣхъ православныхъ священниковъ только развѣ одна двѣнадцатая часть не можетъ отправлять проповѣдническихъ обязанностей по разнымъ причинамъ, въ томъ числѣ и по преклонному возрасту, лишшающему ихъ необходимыхъ для проповѣдничества физическихъ силъ. Появленіе подобныхъ мнѣній о состояніи русскаго проповѣдничества конечно составляетъ уже значительный прогрессъ, по крайней мѣрѣ, въ сравненіи съ тѣмъ нѣмецкимъ мнѣніемъ тридцатыхъ годовъ, ко-

торое мы видѣли ¹⁾). И въ самомъ дѣлѣ, если взятый почти на удачу примѣръ показываетъ, какая почтенная цифра проповѣдей сказана въ одной только епархіи, и если — съ другой стороны — только небольшая часть пастырей неспособна къ учительству даже по мнѣнію судей духовенства, несклонныхъ къ снисходительности; то это значитъ, что теперь русское духовенство говорить проповѣди не на одни только похороны или торжественные дни, и что поэтому справедливо признать, что громадное большинство духовенства по меньшей мѣрѣ можетъ учить. Признакомъ измѣняющагося отношенія къ проповѣди со стороны такъ называемаго общества служить и то, что теперь, по мнѣнію людей, хорошо знающихъ духъ и расположенія въ обществѣ, на проповѣдь возлагаются немалыя надежды. „Распространеніе въ средѣ христіанскихъ народовъ новыхъ ученій, говорить одинъ изъ нашихъ проповѣдниковъ, вызываетъ къ усиленной дѣятельности церковную проповѣдь. Этотъ вызовъ она слышитъ съ разныхъ сторонъ.“ И если враги христіанства вызываютъ её на борьбу, чтобы доказать ея мнимое безсиліе и обнаружить мнимую скудость ея содержанія, то „добрые христіане ищутъ отъ нея помощи и руководства для

---

¹⁾ Въ домашнихъ разговорахъ, конечно, не всегда встрѣчаются подобныя мнѣнія. Вотъ образецъ разговора о проповѣди: идетъ рѣчь о проповѣдяхъ лорда Редстока: „Лучше бы не запрещать проповѣдей этихъ господъ, но рядомъ съ ними пригласить нашихъ священниковъ читать свои по чаше! — Что вы! Да кто изъ тѣхъ, что ходятъ на проповѣди вельможи, пойдетъ слушать экукубраціи нашихъ поповъ? Вы слышали, напримѣръ, что произнесъ на дняхъ недалеко отсюда одинъ изъ нашихъ священниковъ? Онъ былъ сердитъ на прихожанъ за недостаточно обильныя приношенія“ и т. д. — „Русск. Вѣсти.“ 1884 г., № 3, стр. 227.

охраненія цѣлости и чистоты своей вѣры“¹⁾. Какъ извѣстно, прежде такого значенія проповѣди не придавали и такой помощи отъ нея не ожидали: мы видѣли, что даже необходимость существованія проповѣди подвергнута была сильному сомнѣнью. Возлагаемая на проповѣдь надежды видны даже и изъ того, что когда, напримѣръ, по взгляду какого-нибудь публициста, требуется осуществить какой-либо важный, хотя бы только въ глазахъ публициста, проектъ; то въ числѣ средствъ содѣйствующихъ осуществленію проекта полагается: „духовенству же предписать, чтобы оно разъяснило прихожанамъ“ важность того проекта, который важенъ въ глазахъ его автора.

Но при этомъ нельзя не замѣтить, что какія бы благожелательные отзывы объ успѣхахъ современной проповѣди ни встрѣчались, эти отзывы, по большей части, сопровождаются желаніемъ и надеждою, чтобы „сельскіе священники (которые именно по количеству своему могутъ быть названы главными дѣятелями на попримѣръ проповѣдничества) поставлены были въ подобающее пастырю положеніе, и тогда, нѣтъ сомнѣнія, наши приходскіе священники окажутся нисколько не хуже нашихъ католическихъ ксендзовъ и даже (!) пасторовъ протестантскихъ.“²⁾. Въ чемъ же именно состоитъ это „подобающее положеніе“, это тѣ же самые публицисты выражаютъ иногда только въ видѣ пожеланія, чтобы „церковное и школьное учительство были *дѣйствительно* поставлены главными пастырскими обязанностями,“ и чтобы „для исполненія этихъ обязанностей право-

---

1) Нѣсколько проповѣдей Прот. А. К. Москва 1873 г. стр. 92—93.

2) Церковн. Вѣстн. 1883, № 52.

славнымъ приходскимъ священникамъ предоставлены были *необходимыя права*, и нравственныя, и матеріальныя средства;“¹⁾ иногда же это „подобающее положеніе,“ необходимое для существованія проповѣди, прямо и прежде всего усматривается въ предоставленіи приходскимъ священникамъ „права свободной проповѣди слова Божія и вообще религіозно-нравственнаго поученія прихожанъ.“ Специально духовные писатели, близко знакомые съ состояніемъ дѣла русскаго церковнаго проповѣдничества, также заявляютъ нѣкоторыя желанія объ измѣненіи настоящихъ условій дѣйствованія русскихъ церковныхъ ораторовъ, причемъ несомнѣнной истиной признается „недостатокъ въ нашемъ духовенствѣ необходимыхъ для усиленной проповѣди дарованій,“ а если и „есть въ немъ, хотя въ небольшомъ количествѣ, способности къ живому слову (т.-е. къ проповѣди въ ея истинномъ смыслѣ), то онѣ остаются безъ движенія по робости, по недостатку опытныхъ указаній и по незнанію первыхъ практическихъ приемовъ въ проповѣди“ живой и т. п.²⁾—Мы не беремся перечислить всѣхъ тѣхъ пожеланій для нашего проповѣдничества, которыя обыкновенно высказываются людьми, думающими о немъ и уже не утверждающими, что наше духовенство не проповѣдуетъ. Указываютъ, напримѣръ, на самый языкъ проповѣди, будто бы не соотвѣтствующій современнымъ потребностямъ въ отношеніи къ проповѣди и современному обществу, какъ языкъ наполненный славянизмами;³⁾ указываютъ на то, что наши про-

---

¹⁾ *ibid.*

²⁾ Журналъ Вѣра и Разумъ, 1884 г. № 6-й, стр. 497, 500.

³⁾ Любопытно было бы изслѣдовать вопросъ о томъ, какъ большинство простаго русскаго народа, составляющаго и

повѣди изобилуютъ схоластическими приѣмами, что онѣ непримѣнимы къ жизни ни народа простаго, ни людей образованныхъ—что онѣ не имѣютъ свойствъ такъ называемой современности и т. п. Но все это, очевидно, касается качествъ проповѣди уже существующей, но еще не касается вопроса о самыхъ *условіяхъ*, желательныхъ вообще для современнаго русскаго проповѣдничества. Тѣмъ не менѣе разсмотримъ, что высказывается въ литературѣ по вопросу собственно объ *условіяхъ* современнаго русскаго проповѣдничества, что въ ходячихъ сужденіяхъ есть несомнѣнно состоятельнаго и что въ этихъ сужденіяхъ сомнительно.

Съ перваго взгляда нельзя не замѣтить, что въ послѣднее время свѣтская литература въ числѣ положительно неблагопріятныхъ условій для проповѣди поставляетъ отсутствіе для большинства проповѣдниковъ „права свободной проповѣди.“ Съ перваго взгляда также представляется, что это условіе наиболѣе подлежитъ спору: въ литературѣ такъ развилось стремленіе всюду видѣть не-право и правонарушеніе, что быть можетъ и мнѣніе объ отсутствіи свободной проповѣди должно отнести къ литературнымъ преувеличеніямъ, къ стремленію видѣть всюду стѣсненія. Къ сожалѣнію (почему „къ сожалѣнію“, это мы увидимъ далѣе) нужно признать, что вопросъ о правѣ „свободной проповѣди“

большинство усердныхъ слушателей проповѣди, относится къ традиціонной манерѣ русскихъ проповѣдниковъ—придерживаться языка славянскаго? Но въ послѣднее время оглашено нѣсколько фактовъ проповѣдническаго опыта, доказывающихъ, что простой народъ не особенно жалуется и ультра—современный языкъ въ проповѣди, и вообще—не въ претензіи за традиціонные архаизмы въ языкѣ проповѣдниковъ, вышедшихъ изъ семинарій.

въ послѣднее время стала поднимать не одна газетная литература, живущая интересами дня и даже минуты и мало заботящаяся сегодня о томъ, что будетъ сказано завтра. Напротивъ, вопросъ о „свободной“ проповѣди въ послѣднее время обсуждается въ свѣтской печати людьми весьма нелегкомысленными. Въ духовной литературѣ, кажется, прошли незамѣченными статьи г. Весселя въ Русскомъ Вѣстникѣ, статьи хотя по своему главному содержанию неимѣющія прямого отношенія къ вопросу о церковной проповѣди, но поставляющія этотъ вопросъ весьма прямо и серьезно.¹⁾ Г. Вессель разсуждаетъ: „главное назначеніе церкви и ея священнослужителей состоитъ въ распространеніи въ народѣ религіозно-нравственныхъ истинъ. Для этого во всѣ времена и вездѣ церковь имѣла только два вѣрныя средства: *проповѣдь* и школу; и потому не только при всѣхъ христіанскихъ церквахъ, но и при еврейскихъ синагогахъ, и при магометанскихъ мечетяхъ существуютъ школы религіозной грамотности, и *приходское духовенство имѣетъ право живой проповѣди* слова Божія и вообще религіознонравственнаго поученія прихожанъ. Прискорбное исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ только православныя церкви въ Россіи и наши русскіе православные священники, которые только одни *не имѣютъ у насъ права свободной проповѣди* слова Божія и свободного религіознонравственнаго поученія народа.“ Сравнивая степень духовнаго вліянія на паству раскольническаго попа, протестантскаго пастора, католическаго ксендза, даже еврейскаго раввина и магометанскаго муллы, г. Вессель находитъ, что

---

¹⁾ Русскій Вѣстн. 1883. «Основная причина нашего затруднительнаго финансоваго положенія» и проч. №№ 11—12.

вліяніе ихъ на свою паству сильнѣе, чѣмъ православныхъ священниковъ, и что — „главными средствами для пріобрѣтенія вліянія на прихожанъ иновѣрному духовенству служить *обязательное для него церковное и школьное учительство*“. Изъ всѣхъ данныхъ, по мнѣнію г. Весселя, слѣдуетъ, что „учрежденіе школъ при церквахъ и *предоставленіе православнымъ приходскимъ священникамъ обязательнаго для нихъ права свободной проповѣди слова Божія* и вообще религіозно-нравственнаго поученія народа *есть въ высшей степени не отложно важная государственная мѣра*“ какъ для духовнаго, такъ даже и матеріальнаго преуспѣянія русскаго народа ¹⁾. Правда, публицистъ этотъ находитъ, что церковное учительство теперь въ русской церкви сразу уже не *можетъ* стать на должную высоту, соотвѣтствующую его важности, и не *можетъ* не совсѣмъ по винѣ современнаго духовенства; но онъ выражаетъ убѣжденіе, что „дѣло не такъ плохо, какъ его представляютъ“ и оно *будетъ* даже „совсѣмъ хорошо“, если только „церковное и школьное учительство будутъ и у насъ дѣйствительно признаны главными пастырскими обязанностями, по крайней мѣрѣ не ниже церковныхъ требъ и обрядовъ, и *если приходскому духовенству будутъ предоставлены главныя необходимыя для исполненія этихъ обязанностей средства—право живой, свободной проповѣди слова Божія* и вообще поученія и наставленія прихожанъ, и если при церквахъ будутъ устроены школы ¹⁾“. Мы увидимъ далѣе, что мнѣніе г. Весселя подтверждается и мнѣніями лицъ болѣе близкихъ къ дѣламъ церкви русской. Но къ

---

1) Русскій Вѣстникъ 1883 г., № 12, стр. 580—581.

2) Русс. Вѣстн. 1883 г., № 12, стр. 582—3.

чему же однако сводится это мнѣніе? Подъ именемъ „свободной“ проповѣди очевидно должно разумѣть, какъ разумѣеть и г. Вессель, такую проповѣдь, которая не влечетъ за собой предъявленія оправдательныхъ документовъ, что, какъ мы видѣли, иногда соединяется вмѣстѣ съ требованіями проповѣдывать; и „право свободной проповѣди“ есть очевидно право—проповѣдая одновременно и безвременно, не заботиться еще о таковыхъ документахъ. По приведенному мнѣнію, однако же, *только* православное духовенство этого права не имѣетъ, къ ущербу въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго преспѣянія народа, такъ что *обязанность* проповѣди не будетъ противорѣчить *праву* на проповѣдь въ томъ только случаѣ, если подъ проповѣдію разумѣть исключительно, такъ сказать, проповѣдь документальную, а не то „живое слово“, на защиту котораго недавно выступилъ одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ проповѣдниковъ. Попытаемся повѣрить мнѣніе о правѣ живой проповѣди на основаніи точныхъ данныхъ.

Въ Уставѣ Духовныхъ Консисторій (изд. 1883 г.), въ статьяхъ, касающихся дѣла церковнаго учительства, устанавливается два способа этого учительства: чтеніе поученій изъ Писаній Св. Отцевъ и изъ назначенныхъ для того книгъ и—произнесеніе собственныхъ поученій. Но „поученія, сочиняемыя самими священнослужителями, представляются, *смотря по возможности*, Благочинному или цензору, *прежде произнесенія ихъ*. Не представленные по какимъ-либо случаямъ прежде должны поступать къ цензору послѣ произнесенія ихъ *для разсмотрѣнія* и означенія въ клировыхъ вѣдомостяхъ, сколько къмъ произнесено собственныхъ поученій“ (§ 9). Кромѣ приходскаго церковнаго проповѣдничества, Уставъ, какъ извѣстно, устанавливаетъ очередное проповѣданіе въ кафедраль-

ныхъ и соборныхъ церквахъ. Цензура этихъ проповѣдей (§ 12) поручается тѣмъ же самымъ лицамъ, что и цензура обыкновенныхъ проповѣдей; на цензоровъ возлагается обязанность доносить „о не исправныхъ въ проповѣдничествѣ, разумѣя подъ симъ наименованіемъ какъ тѣхъ, кои уклоняются отъ произнесенія въ свою очередь проповѣдей, такъ и тѣхъ, кои къ составленію проповѣдей *не прилагаютъ* должнаго тщанія“. Изъ приведенныхъ параграфовъ Устава ясно, что для оригинальныхъ проповѣдей (не изъ назначенныхъ книгъ) закономъ установлена предварительная цензура, имѣющая притомъ значеніе не только общее всякой цензурѣ, т. е. отрицательное, имѣющее цѣлю сдерживать литературное произведеніе въ предѣлахъ законѣрности, но и положительное—въ смыслѣ каранія собственно литературныхъ недостатковъ проповѣдей; нельзя иначе разумѣть выраженіе Устава относительно неприслаживающихся должнаго тщанія въ сочиненіи проповѣдей.— Какъ примѣнялся законъ о цензурѣ на практикѣ, хотя бы въ московской епархіи, это показываютъ напримѣръ слѣдующіе факты: въ 1849 году священникъ одной изъ церквей гор. Серпухова говорилъ проповѣдь изустно „о неумѣренномъ употребленіи хмѣльныхъ напитковъ, или о пьянствѣ“; на аналоѣ предъ нимъ лежала книжка, обложенная бархатомъ. Когда благочинный потребовалъ отъ него говоренное слово, священникъ отвѣчалъ, что говорилъ изустно и безъ приготовленія. Благочинный донесъ объ этомъ, и началось формальное изслѣдованіе дѣла. Священникъ въ допросѣ показалъ, что а) въ Ильинъ день дѣйствительно говорилъ изустно, *какъ то и прежде бывало*; б) что проповѣдь говорилъ о пьянствѣ, и слушатели, собравшіеся во множествѣ, примѣтно, слушали съ большимъ умиленіемъ и потомъ

благодарили его; в) что въ книжкѣ содержится рас-
положеніе поученій, которыя онъ говорилъ, — на
случай сбивчивости или смѣшенія мыслей во время
устнаго проповѣданія. Митрополитъ Филаретъ на
дѣлѣ этомъ написалъ: „Обязать подпискою священ-
ника N, чтобы онъ не говорилъ проповѣдей безъ
цензуры благочиннаго“. 1) Въ Московской епархіи
дѣла о непредставленіи проповѣдей въ предвари-
тельную цензуру вообще возникали неоднократно и
оканчивались обыкновенно, по вытребованіи ориги-
нала произнесенныхъ безъ цензуры проповѣдей, обя-
зательствомъ—заблаговременно представлять про-
повѣди цензору. 2) Изъ этихъ дѣлъ также видно,
какъ понимались и самыя задачи цензуры. Конси-
сторія, напимѣръ, освидѣтельствовавъ тринадцать
проповѣдей одного протоіерея, нашла, что хотя
„прямо противнаго вѣрѣ въ сихъ проповѣдяхъ не
усмотрѣно, но во многихъ изъ нихъ нѣтъ правиль-
наго расположенія“; многія изъ нихъ „включаютъ
въ себѣ выраженія темныя и неудобно-вразумитель-
ныя“, „тексты приведены не вездѣ къ матеріи, и
доказательства истины слабы“. Также понималъ за-
дачи проповѣднической цензуры, повидимому, и самъ
м. Филаретъ: діаконъ въ своей проповѣди употре-
билъ такое выраженіе: „многіе лежатъ на мху без-
печности или остаются на кочкахъ лѣности“. Митр.
Филаретъ предписалъ: „подтвердить діакону съ под-
пискою, чтобы онъ, по собственнымъ выраженіямъ,
не лежалъ на мху беспечности и на кочкахъ лѣности,
и сочинялъ назначенныя ему проповѣди заблаговре-
менно, и представлялъ цензору, дабы находящіяся въ

---

1) Сборникъ, издан. по случаю юбилея митрополита Фи-
ларета, т. 1, стр. 541.

2) Ibid. стр.: 165, 168, 170.

нихъ мохъ и кочки можно было выдрать сохою здоровою критики“. По другому дѣлу состоялось опредѣленіе: “какъ разсмотрѣніе проповѣдей (одного протоіерея) показало, что онъ имѣеть большую нужду въ добрыхъ совѣтахъ цензора, то подтвердить (протоіерею), чтобы впредь проповѣди цензору представлялъ и совѣты его принималъ“. ¹⁾ Задачи цензуры проповѣдей, такимъ образомъ, почти совпадали съ задачами гомилетики, или по крайней мѣрѣ съ задачами такъ назыв. учебной проповѣди, т. е. проповѣди въ цѣляхъ учебныхъ, существующей въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Сомнѣваться, такимъ образомъ, въ томъ, что прямой законъ требуетъ, чтобы 1, каждая проповѣдь православнаго пастыря была писана и 2-хъ, чтобы на произнесеніе каждой проповѣди было испрошено предварительное согласіе епархіальной власти въ лицѣ установленнаго цензора — совсѣмъ никто не можетъ. Если уставъ Консисторіи въ § 9 допускаетъ непредставленіе „по какимъ либо случаямъ“ проповѣдей прежде, обязывая по крайней мѣрѣ къ представленію послѣ произнесенія, то очевидно, что случаи таковы должны быть уважительны, а признаніе степени уважительности конечно опять зависитъ только отъ подлежащей власти, какъ и уважительность всякой просрочки въ исполненіи служебныхъ обязанностей. Поэтому недавнее указаніе кіевского епархіальнаго начальства на то, что всякая рѣчь, произносимая въ церкви, подлежитъ предварительной цензурѣ, ежедневной литературной, по видимому, принятое спеціальнымъ, для кіевской епархіи, основывается на общемъ строго опредѣленномъ

1) Сборникъ, изд. по случаю юбилея м. Фил., т. I, стр. 541.

законъ, дѣйствующемъ въ полной мѣрѣ до настоящаго дня. ¹⁾ Представляется только не совсѣмъ яснымъ отношеніе упомянутаго прежде указа Св. Синода отъ 7 декабря прошлаго года къ дѣйствующему закону относительно цензуры проповѣдей, выраженному въ уставѣ Консисторіи: указъ этотъ, какъ извѣстно, изданъ по той причинѣ, что въ послѣднее время замѣчено, что проповѣдники, говоря проповѣди по случаю смерти лицъ извѣстныхъ общественною или литературною дѣятельностію, „не всегда съ должною сдержанностію и разборчивостію касаются сей дѣятельности и не всегда соблюдаютъ достоинство, подобающее служителю церкви, говорящему отъ ея имени.“ Давая наставленія—не слѣдовать примѣру подобныхъ проповѣдниковъ, указъ говоритъ: „въ случаяхъ же, когда будетъ усмотрѣно въ проповѣдникахъ нарушеніе должной мѣры, недостатокъ сдержанности и благоразумія, то обязывать проповѣдниковъ (замѣченныхъ въ подобномъ) представлять проповѣди на *просмотръ прежде произнесенія ихъ*“. Отсюда, повидимому, слѣдуетъ, что предварительная цензура есть только исключительная мѣра противъ проповѣдниковъ *уже замѣченныхъ* въ нѣкоторомъ злоупотребленіи проповѣдническимъ словомъ, которой не подлежатъ священники, не давашіе повода сомнѣваться въ соотвѣтствіи ихъ проповѣди духу церкви. Но, съ другой стороны, и тѣ параграфы уст. Дух. Консисторій, гдѣ предваритель-

---

¹⁾ Не совсѣмъ ясно, почему кievская Консисторія въ этомъ случаѣ ссылается на указъ Св. Синода 1821 г., какъ устанавлиющій предварительную цензуру для произносимыхъ въ церквахъ проповѣдей и рѣчей, когда прямое узаконеніе находится въ самомъ уставѣ Консисторіи. См. Москов. Вѣдом. 1884, № 113.

ное представлѣніе проповѣдей является *общей*, а не исключительной мѣрой, обычнымъ путемъ не только не отмѣнены, но и подтверждены самымъ фактомъ новаго изданія устава. Должно надѣяться поэтому, что практика разъяснить отношеніе упоминаемаго указа къ основному закону касательно проповѣдничества русскихъ пастырей и опредѣлительно выяснить, какъ понимать этотъ указъ въ отношеніи къ цензурѣ, какъ нѣсколько смягчающій строгость соотвѣтствующихъ параграфовъ устава Консисторій, или же практика выяснить, что такое пониманіе дѣла будетъ только недоразумѣніемъ.—Но принявъ за болѣе достовѣрное то положеніе, что въ настоящее время прямая обязанность проповѣдниковъ—всякую проповѣдь представлять на предварительное разрѣшеніе подлежащей власти, мы должны будемъ заняться вопросомъ о томъ, какое же значеніе имѣетъ этотъ порядокъ для существованія русскаго проповѣдничества?

О цензурѣ вообще было и есть довольно разсужденій. Но цензура главнѣйшимъ образомъ и обыкновенно разсматривается въ ея отношеніи къ политическимъ правамъ человѣка и его правамъ натуральнымъ. И сколько намъ извѣстно, цензура не была разсматриваема съ церковной точки зрѣнія, т. е. въ отношеніи къ правамъ церкви надъ ея членами. Къ какимъ бы выводамъ кто ни пришелъ, если бы занялся этимъ вопросомъ съ указанной точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе никто не могъ бы отвергать одного:—что церковь, какъ общество, по отношенію къ своимъ членамъ, имѣетъ право цензуры въ самомъ общемъ смыслѣ слова, именно право освѣдомляться о мнѣніяхъ своихъ членовъ и повѣрять эти мнѣнія, подѣ страхомъ изверженія изъ ея нѣдръ тѣхъ членовъ, которые оказались бы не въ согласіи

съ ея требованіями. Тѣмъ болѣе, конечно, церковь имѣетъ право цензуры по отношенію къ учительству учителей „говорящихъ отъ ея имени,“ какъ выражается недавній указъ Св. Синода. Такое дѣло какъ пастера Сидова, конечно, есть дѣло противное здравому смыслу. ¹⁾ И потому, съ точки зрѣнія здраваго смысла нельзя отрицать у церкви право на цензуру надъ словомъ людей, дѣйствующихъ отъ ея имени. Въ этомъ смыслѣ цензура существовала еще въ древней церкви. Но предварительная цензура проповѣдей, какъ она теперь существуетъ въ нашихъ церковныхъ законахъ и какъ ее потомъ поняла, дополнила и распространила административная практика—есть несомнѣнно наше русское дѣло, и притомъ неизмѣющее за собою даже и цѣлаго столѣтія. Если прослѣдить кратко исторію цензуры проповѣдей, то эта исторія представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Какъ извѣстно, въ первое время новой исторіи русской церкви (синод. періодъ) въ цензурѣ не было и нужды, потому что „пресвитеровъ, которые бы наизусть могли проповѣдывать по отношенію къ многонародію російской церкви было мало“. Поэтому главнѣйшей заботой церковнаго правительства было издавать книги, которыя содержали бы „изъ

---

¹⁾ Это дѣло, около десяти лѣтъ тому назадъ надѣлавшее много шуму, заключалось въ томъ, что—пасторъ Сидовъ въ своихъ проповѣдяхъ сталъ доказывать, что Иисусъ Христосъ есть простой человѣкъ. Когда возмущенные прихожане жаловались въ лютеранскую консисторію, то консисторія нашла, что это его, Сидова, личное мнѣніе, но что такое личное мнѣніе вовсе не противорѣчитъ тому, что Сидовъ—лютеранскій пасторъ, и не препятствуетъ ему оставаться въ должности пастора. И консисторія оставила пастора этого на приходѣ.

разныхъ св. учителей ясныя проповѣди“, и которыя пресвитеры читали бы въ церквахъ какъ можно чаще. Когда въ Москвѣ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, благодаря существованію славяно-греко-латинской академіи, оказалось возможнымъ требовать отъ духовенства сказыванія и оригинальныхъ проповѣдей — то первыя распоряженія Синода клонились къ тому, главнымъ образомъ, чтобы священники не уклонялись отъ сказыванія проповѣдей, но чтобы „таковыя проповѣди не отмѣнно чинили въ воскресные дни и въ господскіе праздники“¹⁾. Московскіе архіепископы прошлаго столѣтія штрафовали тѣхъ, которые „безъ всякаго резону и безъ правильныхъ препятствій предикъ не сказывали“; но часто и они должны были уступать въ своей настойчивости²⁾. Не видно однако же, чтобы вмѣстѣ съ обязательствомъ сказывать „предики“ являлась мысль о цензурѣ проповѣдей въ настоящемъ смыслѣ слова: церковное правительство старалось только установить контроль надъ тѣмъ, чтобы проповѣди дѣйствительно сказывались. Въ числѣ такихъ мѣръ контроля въ 1749 году было—обязательство возложенное на дьячковъ и пономарей—доносить письменно въ консисторію, сказываютъ ли ихъ священники и діаконы проповѣди или нѣтъ, съ опасеніемъ отрѣшенія отъ мѣстъ за всякую ложь въ донесеніяхъ, причемъ, вѣроятно

---

1) См. Розанова, Истор. Моск. Епарх. Управл. ч. II, 142 стр. и прим.

2) Въ 1751 году московскіе ученые священники и діаконы подавали преосвящ. Платону просьбу, въ которой объясняли, что «къ исправленію частаго предикъ сказыванія многія чвнятся имъ препятствія, а особливо за мірскими требами, въ коемъ сказываніи они оправиться никакъ не могутъ (ibid. 144). На просьбу послѣдовало рѣшеніе: «сказывать предики только единожды въ мѣсяцъ».

для контроля надъ самими дьячками, велѣно „объявлять, кто при томъ (сказываніи) изъ знатныхъ приходскихъ людей были“ ¹⁾. Правда въ одномъ изъ распоряженій св. Синода (1744 г.) московскимъ проповѣдникамъ велѣно было *сказанныя уже* проповѣди представлять въ консисторію для свидѣтельствванія и отсылки въ Заиконоспасскій училищный монастырь ²⁾. Но это, очевидно, не есть мѣра предварительной цензуры: это мѣра цензуры наблюдательной, необходимость которой никогда нельзя оспаривать, какъ требованіе отчета въ церковномъ словѣ, въ его направленіи и духѣ ³⁾. И не видно еще, чтобы этимъ общимъ распоряженіемъ церковной власти запрещалась проповѣдь устная, не записываемая и вообще—чтобы обязательство проповѣдывать соединялось со всѣми обязательствами, вытекающими изъ установленія предварительной цензуры ⁴⁾.

---

1) *ibid.* Примѣч. къ II-й части № 344, 346.

2) Розанова, *ibid.* Ср. также ч. II-я кн. II-я, стр. 165 и примѣч. № 346, гдѣ апробація представляемыхъ проповѣдей предоставлена прот. Левшину.—Въ Москвѣ также доносить о числѣ сказанныхъ проповѣдей обязаны были такъ назыв. «закащики». Но они сами иногда доносили, что нужныхъ свѣдѣній проповѣдники имъ не представляютъ.

3) Нѣкоторые изъ Московскихъ проповѣдниковъ несказываніе проповѣдей своего сочиненія объяснили «неимѣніемъ способной на то библиотеки, дабы безъ справокъ съ книгами вмѣсто пшеницы праваго ученія не сказать плевель мерзкія ереси». Поэтому они просили книгъ «принадлежащихъ къ проповѣдямъ» *ibid.* II, стр. 143.

4) Два года спустя (въ 1776 г.) послѣ упомянутаго синодальнаго распоряженія митрополитъ Московскій Платонъ предписывалъ: «благочиннымъ, при извѣдываніи, кто сколько сказалъ въ годъ проповѣдей, самыя проповѣди осматривать»—очевидно болѣе для удостовѣренія точности показанія о количествѣ проповѣдей, чѣмъ для другихъ цѣлей. Розанова, ч. III, прим. № 205.

Но уже въ томъ же десятилѣтїи прошлаго столѣтїа положено было начало предварительной цензуры проповѣдей, хотя пока еще распоряженіе о цензурѣ было мѣстное—только въ Москвѣ, и притомъ надобно думать—для одного рода проповѣдей, именно произносимыхъ въ соборахъ. Такъ въ 1779 году митрополитъ Платонъ относительно проповѣдей, произносимыхъ въ Успенскомъ соборѣ и въ Чудовѣ монастырѣ, повелѣлъ: .... „а чтобы проповѣди не имѣли въ себѣ чего либо сумнительнаго или непристойнаго, то представлять на аппробацію и свидѣтельство къ протопопамъ (такимъ-то); и онымъ смотрителямъ тѣ проповѣди свидѣтельствовать, *и въ чемъ подлежательно будетъ исправлять*, и своею рукою подписывать—„смотря“¹⁾. Но есть полное основаніе думать, что предварительная цензура проповѣдей не простиралась еще на обыкновенную приходскую проповѣдь; ибо вмѣстѣ съ предписанїями приходскимъ священникамъ говорить проповѣди „по часту“ или предписанїа благочиннымъ наблюдать, *сколько* кто произнесъ проповѣдей, „дабы можно было распознать тщливыхъ отъ лѣнивыхъ“²⁾, то есть, наблюденіе за проповѣдничествомъ опять обращается покуда еще только въ наблюденіе за исполненїемъ долга проповѣдничества. Настоящая и притомъ общеустановленная для всего государства (а не мѣстная—въ извѣстной епархіи) предварительная цензура проповѣдей впервые является въ 1794 году. Повидимому, главнымъ поводомъ къ учрежденію цензуры было то, что въ то время проповѣдники, въ

---

¹⁾ Но написанныя и аппробованныя проповѣди вѣрно было однако же произносить наизусть, а не по тетрадкѣ, иначе—штрафъ. Розанова, ч. III, № 204.

²⁾ *ibid.* ч. III, стр. 175.

нѣкоторыхъ городахъ, въ высокотожественные и праздничные дни сказывали проповѣди *политическаго* содержанія, въ которыхъ дозволяли себѣ приводить „изъ исторіи неприличные примѣры въ выраженіяхъ нелѣпныхъ, соблазнительныхъ и нетерпимыхъ въ обществѣ“¹⁾. Вслѣдствіе этого тогдашній оберъ-прокуроръ св. Синода Мусинъ-Пушкинъ, въ отношеніи на имя епархіальныхъ преосвященныхъ, предложилъ учредить предварительную цензуру проповѣдей, причемъ обращено особенное вниманіе на то, чтобы не допускать проповѣдниковъ до касательства въ проповѣдяхъ вопросовъ политическихъ, такъ какъ „политическія дѣла совѣмъ не относятся къ проповѣди Слова Божія“²⁾. Нельзя однако же съ достовѣрностію и относительно этого распоряженія ска-

---

1) Обнаружившійся фактъ существованія у насъ въ концѣ прошлаго столѣтія чего-то въ родѣ *политической* проповѣди объясняется конечно не вторженіемъ православнаго духовенства въ область дѣлъ государственныхъ, а, должно полагать, объясняется просто подражательностію: какъ извѣстно, съ самаго начала XVIII столѣтія лучшіе витія пробовали свои силы и обнаружили свои таланты на проповѣдяхъ, предметомъ которыхъ были реформы, начинанія правительства и т. п. Это—проповѣдники петровскаго и елизаветинскаго времени. Тоже было и въ самомъ концѣ этого столѣтія, чему служить доказательствомъ митрополитъ Платонъ, сдѣлавшійся прежде всего замѣтнымъ, благодаря проповѣдямъ политическаго характера. Но вѣроятно, талантливые проповѣдники знали мѣру, въ какой должны были *пробывать*. Подражать же виднымъ проповѣдникамъ, естественно, обнаруживали желаніе и такіе, которые должной мѣры въ этого рода проповѣдничествѣ соблюсти уже не сумѣли, — тѣмъ болѣе, что и вообще по условіямъ тогдашняго времени занятіе политикою для частныхъ лицъ считалось весьма неблагоприятнымъ.

1) См. г. Забѣлина, Права и обязанности пресвитеровъ, Кіевъ, 1884 г.

зять: будучи обязательнымъ для всей Россіи, обозначало ли оно собою цензуру проповѣдей *всякаго рода*, такъ, чтобы неписанное и неапробованное слово съ тѣхъ поръ перестало быть дозволеннымъ, или же—цензурѣ должны были подвергаться только очередныя проповѣди произносимыя въ соборахъ и при торжественныхъ случаяхъ. По крайней мѣрѣ въ Москвѣ нѣкоторые священники сказывали такое количество проповѣдей, какое, повидимому, невозможно сказать при обязательствѣ, налагаемомъ предварительной цензурой, именно нѣкоторые говорили до 50 проповѣдей вмѣсто обязательныхъ 12, а нѣкоторые, уже послѣ упомянутаго распоряженія, говорили и каждый праздникъ ¹⁾. Несомнѣнное уже распространеніе предварительной цензуры на всякій родъ проповѣдей является въ 1800 году. Св. Синодъ указомъ отъ 22 марта сдѣлалъ общее распоряженіе, чтобы „ученые изъ священниковъ и діаконъ сочиняли бы сами и говорили по праздничнымъ днямъ свои собственныя проповѣди, извлекаемыя изъ Слова Божія и поученій св. отецъ безъ всякаго, впрочемъ, съ своей стороны лишняго умствования; а чтобы не могло сего быть на самомъ дѣлѣ, *отдавать* имъ, священникамъ и діаконамъ, *на предъ тѣхъ проповѣди* свои на апробацію учрежденнымъ цензорамъ“. Въ 1821 году послѣдовалъ новый общій указъ св. Синода, въ коемъ обращаетъ на себя вниманіе признаніе факта, что „произносимыя духовенствомъ собственныя проповѣди большею частію — безъ постоянного расположенія времени и предметовъ и безъ достаточнаго примѣненія къ разумнѣю слушателей“. Посему св. Синодъ предписывалъ: а) языкъ въ поученіяхъ употреблять „внятный и про-

---

¹⁾ Розановъ, ч. 4, стр. 84, и прим. № 240.

стой съ предосторожностію однако же противъ всего низкаго и несообразнаго съ достоинствомъ предметовъ и мѣста ученія“; в) „не имѣть излишней заботливости объ искусствѣ, которое болѣе препятствуетъ, нежели благопріятствуетъ изліяніямъ духа благочестія“; с) тщательно упражняясь въ проповѣданіи Слова Божія, „не допускать частыхъ и суровыхъ обличеній, способныхъ болѣе раздражать, нежели назидать въ мирѣ“¹⁾).

Это было послѣднее частное распоряженіе относительно цензуры проповѣдей, и въ 1847 году, какъ извѣстно, изданъ Уставъ Консисторій, установившій цензуру въ качествѣ общаго закона. Итакъ, вотъ краткая исторія предварительной цензуры проповѣдей. Нельзя не замѣтить, что начавшись съ того, что былъ учрежденъ вполнѣ естественный административной надзоръ за исполненіемъ духовенствомъ своей обязанности проповѣдывать, явившись потомъ въ качествѣ мѣры государственнаго порядка, цензура уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія приняла видъ, такъ сказать, административной гомилетики въ томъ смыслѣ, что на учрежденіе цензуры возложены были задачи свойственныя собственно наукѣ о проповѣди, гомилетикѣ, такъ какъ административныя наставленія по предмету цензурованія проповѣдей, предписывая отстранять „лишнія умствованія,“ въ то же время касаются чисто литературной стороны проповѣди—напримѣръ языка, касаются вопроса о степени изящества рѣчи, допускаемаго въ проповѣди и т. п. Разумѣется, преслѣдовать такія задачи, т. е. наблюдать хотя бы чистоту языка, становилось уже дѣломъ обязательнымъ для цензуры, а практика, какъ мы видѣли, довела пониманіе задачъ цензуры

¹⁾ Указан. сочинен. Забѣлина, стр. 22.

до разбирательства вопроса о расположении (*dispositio*), не говоря уже о томъ, что вопросы о степени силы доказательствъ, объ отношеніи текста къ содержанію проповѣди, сдѣлались также вопросами цензуры. Но главное: въ видѣ положеній, заключающихся въ изложенныхъ нами, разновремененно и при разныхъ условіяхъ изданныхъ распоряженіяхъ, цензурныя правила вошли въ дѣйствующее законодательство, такъ что эти правила, представляютъ собою одно изъ совершенно неизбѣжныхъ условій быта нашей проповѣди. Повидимому, свѣтская печать была очень удивлена, когда недавно преосвященный Амвросій прямо высказалъ о настоящихъ условіяхъ русскаго проповѣдничества слѣдующее: „появляющіеся у насъ на церковной кафедрѣ ораторы съ живымъ словомъ (неписанною проповѣдію) оказываются большею частію въ трудномъ и ложномъ положеніи.“ По мнѣнію преосвященнаго, это происходитъ отъ того, что къ нашимъ проповѣдникамъ „обращаются съ недоувѣріемъ и сомнѣніями, какъ бы они не произвели смущенія въ народѣ своею неумѣлостію, не сказали чего-нибудь лишняго, неумѣстнаго и даже опаснаго. Самый законъ нашъ, говоритъ Преосвященный, не даетъ защиты столь естественнымъ проповѣдникамъ ученія Христова: *на церковную проповѣдь не писанную нѣтъ разрѣшенія* въ нашихъ законахъ, и самыя писанныя проповѣди подчинены цензурѣ. Поэтому всякій изъ нашихъ проповѣдниковъ импровизаторовъ можетъ трудиться только подъ защитою и личною отвѣтственностію Преосвященнаго, *подпасть въ противномъ случаѣ проповѣдникъ всегда можетъ подъ судъ!* Между тѣмъ какъ если желательно имѣть такихъ проповѣдниковъ, нужно готовить ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, испытывать“ когда придетъ для нихъ время дѣйствительнаго проповѣдничества „и

снабжать дозволеніями. Тогда упреждены будутъ „случайности и опасности“, изъ-за возможности которыхъ законъ не даетъ дозволенія проповѣди живой, каковой и должна быть проповѣдь ¹⁾). Свѣтская печать, кажется, удивилась такому положенію дѣла. Но дѣло именно такъ поставлено. И намъ кажется, что приведенными словами одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ выражено самымъ опредѣленнымъ образомъ значеніе цензуры среди условій современнаго русскаго проповѣдничества. Если же слова лица столь компетентнаго въ существѣ своемъ представляютъ то же, что мы видѣли въ словахъ нѣмецкаго ученаго, сказанныхъ полстолѣтіе тому назадъ, будто „свободной проповѣди русская церковь не позволяетъ своимъ попамъ“; то это показываетъ, что условія русскаго проповѣдничества остаются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тѣ же, что были прежде. И мнѣніе о ложности положенія, въ которое поставляются наши проповѣдники благодаря отсутствію разрѣшенія въ законѣ на проповѣдь не писанную, и прибавимъ еще—благодаря такому расширенію задачъ установленной для проповѣдей цензуры, которое мы видѣли, какъ нельзя болѣе подтверждалось и подтверждается фактами. Въ самомъ дѣлѣ: священникъ проповѣдникъ за свою импровизованную проповѣдь можетъ „попасть подъ судъ“. Между тѣмъ—даже при всей односторонности свѣдѣній о служебномъ бытѣ нашихъ священниковъ обнаруживается, что существовали и, конечно, существуютъ священники проповѣдующіе *десятки лѣтъ* каждый праздникъ. Недавно въ Москвѣ умеръ одинъ изъ таковыхъ, именно священникъ, не пропускавшій

---

1) Вѣра и Разумъ, 1884 г. стр. 494—5.

ни одной ранней обѣдни безъ краткаго поученія ¹⁾. Любопытно было бы справиться, сколько въ его послужномъ спискѣ значилось проповѣдей произнесенныхъ имъ въ годъ? Если даже не одинъ десятокъ, то и въ такомъ случаѣ достопочтенный пастырѣ вѣроятно оказывался виновнымъ предъ закономъ—какъ не представлявшій проповѣдей установленнымъ цензорамъ, потому что, очевидно, должно положить, что проповѣданіе каждую раннюю обѣдню представить собою цифру произнесенныхъ проповѣдей далеко превосходящую два или три десятка! И вотъ чловѣкъ, дѣлавшій честь своему званію, могъ очутиться ослушникомъ закона! Положимъ, что нарушеніе закона въ этомъ случаѣ пользуется значительной терпимостію, и рѣдко кому можетъ придти въ голову мысль о привлеченіи священника къ отвѣтственности за такое нарушеніе. Но, очевидно, исполненіе важнѣйшей пастырской обязанности, сопряженное съ нарушеніемъ хотя бы буквы закона, и возможное только при значительной терпимости къ этому нарушенію — не можетъ составлять порядка идеальнаго. Церковная администрація въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, стараясь поставить дѣло проповѣди на прочную почву, дѣлаетъ распоряженіе, чтобы священники говорили проповѣди каждую службу обязательно (напр. распоряженіе по Вологодской епархіи). Если бы желаніе, выразившееся въ этомъ распоряженіи, когда-нибудь осуществилось вполне: то епархія, въ которой проповѣдничество достигло такихъ размѣровъ, представляла бы собой нѣчто весьма замѣчательное. Но намъ кажется, что такое распоряженіе само въ себѣ носить и отрицаніе цензуры проповѣдей—цензуры не предварительной только (о ней,

---

¹⁾ Церковн. Вѣстникъ, 1884 г., № 13—14.

по нашему мнѣнію, здѣсь не можетъ быть и рѣчи), а даже той цензуры, которую можно назвать наблюдательной, — въ силу которой проповѣди должны представляться на разсмотрѣніе послѣ произнесенія. Основываемъ такое заключеніе на слѣдующемъ соображеніи: пусть у цензора благочиннаго десять подвѣдомственныхъ священниковъ. Такъ какъ каждый священникъ служитъ по меньшей мѣрѣ третью часть дней въ году, т. е. 122 дня, то число проповѣдей подлежащихъ цензурѣ благочиннаго въ теченіи года будетъ 1220 проповѣдей. И это — наименьшее число. Не думаемъ, чтобы цензоръ благочинный могъ прочитать столько проповѣдей, когда осуществится порядокъ, требующій проповѣди при каждомъ богослуженіи! Если, далѣе, опытъ показываетъ, что цензура практикуетъ способъ разсужденія о проповѣдяхъ такой: въ словѣ „нѣтъ правильного расположенія“, то строгость такого разсужденія едва ли не представляетъ собою дѣла обоюднаго, т. е. могущаго и принести пользу, но могущаго и лишить возможности приносить пользу. Предъ критикой такого рода трудно устоять и нѣкоторымъ проповѣдямъ самого Златоуста. Ибо извѣстно, что самъ великій проповѣдникъ нерѣдко выражалъ недоумѣніе, какъ онъ оказался бесѣдующимъ совсѣмъ не о томъ предметѣ, о которомъ обѣщался говорить ¹⁾, а нѣ-

---

1) „Не знаю — говорилъ однажды Златоустъ въ среднѣ проповѣди — какъ мы перенесены къ сему стремительною слова и оставили порядокъ“ въ бесѣдѣ. Въ другой разъ Златоустъ выразился о себѣ, что онъ точно сильною бурей отвлеченъ отъ предмета своей бесѣды. Сдѣлавъ иногда очень длинное вступленіе и замѣтивъ, что онъ все еще только *собирается* бесѣдовать, о чемъ предполагалъ, Златоустъ извиняется предъ слушателями въ этой какъ будто бы разсѣянности. Но читатель проповѣдей Златоуста, не имѣющій

медкіе критики судили иногда о Златоустѣ, какъ о проповѣдникѣ, который въ своихъ проповѣдяхъ говорилъ *de omnibus rebus et nonnullis aliis!* Правда, можно думать, что въ ранній періодъ исторіи административныхъ распоряженій относительно дѣла проповѣди, такія требованія, какъ „правильное расположенное слово“, не входили въ критерій достоинства проповѣди. Въ Духовномъ Регламентѣ наприм. проповѣднику дается совѣтъ „имѣть у себя книги св. Златоуста и прилежно читать оныя, ибо тако приобучится слагать чистѣйшее и яснѣйшее слово, хотя и не будетъ Златоусту равно“. Но всякому извѣстно, что Златоустъ не такой проповѣдникъ, чтобы подражая ему можно было выучиться удовлетворять требованію цензуры, бракующей проповѣди за „неправильное расположеніе.“ Стало быть, въ эпоху изданія Духовнаго Регламента, требованія подобнаго рода не считались еще безусловно необходимыми: иначе нужно было бы рекомендовать какого-нибудь другаго проповѣдника, но всего менѣе Златоуста! Вѣроятно поэтому, что такая требовательность появилась уже тогда, когда проповѣдь стала принадлежностію праздничной обрядности, а не регулярнаго церковнаго учительства, почти не совмѣстнаго съ обязательствами, налагаемыми на проповѣдниковъ не только предварительною, но отчасти и наблюдательною цензурою.—Замѣтимъ, что ежедневная практика цензуры проповѣдей пошла и еще далѣе: всякому извѣстно, что у насъ весьма обычное явленіе—цензурская поправка на проповѣ-

---

предвзятой мысли выслѣдить планъ какой-либо проповѣди, не можетъ и замѣтить невыдержанности или отсутствія плана въ проповѣди: такъ дѣйствуетъ глубина мыслей и чувства великаго проповѣдника.

ди, замѣняющая одно слово другимъ совершенно равнозначущимъ, но цензору болѣе нравящимся. Одна газета по этому поводу недавно замѣтила, что такая цензура „ставить нашихъ пастырей въ оскорбительное положеніе школьниковъ до престарѣлыхъ лѣтъ.“¹⁾ И съ этимъ нельзя не согласиться. Прибавить только должно, что, такъ какъ проповѣдь у насъ все-таки не привилась настолько, чтобы лицо, облеченное цензурною властію, всегда непремѣнно превосходило своихъ, по цензурѣ, подчиненныхъ проповѣдническою опытностію и даже навывкомъ въ письменномъ изложеніи мыслей, то оскорбительность положенія бываетъ, вѣроятно, весьма чувствительна. Да и какъ не быть этому, когда цензоръ принимаетъ на себя задачу очищать проповѣдь въ литературномъ отношеніи? Одному не понравится употребленіе иностранныхъ словъ, хотя бы и весьма извѣстныхъ образованнымъ слушателямъ, другому — словъ не вошедшихъ въ ежедневное употребленіе; одному слова или изреченія простонародныя покажутся унижающими достоинство церковной проповѣди; другому — чисто литературный языкъ проповѣди представляется языкомъ слишкомъ мудренымъ и т. п. И за все это должно расплачиваться авторское право проповѣдника. Извѣстны факты (но вовсе не анекдоты) что нещадной критикѣ цензоровъ подвергаются иногда проповѣди, заимствованныя у знаменитыхъ положеніемъ и славою проповѣдниковъ, но въ цензуру представленныя безъ указанія источника заимствования... Нельзя отчасти не согласиться и съ замѣчаніемъ той же газеты, что установленіе цензуры искусственно усиливаетъ книжность и сочиненность проповѣдей и „создаетъ натянутость въ отношеніяхъ, которыя именно

---

¹⁾ Соврем. Извѣстія, 1884 г. № 15.

и должны быть живыми по преимуществу“. Ибо проповѣдь при этомъ становится своего рода официальной бумагой, — хотя мы не будемъ утверждать, что и уничтоженіе цензуры сразу приведетъ проповѣдь къ живой рѣчи. Для достиженія послѣдняго нужно измѣнить самыя способы приготовленія къ проповѣдничеству, о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить далѣе.

Но, скажутъ, надзоръ за направленіемъ и свойствомъ проповѣди во всякомъ случаѣ необходимъ, какъ надзоръ за исполненіемъ одной изъ служебныхъ обязанностей пастыря. Необходимо также, прибавимъ мы, имѣть и способы, пользуясь которыми церковное начальство могло бы различать, по выраженію митроп. Платона, тщливыхъ въ дѣлѣ проповѣданія отъ лѣнивыхъ въ этомъ дѣлѣ: слѣдовательно и необходимость проповѣди какъ документа, т. е., писанной и просмотръ этого документа представляются имѣющими свое оправданіе. Но и существующій порядокъ надзора и контроля съ помощію обязательства непременно писать всякую проповѣдь и непременно имѣть дозволеніе на ея произнесеніе не есть единственное средство для указанныхъ цѣлей. Мы не беремъ на себя задачи выступить съ проектомъ того, какимъ образомъ предварительная цензура всякой проповѣди могла бы быть замѣнена инымъ способомъ надзора надъ проповѣдническою дѣятельностію, — способомъ, не поставляющимъ проповѣдника иногда въ положеніе нарушителя закона или по крайней мѣрѣ — неисправнаго по отчетности служителя церкви. Цензура, конечно, должна имѣть цѣлію предупредить возможность злоупотребленія церковнымъ словомъ. Но очевидно, что — злоупотреблять можетъ проповѣдникъ и цензурованной пропо-

вѣдью. Какъ мы замѣтили, злоупотребленія проповѣдью случались даже и въ древней церкви: такъ злоупотребляли проповѣдью Арій и Несторій. Изъ за Арія явилась было мысль ограничить даже и самое право пресвитеровъ на проповѣдь съ церковной кафедрой. Но эта мѣра осталась мѣстною и временною—по очевидному противорѣчю ея съ пользами церкви и каноническими обязанностями пресвитеровъ. Случай съ Несторіемъ, впервые провозгласившимъ свою ересь съ церковной кафедрой, разрѣшился помимо какихъ либо стѣсненій на *самое дѣло* церковной проповѣди, именно разрѣшился судебнымъ изслѣдованіемъ оглашеннаго факта злоупотребленія. Древняя церковь, поэтому можно сказать, не знала въ отношеніи къ дѣлу проповѣди предупредительныхъ, а тѣмъ болѣе стѣснительныхъ мѣръ, основанныхъ только на мысли о возможности злоупотребленія проповѣдью. Что касается того соображенія, что цензура предупреждаетъ, какъ выразился преосвященный Амвросій, „случайности,“ возможные только по причинѣ „неумѣлости“ проповѣдника, то нельзя не согласиться съ той мѣрой упрежденія подобныхъ случайностей, которую предлагаетъ тотъ же преосвященный: это — чтобы послѣ теоретическаго приготовленія къ дѣлу проповѣди въ учебныхъ заведеніяхъ кандидатовъ на проповѣдничество испытывать въ годности къ дѣлу особо и снабжать, послѣ испытанія, особеннымъ дозволеніемъ къ безпрепятственному проповѣданію. И это, въ нѣкоторой мѣрѣ, даже не было бы нововведеніемъ: въ Москвѣ уже въ половинѣ прошлаго столѣтія ищущихъ іерархическихъ степеней испытывали въ способности проповѣдывать, причемъ такое испытаніе не миновало даже и ищущихъ діаконскаго мѣста въ луч-

шихъ приходахъ.¹⁾ Славяно-греко-латинская академія въ числѣ „квалитетовъ“ своихъ воспитанниковъ также отмѣчала степень способности къ проповѣдничеству. Отчего же нужно будетъ отрицать пригодность подобныхъ порядковъ для настоящаго времени? Что же касается до цензуры, какъ мѣры опредѣленія усердія каждаго къ дѣлу проповѣди: то, кажется, нечего и говорить, что у церковнаго начальства на это имѣется множество средствъ и даже помимо введенія какихъ либо „журналовъ о проповѣди,“—подобно тому какъ у начальства имѣются способы знать степень благоповеденія каждаго изъ членовъ клира—помимо того, чтобы для этого приставлять къ каждому отдѣльнаго наблюдателя. Если же наконецъ кому либо представится, что безъ цензуры проповѣдники лишатся возможности пользоваться совѣтами цензоровъ, подвергающихъ проповѣдь здоровой критикѣ, или что ограниченіе цензуры ролью единственно наблюдательной, безъ права касаться чисто литературной стороны проповѣдей,—приведетъ наше проповѣдничество къ упад-

---

¹⁾ Изъ этого видно, что одни исключительно голосовыя качества въ то время не имѣли значенія для діаконскаго служенія. Въ Январѣ 1758 года студентъ Славяно-греко-латинской Академіи Петровъ подаетъ просьбу объ опредѣленіи на діаконское мѣсто къ Архангельскому собору и при самомъ прошеніи проповѣдь съ надписью: *Oratio Sacra per modum christiae facta*. Въмѣстѣ съ нимъ подаетъ на тоже мѣсто другой студентъ, но безъ проповѣди. Митрополитъ Тимофеевъ задаетъ тему для проповѣди и этому кандидату, съ предложеніемъ Консисторіи выслушать проповѣдь этого студента. Консисторія нашла, что проповѣдь втораго искателя «посредственнаго труда,» между тѣмъ какъ проповѣдь перваго читана самимъ Митрополитомъ и признана заслуживающею похвалы. Искомое мѣсто получилъ студентъ Петровъ. См. Розанова, тоже сочиненіе, ч. II, примѣч. № 297.

ку въ отношеніи вкуса и мѣры: то все это, какъ было замѣчено, нужно возложить на школу. Пусть вышедшій изъ школы проповѣдникъ будетъ настолько и такъ приготовленъ къ своей дѣятельности, чтобы не нуждаться въ совѣтахъ цензоровъ и знать, что свойственно хорошему вкусу въ рѣчи и что не свойственно, что здравая критика допускаетъ въ публичной христіанской рѣчи и чего недопускаетъ. А что въ школѣ этого достигнуть возможно, это, полагаемъ, засвидѣтельствуетъ каждый преподаватель науки церковнаго проповѣдничества.

Ту „свободную проповѣдь,“ которой желаютъ для русской церкви люди далеко не легкомысленные, можно, такимъ образомъ, формулировать не какъ проповѣдь свободную отъ надзора церковнаго начальства, а какъ проповѣдь свободную отъ тѣхъ условій, которыя стоятъ, по нашему мнѣнію, въ неоспоримомъ противорѣчій съ природою дѣла. Разумѣемъ свойства ораторскаго слова, которое, конечно, есть прежде всего „живое слово,“¹⁾ не заключенное въ рамки правленной рукописи, и—часто положительную невозможность съ доброю совѣстію слѣдовать статьямъ о проповѣднической цензурѣ. Но не преувеличивая значеніе цензуры въ качествѣ неблагопріятствующаго проповѣдничеству условія, мы, съ другой стороны, не считаемъ ничего незначимымъ и вопросъ о нѣкоторой другаго рода „свободѣ,“ какъ условія успѣшнаго развитія у насъ проповѣдничества. Правда, это все еще будетъ далеко не единственное, что останется желать для дѣла русскаго проповѣдничества. Можно, напримѣръ, пожелать широкаго распространенія Слова Божія въ народѣ и

---

¹⁾ См. объ этомъ указан. статью Преосв. Амвросія, въ журналѣ Вѣра и Разумъ, 1884 г., № 6 и дал.

необходимой для чтенія его грамотности. Это само по себѣ разовѣтъ въ народѣ охоту слушать проповѣди, изъясняющія Слово Божіе. Вѣдь и въ дрезности тамъ, гдѣ, по какимъ либо причинамъ, распространеніе въ народѣ Слова Божія въ его подлинномъ видѣ было слабо, слабо прививался и обычай—слушать проповѣди какъ нѣчто весьма важное. Такъ это напримѣръ было въ странахъ латинскихъ.¹⁾—Какого же рода эта „свобода,“ о которой, быть можетъ, позволительно подумать? Недавно въ числѣ прочихъ недостатковъ нашего духовенства приходскаго поврежденной литературой былъ включенъ еще одинъ: „духовное рабство.“ Это духовное рабство опредѣляютъ такимъ образомъ: „оно есть такое душевное настроеніе, въ силу котораго пастырь при сношеніяхъ съ пасомымъ сколько либо значительнымъ по своему общественному положенію... видитъ въ немъ своего господина, которому онъ долженъ всячески угодить.... И это происходитъ оттого—говорятъ—что духъ рабства вѣлся въ плоть и кровь нѣкоторыхъ нашихъ пастырей и потому прорывается наружу при всякомъ поводѣ и даже при отпращиваніи пастырскихъ обязанностей.“ „Но духъ этотъ есть глубочайшая внутренняя причина невлятельности пастырей на паству.“ Выводъ отсюда прямой: нашему пастырству желательно и полезно вселить

---

¹⁾ Въ отношеніи къ распространенности Св. Писанія русскій народъ не можетъ гордиться предъ другими народами: существующее у насъ общество распространенія Св. Писанія обнародовало недавно весьма прискорбный фактъ, именно, что болѣе половины своихъ скудныхъ средствъ, въ прошломъ по крайней мѣрѣ году, оно *получило изъ Америки*, отъ тамошняго такого же Общества! У насъ же не нашлось добротныхъ дателей на это дѣло настолько, чтобы Общество не вуждалось въ американскихъ пособіяхъ.

„духъ свободы.“—Но имѣеть ли отношеніе этотъ духъ рабства къ дѣлу проповѣди, чтобы мы могли заняться этимъ вопросомъ? Позволяемъ себѣ думать, что имѣеть, какъ читатель впоследствии и самъ увидитъ. Далѣе. Свобода другаго рода, которая желательна для усиленности всякаго дѣла, заключается въ отсутствіи помѣхи дѣлу, или всего того, что если не мѣшаетъ положительно, то, можетъ быть, мѣшаетъ отрицательно—отвлекая отъ дѣла. Если мы скажемъ, что признаемъ существованіе у нашихъ пастырей такихъ отвлекающихъ отъ дѣла проповѣдничества обязанностей, которыя вовсе не связаны съ пастырствомъ самимъ по себѣ и которыя съ пастырствомъ связаны только случайно: то надѣемся оправдаться и въ этомъ.

Что этотъ „духъ свободы“, въ недостаткѣ котораго упрекаютъ современное русское пастырство, необходимъ для всякаго рода публичнаго оратора, это—мысль не новая. Одинъ изъ древнихъ греческихъ философовъ, какъ извѣстно, выразился: „рабъ можетъ изучить всякую науку, но не можетъ быть ораторомъ“ (Лонгинъ). Правда, мы уже высказывали мысль и настаиваемъ на ней, что ораторство и проповѣдничество—не одно и тоже. Но это не значитъ, чтобы мысль греческаго философа не имѣла никакого приложенія и къ дѣлу проповѣдничества: рабъ не можетъ быть и проповѣдникомъ. Никто, вѣроятно, не подумаетъ, чтобы это относилось къ „рабству“, какъ извѣстному социальному факту: для дѣла Божія рабъ и свободный не различны. Но мы должны будемъ утверждать, что, если не рабство, то „рабствованіе“ не можетъ быть хорошимъ условіемъ для проповѣдыванія, какъ бы это рабствованіе ни выражалось—въ рабствованіи ли плоти или гордому уму,—окажется ли проповѣдникъ рабомъ слушателей или своего самомнѣ-

ніа и т. п. Рабствованіе какъ и гордость, конечно, должны быть совсѣмъ несвойственны пастырю ¹⁾).

1) Превосходныя наставленія относительно этого содержатся у св. Іоанна Златоустаго. Проповѣдникъ, по мысли св. отца, не можетъ имѣть и малѣйшей тѣни гордости. «Пастырь поучающій и слушающіе подлежатъ однимъ и тѣмъ же законамъ, имѣють одинаковую природу. Для чего это?— спрашиваетъ Златоустъ. Для того, чтобы поучающій угрожалъ съ умѣренностію, чтобы снисходителенъ былъ къ согрѣшающимъ, чтобы, памятуя о собственной немощи, не простиралъ обличенія до нестерпимой чрезмѣрности. Поэтому Богъ не свелъ съ небесъ ангеловъ и не приставилъ ихъ учителями къ роду человѣческому, чтобы они по превосходству своей природы и по незнанію человѣческой немощи, не были беспощадны къ намъ въ своихъ обличеніяхъ: напротивъ людей смертныхъ поставилъ учителями и священниками,—людей обложенныхъ немощами, дабы то самое, что и поучающіе и слушающіе подлежатъ одинаковой отвѣтственности, служило для языка поучающаго уздою, не позволяющею простирать обличенія выше мѣры». Но, въ то же время, св. Златоустъ училъ, что всякое подобострастіе и угодливость проповѣдника вредны прежде всего для спасенія самихъ пасомыхъ, и чтобы поэтому пасомые не искали въ проповѣдникѣ только пріятнаго собесѣдователя. «Таковымъ, говоритъ Златоустъ, я скажу: я не свои законы излагаю вамъ. но читаю письмо, съ небесъ сошедшее, и тотъ, кому ввѣрено это служеніе, все заключающееся въ ономъ, долженъ объявить смѣло, ища вездѣ пользы, а не удовольствія слушателей»; иначе по страху ненависти слушателей чрезъ такую неблаговременную угодливость онъ продаетъ и свое и ихъ спасеніе. Ибо скрывать что либо изъ божественныхъ законовъ крайне опасно и для проповѣдника, и для слушателей, и учителя судятся какъ виновные въ убійствѣ, когда они не возвѣщаютъ безбоязненно о всѣхъ заповѣдяхъ Божіихъ... И совершенно справедливо: «ибо челоуѣкоубійца умерщвляетъ только тѣло, а проповѣдникъ-ласкатель, дѣлая слушателей безпечными, губить душу». (См. Христ. Чт. 1845 г. VI, стр. 189 и далѣе). Св. Григорій Двоесловъ выражаетъ почти такія же мысли: «всемогущій Богъ почти всегда съ одной стороны надѣляетъ пастырей церкви многими совершенства-

Но мы знаемъ, однако же, что великіе проповѣдники древности были и люди великіе духомъ; знаемъ и то, что какъ скоро и въ древности началось рабствова- ніе клира — проповѣдь переставала существовать. Поэтому мы нѣсколько долѣе, чѣмъ можно ожидать, остановимся на этомъ вопросѣ о рабствованіи па- стырей.

Это рабствованіе, приписываемое нашему пастыр- ству, началось однако же не со вчера и не есть только недугъ нашего пастырства. Уже у св. Гри- горія Богослова есть намеки на печальный фактъ этого начавшагося рабствования церковныхъ учите- лей: „духу времени, а не закону Божию“, — учите- лей которые „по отношенію къ слабымъ — львы“, которые „пресмыкаются гораздо чаще у людей влія- тельныхъ, нежели у дверей людей мудрыхъ“, „гонятся болѣе за пріятнымъ, нежели за полезнымъ“ и т. п. ¹⁾). Такіе пастыри, по свидѣтельству того же Богослова, „чтобы получить себѣ прибытокъ, бесѣдуютъ съ приходящими о томъ и о другомъ, такъ и иначе, въ угожденіе всякому“, „подобно какимъ нибудь чревоущителямъ и суесловамъ, для собственной своей забавы употребляютъ слова, изъ земли изглашаемыя и въ землю уходящія, какъ будто бы тѣмъ болѣе прославляются они въ народѣ, чѣмъ больше вредятъ себѣ и губятъ себя“, — тогда какъ — „лучше другимъ вручить бразды правленія надъ собою, нежели дви-

---

ми, а съ другой — допускаетъ въ нихъ и нѣкоторыя несо- вершенства, дабы держашіе въ рукахъ своихъ кормило прав- ленія, отличаясь дарованіями, въ то же время смирялись скорбію и о своихъ недостаткахъ“, и т. д.

¹⁾ См. статью «св. Григорій Назіанзинъ» въ Труд. Кіев. Духов. Академіи, 1868.

гать ненаученный языкъ“¹⁾. Св. Златоустъ въ числѣ опасностей, угрожающихъ пастырскому служенію (а «исчислить эти опасности — по выраженію Златоуста—все равно какъ измѣрить море») упоминаетъ: „ученіе, предлагаемое въ угожденіе, ласкательство, человѣкоугодіе, презрѣніе бѣдныхъ, услужливость богатымъ, страхъ рабскій, приличный только презрѣннымъ невольникамъ, недостатокъ дерзновенія до послѣдней мѣры, величайшая робость на подвигъ обличеній и наказаній или лучше обремененіе незначительныхъ людей всею ихъ тяжестью, а предъ сильными несмѣлость такая, что не позволяетъ и слова выговорить предъ ними“. Современникъ св. Златоуста бл. Іеронимъ оставилъ намъ и доказательства того, что опасность тѣхъ преткновеній въ пастырскомъ служеніи, о которыхъ говоритъ Златоустъ, дѣйствительно существовала: въ извѣстномъ письмѣ къ Непоціану онъ представляетъ бытовыя картины жизни клира, изъ коихъ ясно видно, что приниженность нѣкоторыхъ изъ клира у другихъ переходила „въ самое низкое ухаживаніе“ и даже въ прислуживаніе въ особенности „бездѣтнымъ старикамъ и старухамъ“. Такія же указанія даетъ намъ и дальнѣйшая исторія быта пастырей. „Мягко пастыри обходятся, говоритъ св. Григорій Двоесловъ о своихъ современникахъ, съ тѣми, которыхъ они боятся, чтобы не встрѣтить въ нихъ противодѣйствія стремленію своему къ временной славѣ“; „тѣхъ же, которые не могутъ ни въ чемъ имъ повредить, напротивъ того утѣсняють съ необыкновенною жестокостію, никогда не обращаются съ ними милостиво и снисходительно, а забывъ пастырскую кротость, только

---

1) Н. В. Благоразумова — Святоотеческая Христоматія, Москва 1884 г., стр. 303.

устрашаютъ силою своей власти“. „Если иногда будетъ лице въ мірѣ семь могущественное, то, быть можетъ, заблужденія этого человѣка превозносятся похвалами для того, чтобы онъ, если бы стали говорить противное, во гнѣвѣ не лишился подарка, который давалъ“¹⁾). Вмѣстѣ съ тѣмъ мы часто встрѣчаемъ и соответствующія пожеланія для пастырей „мужества душевнаго“, какъ выразился Златоустъ, — какъ такого качества нравственнаго характера, которое противоположно „рабскому страху“ предъ сильными и угнетенію слабыхъ. Но замѣчательно, что вмѣстѣ съ пожеланіями для пастырей этого душевнаго мужества древними церковными учителями отмѣчены и послѣдствія такой душевной настроенности пастыря именно въ отношеніи къ обязанности учительства — послѣдствія самыя неблагопріятныя. „Пастырю, говорилъ на примѣръ св. Григорій Двоесловъ, надлежитъ быть разборчивымъ и въ молчаніи, и въ словахъ: чтобы не говорить о томъ, о чемъ слѣдуетъ молчать, и не молчать о томъ, о чемъ слѣдуетъ говорить. И неумѣстное молчаніе можетъ оставлять слушателей въ заблужденіи. А между тѣмъ часто случается, что неблагоразумные и не предусмотрительные пастыри, изъ опасенія потерять благоволеніе у своихъ пасомыхъ, боятся и не рѣшаются свободно высказывать истину“. „Пастырь дѣлается слабымъ, когда, опасаясь потерять у своихъ подчиненныхъ расположенность, не принимаетъ мѣръ къ исправленію ихъ недостатковъ“ и т. д. Къ такимъ именно пастырямъ св. Григорій относитъ слова пророка Іезекіиля (XIII. 18): ибо „подкладывать возглавіицы или подушечки подъ локти

---

¹⁾ Св. Григорія Двоеслова, Бесѣды, русск. перев. Спб., 1860, стр. 159.

значитъ лестію и угодиществомъ потворствовать грѣшникамъ, и безъ того уклоняющимся отъ правоты и почивающимъ на мягкомъ ложѣ мірскихъ удовольствій“. Конечно отцы церкви не выражали стремленія обратить пастырей только въ воиновъ—въ томъ смыслѣ, чтобы дѣлать христіанскій народъ на два лагеря—воюющихъ и воюемыхъ, пастырей и пасомыхъ, и чтобы пастырь разсматривалъ своихъ пасомыхъ только съ этой точки зрѣнія воюющей стороны: пастырь, по выраженію Златоуста, долженъ быть „разносторонень, но не лукавъ, не льстець, не лицемеръ; долженъ имѣть полную свободу и смѣлость, но долженъ имѣть и принаровляться съ пользою“. Но тѣмъ не менѣе мужество въ смыслѣ извѣстной степени силы характера отцы считали необходимымъ условіемъ отправленія учительскихъ обязанностей.—Указывали также отцы церкви и причину отсутствія этого мужества у современныхъ имъ пастырей: именно ту, что пастырство принималось ради внѣшнихъ выгодъ, связанныхъ съ этимъ положеніемъ, а забота о выгодѣ, разумѣется, заставляла прежде всего и смотрѣть, на сколько отправленіе обязанностей въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось и нѣкоторое самоотверженіе, не противно выгодѣ. Поэтому-то Св. Григорій Двоесловъ замѣтилъ, что если кто „ищетъ мірскихъ выгодъ въ томъ званіи, которое обязано искоренять въ людяхъ всякое пристрастіе къ нимъ“, то естественно бываетъ, что „языкъ измѣняетъ на каедрѣ тѣмъ, которые на каедрѣ учатъ одному, а заняты бываютъ другимъ“. ¹⁾

---

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь: суровыя обличенія встрѣчаются у отцевъ церкви противъ тѣхъ, кои искали духовныхъ степеней ради земныхъ выгодъ—честолюбія, богатства и т. п.—Такъ какъ нынѣ часто все обращается противъ духовенства, даже

Итакъ, повторяемъ, „рабствованіе“ клира—явленіе не новое вообще. Не ново это явленіе и въ исторіи русскаго клира, ибо какъ началось оно не со времени знаменитыхъ крестцовыхъ поповъ, безъ

и то, что духовенство плату за свои труды разсматриваетъ какъ законное средство существованія: то мы приведемъ здѣсь мнѣніе Златоуста относительно этого вопроса. Златоустъ сравниваетъ положеніе апостоловъ въ отношеніи къ ихъ служенію и положеніе современныхъ ему пастырей церкви, которыхъ, повидимому, и тогда находились охотники злословить («если ты скажешь: *и духови твоему* миръ, а вышедши будешь *возставать* противъ меня, презирать, *злословить* и тайнѣ *поносить* безчисленными ругательствами, то что это за миръ?» говорилъ однажды Златоустъ). Повидимому также и тогда на апостоловъ же указывали, когда хотѣли укорить пастырей за ихъ способъ существованія на счетъ своей паствы. Правда, отвѣчаетъ на это Святитель, подобно апостоламъ «я ничего не терпѣлъ для васъ, не предпринималъ дальняго путешествія; пришелъ къ вамъ не такъ какъ приходили апостолы, ничего при себѣ не имѣя,— пришелъ не безъ сапоговъ, не безъ другой одежды,—почему, можетъ быть, и вы оставляете съ своей стороны должное: только сего недостаточно для вашего оправданія въ этомъ злословіи на насъ, пастырей, провозвѣстниковъ Евангелія, хотя бы не похожихъ на первыхъ провозвѣстниковъ. „Пусть мы подвергнемся и большому осужденію — и то ни мало не служить къ вашему извиненію» въ недобромъ отношеніи къ пастырямъ!—Такъ разсуждаетъ Златоустъ вообще относительно самоизвиненія пасомыхъ въ недобромъ отношеніи къ пастырямъ на основаніи того только, что пастыри къ паствѣ своей «пришли не безъ сапоговъ». Теперь относительно упрековъ въ полученіи средствъ содержанія съ самой паствы: „*достоинъ ѳлатель мзды своя* (Мѣ. X, 10). Снмъ Господь показалъ, говоритъ Златоустъ, что апостоламъ должно получать себѣ проицтаніе отъ учениковъ, дабы они не гордились предъ учениками своими тѣмъ, что, доставляя имъ все, сами отъ нихъ ничѣмъ не заимствуются, и дабы ученики ихъ, будучи презираемы ими, не отдѣлялись отъ нихъ. Притомъ, дабы апостолы не сказали: итакъ, велишь намъ

преувеличенія сказать бывшихъ рабами своихъ на-
имателей, такъ и не окончилось съ ними. Позво-
ляемъ себѣ только не совсѣмъ согласиться съ мнѣ-
ніемъ будто „причина этого явленія не въ матери-

жить милостынею? и не вмѣнили себѣ того въ стыдъ, — на-
зывая ихъ дѣлателями, а даваемое имъ *мздою*, показываетъ,
что—*это такъ и должно быть!* Хотя дѣло ваше, говоритъ
Онъ, состоитъ только въ ученіи: но не думайте, что оказы-
ваемое вами благодѣяніе было маловажно, ибо ваше занятіе
сопряжено съ великими трудами, и чѣмъ даютъ вамъ поучае-
мые, даютъ не даромъ, но въ вознагражденіе: достоинъ бо
дѣлатель мзды своея! Сіе же сказалъ Онъ не потому, чтобы
труды апостоловъ того только и стоили: напротивъ учени-
камъ давалъ правило не требовать большаго, а доставляю-
щихъ имъ нужное вразумлять, что они дѣлаютъ сіе *не по
щедрости, но по долгу*». Таковы, такъ сказать, руководя-
щія начала для правильнаго представленія о значеніи содер-
жанія получаемаго отъ паствы. И Златоустъ считалъ эти на-
чала общими, т. е. имѣющими значеніе для всякаго времени.
Это видно изъ того, что онъ предупреждаетъ возможное
возраженіе: «скажешь, что мы не можемъ равняться съ апо-
столами! Согласенъ и ни мало не спорю. Но при всемъ томъ
вы должны исполнять свое дѣло. Сіе не только не сдѣлаетъ
вамъ стыда, но еще болѣе послужитъ къ вашей пользѣ: ког-
да будете оказывать должную любовь и послушаніе недостой-
нымъ, подучите большее воздаяніе.» — Что же касается те-
перь этихъ суровыхъ обличеній на пріемлющихъ должность
священства изъ за самыхъ средствъ содержанія, то нужно
принять во вниманіе, что обличенія эти имѣли мѣсто глав-
нымъ образомъ потому, что тогда принятіе сана *единственно*
изъ за средствъ дѣйствительно обличало корыстолюбиваго
человѣка и въ крайнемъ случаѣ—человѣка неспособнаго къ
существованію своимъ трудомъ внѣ состоянія въ клирѣ: ибо
въ древности паствы церкви, вступая въ сословіе клира,
большею частію не оставляли тѣхъ, копечно, честныхъ и не
зазорныхъ занятій, которыя служили имъ средствами къ жиз-
ни до посвященія въ санъ. Стало быть вопросъ о сред-
ствахъ существованія по принятіи сана рѣшался тогда просто:
чѣмъ человѣкъ былъ, тѣмъ же и оставался,—хотя это, съ
одной стороны, не препятствовало вступившему въ клиръ

альной зависимости наших пастырей от пасомых, но имѣть глубокой психологической корень“, такъ какъ, говорятъ, „духовное рабство нашего духовенства проявляется въ лицахъ вполне обезпеченныхъ“. Это быть можетъ только доказываетъ, что корень этого явленія лежитъ дѣйствительно глубоко, такъ что теперь и относительное матеріальное довольство не избавляетъ отъ этого грѣха, усматриваемаго въ духовенствѣ. Можетъ быть даже причина эта лежитъ и дѣйствительно не въ одной исконной матеріальной зависимости отъ прихожанъ; но во всякомъ случаѣ современное духовенство виновно развѣ только въ томъ, что предшествующая его исторія не оставила ему иного преданія, кромѣ преданія постоянно доказывающаго, что всякій иной духъ, кромѣ приниженности не ведетъ къ добру. Уже то одно, что даже люди винащія духовенство въ грѣхѣ рабствованія признаютъ однако же что „наши пастыри не избалованы ни вниманіемъ къ себѣ, ни серьезными ободреніями въ своей пастырской дѣятельности, ни излишними послабленіями и облегченіями въ налагаемыхъ на нихъ разнообразныхъ обязанностяхъ,

---

пользоваться добровольными приношеніями паствы, если они были, а съ другой—пользоваться этими приношеніями и какъ единственнымъ источникомъ существованія въ случаяхъ, когда прежнія занятія клирика не могли доставлять достаточныя средства. (Что клирики занимались всѣми позволительными профессіями, — начиная отъ умственныхъ до пастушества, конечно въ общинахъ малыхъ и бѣдныхъ, — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.) Если же въ настоящее время вступленіе въ клиръ связывается съ оставленіемъ всѣхъ другихъ занятій, то естественно, что забота о средствахъ къ жизни при рѣшеніи вопроса о поступленіи въ клиръ не можетъ быть поставлена въ предметъ нареканія для кандидатовъ на священство.

наводитъ на сомнѣніе въ отвѣтственности русскаго пастырства въ его грѣхѣ рабствованія, если только, конечно, кому нибудь не придетъ въ голову ожидать во всемъ составѣ русскаго пастырства поголовно однихъ выдающихся нравственнымъ характеромъ людей. ¹⁾ Что касается нашей исторіи и того какое она оставила нашему духовенству преданіе, то объ этомъ можно уже судить хотя бы по одной Московской епархіи. Историкъ Московской епархіи, покойный Розановъ, имѣвшій дѣло изъ всѣхъ епархіальныхъ архивовъ съ однимъ только архивомъ, отношеніе духовенства къ прихожанамъ характеризуетъ такъ: „люди вышлага класса съ священнослужителями обращались невнимательно и дурно, особенно въ тѣхъ приходахъ, гдѣ причты получали отъ помѣщиковъ наравнѣ съ дворовыми людьми, мѣщину. Тамъ священнослужители стояли предъ послѣдними униженно, не смѣли въ присутствіи ихъ быть съ покровенной головой. Произволь помѣщиковъ былъ тогда великъ,—они могли лишить священнослужителя хлѣба, дома, мѣста.“ Почтенный историкъ удостоверяетъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ обращеніе съ

---

¹⁾ Что въ средѣ духовенства всегда были и, конечно, есть люди выдающіеся нравственнымъ характеромъ—люди полные вѣры и любви христіанской, люди совсѣмъ не ищущіе своего, это могло бы служить предметомъ въ высшей степени поучительнаго изслѣдованія,—поучительнаго въ виду готовности нѣкоторыхъ считать современное приходское духовенство за сословіе въ корнѣ испорченное. Конечно, опредѣлить количественное отношеніе этихъ выдающихся людей къ классу людей «злобы дня» и хлѣба насущнаго — нельзя. Но вѣдь того же самого нельзя сдѣлать и по отношенію къ другимъ сословіямъ, въ которыхъ также есть и добрые и злые, и однако же часто принимаются во вниманіе одни добрые, злые же оставляются и на этомъ идетъ построеніе желательныхъ заключеній.

пастырями было „возмущающаго душу свойства“, въ чемъ всякій можетъ удостовѣриться, посмотрѣвъ матеріалы собранныя историкомъ. ¹⁾ Въ началѣ настоящаго столѣтія, какъ извѣстно, митрополитъ Платонъ, отлично видѣвшій бытъ духовенства того времени, для поднятія характера духовныхъ рекомендовалъ „вперять въ учениковъ духовно-учебныхъ заведеній благородное честолюбіе, яко пружину,“ которая направляла бы ихъ поступки. Но, говоритъ тотъ же историкъ, „самыя сильныя пружины честолюбія оказывались слабыми и недѣйствительными, при той скудости средствъ, которыя священники имѣли для своего содержанія; особливо въ сельскихъ приходяхъ, духовные, получая содержаніе отъ добротныхъ дателей, чаще всего принуждены были впереди себя нести не гордость и спѣсь, а смиреніе и униженіе. Къ тому же нерѣдки случаи въ то время, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ владѣльцы обращались съ духовными хуже чѣмъ съ рабами. До сановитости ли и спѣси тутъ!“ Къ такому заключенію приходитъ историкъ. Но, какъ извѣстно, только одна московская епархія имѣетъ подлинную исторію новѣйшаго времени. Если бы существовали исторіи другихъ епархій, то съ увѣренностію можно сказать, что историки этихъ епархій пришли бы къ тому же самому заключенію, что духовенству было „не до сановитости и спѣси,“ а, правильнѣе сказать, не до изгнанія изъ себя „духа рабства.“ Часть такихъ отношеній, какъ извѣстно, исчезла и, можно надѣяться, безвозвратно. Но никто, вѣроятно, не рѣшится признать, что теперь уже ничто въ положеніи пастыря не напоминаетъ этихъ древнихъ отношеній. Чтобы не быть голословными, обратимся

---

1) Истор. Моск. епар. упр. ч. I. кн. II стр. 181.

къ органу печати, которому наиболѣе вѣдомы быть и положеніе русскаго пастырства. „Что пастыри“, говоритъ Церковный Вѣстникъ, „какъ и всѣ люди нуждаются не только въ побужденіяхъ, но и въ заботахъ о себѣ, ибо они, какъ и всѣ, имѣютъ не одни только обязанности, но и права: эта истина на практикѣ до такой степени забывается, что сами наши пастыри подчасъ впадаютъ даже въ раздумье относительно того, имѣютъ ли какія либо права и не совершенно ли они безправныя личности“. Авторъ цитируемой статьи признаетъ, что, пастыри наши нуждаются прежде всего въ одномъ— „въ уваженіи къ ихъ личности, въ общемъ признаніи правъ ихъ на подобающіе имъ знаки вниманія,“ признаетъ, что въ особенности сельскій пастырь „не пользуется по большой части вниманіемъ ни въ средѣ свѣтской, ни въ средѣ духовной.“ Авторъ находитъ, что возвращеніе духовенству подобающаго ему положенія должно начать съ „самоуваженія и взаимнаго уваженія“ между членами клира, ибо „всѣмъ извѣстна истина, что кто не уважаетъ себя, того не будутъ уважать и другіе. Между тѣмъ духовенство доселѣ страдало недостаткомъ именно самоуваженія: высшія въ немъ лица привыкли въ большинствѣ случаевъ невнимательно относиться къ низшимъ. Это невниманіе однихъ сочленовъ къ другимъ отзывается и на всемъ организмѣ духовенства. Не встрѣчая должнаго къ себѣ вниманія со стороны своей же братіи, приходскій пастырь теряетъ чувство самоуваженія, и эта потеря сопровождается вредными для него послѣдствіями—нравственнымъ приниженіемъ, потерею духовной бодрости, свойственной пастырю властности“ и т. д. ¹⁾ Вслѣдъ за органомъ духовнаго вѣ-

---

¹⁾ Церк. Вѣст., 1884 г., № 15, пер. Ст.

домства тоже стали повторять и другіе органы, которые, кажется, въ этомъ случаѣ нельзя будетъ упрекнуть въ преувеличеніи дѣла или извращеніи его. „Наше сельское и городское духовенство такъ долго находилось почти въ рабскомъ подчиненіи чуть ли не всѣмъ и каждому, что неудивительно, если въ массѣ его упало сознание своихъ правъ и своихъ обязанностей. Подымите, ободрите духовенство, дайте ему увѣренность, что ему некого бояться и нѣтъ нужды предъ кѣмъ бы то ни было унижаться, и даровитѣйшіе представители духовенства заговорятъ такъ, какъ должны говорить, — какъ власть имѣющіе, а не какъ книжники и фарисеи“. ¹⁾

Такъ характеризуютъ положеніе современнаго русскаго пастыря въ отношеніи къ обществу, и, если нашимъ пастырямъ, какъ выразился Церковный Вѣстникъ, приходится задаваться вопросами: „не совсѣмъ ли они безправныя личности,“ если, по словамъ того же органа, недостатокъ подобающаго уваженія къ пастырямъ чувствуется не только отъ вышнихъ, но и отъ своихъ: то, повторяемъ, время мало сдѣлало для улучшенія положенія пастырства сравнительно съ тѣмъ, какъ объ этомъ положеніи отзывались историки прошлаго времени. И если теперь невозможно съ нашими пастырями обращеніе, по выраженію, историка, „возмущающаго душу свойства,“ то только потому, что оно теперь и ни съ кѣмъ невозможно благодаря Уложенію о наказаніяхъ и Уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми Судьями, а уже никакъ не тому, что русское общество прониклось уваженіемъ къ личности и служенію пастыря.

---

¹⁾ Церков. Вѣстн. № 22, 1884 (Выдержки изъ газеты «Южный Край»).

Но пусть такъ. Какое же отношеніе имѣеть созданное исторіей положеніе русскихъ пастырей по вопросу о положеніи проповѣдничества?

Конечно, пастыри Церкви русской не нуждаются въ какомъ нибудь „законѣ и гарантіяхъ“, подобномъ извѣстному закону относительно положенія папы въ Римѣ: русскіе пастыри во имя своего служенія или во имя Церкви ничего такого не говорятъ и не разглашаютъ, что не мирилось бы съ интересами государства и общества. По этому зависимое или независимое общественное положеніе пастыря, повидимому, не должно и входить въ вопросъ объ условіяхъ проповѣдничества, тѣмъ болѣе, что независимость общественная, конечно, имѣеть особенное значеніе развѣ только для проповѣдническихъ прещеній и обличеній, а нельзя же въ самомъ дѣлѣ все проповѣдничество полагать въ однихъ прещеніяхъ. Но такъ—повидимому только. Для того же, чтобы отрицать всякое значеніе того угнетеннаго положенія сельскихъ пастырей, которое признается всѣми, должно будетъ доказать слѣдующее:

Что люди вполне и во всемъ зависимые отъ прихожанъ могутъ (если не ожидать отъ таковыхъ людей постоянно выдающихся подвиговъ долга и мужества) быть учителями, но не просто учителями, а учителями „со властію“, хотя бы и отеческою; а извѣстно, что и отеческая власть есть власть не задающаяся вопросами: что если сынъ мой обидится на меня за мои укоризны? Извѣстно, какимъ противочеловѣческимъ явленіемъ признается презрѣніе правъ отеческихъ, или униженное положеніе отца предъ сыномъ. Но если учительскія или отеческія права пастырей обращаются только въ предметъ глумленія, и ихъ, эти права, пастырю приходится, такъ сказать, прятать, а не выставять на показъ: это должно признать пло-

химъ условіемъ преуспѣянія церковнаго учительства. Что возникновеніе такихъ условій, вслѣдствіе всесторонней зависимости пастырей отъ пасомыхъ, не есть ничто только гадательное, но существуетъ въ дѣйствительности, въ этомъ мы сошлемся на опытныхъ русскихъ пастырей, сожалѣя при этомъ, что знать опыты и случаи пастырской дѣятельности у насъ можно только случайно, и что русскіе пастыри не имѣютъ возможности обмѣниваться взаимно этими опытами на пользу пастырскаго служенія. Въ „Письмахъ“ одного опытнаго пастыря мы видимъ, что у прихожанъ иногда является прямое желаніе, по поводу пастырской проповѣди, „стѣснить въ средствахъ къ жизни“. Средства эти охотно, и „частію съ явнымъ намѣреніемъ досадить“, предоставляются другимъ изъ сослужителей проповѣдника, не безпокоящимъ прихожанъ своею докучливою учительностію ¹⁾. Одинъ изъ священниковъ удостовѣряетъ: „какъ я сталъ говорить проповѣди каждое воскресенье, измѣнились ко мнѣ дружественныя отношенія міра, а также и собратіи моей“; начинаютъ подаваться положительные совѣты: „не часто бы вы говорили проповѣди;“ собратія выражаетъ опасеніе, что проповѣдникъ можетъ оттолкнуть народъ отъ церкви и такимъ образомъ повредить церковному доходу; скромные изъ прихожанъ замѣчаютъ съ улыбкой: „охотникъ онъ до проповѣдей“ ²⁾. Пастырю „приходится иногда увѣряться, что проповѣдь слова Божія встрѣчаетъ себѣ противниковъ не только въ городахъ, но иногда и въ селѣ, въ самой глуши“ ³⁾. И недовольные явля-

---

¹⁾ Письма по Пастыр. богосл., Прот. Е. Попова, Пермь, 1874, стр. 115.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid. 99.

лись „вездѣ, гдѣ пастырь начиналъ проповѣдывать болѣе и болѣе слово Божіе *даже безъ обличеній*, говоря только объ общеназидательныхъ предметахъ.“ При этомъ, по замѣчанію того же пастыря, „прежде прочихъ худо показывали себя люди по сельски богатые и видные, а въ городахъ—богачи. Это оттого, что въ богатыхъ людяхъ болѣе развиты пороки и въ особенности самонадѣянность и гордость, что богатые и образованные люди болѣе уклоняются отъ уставовъ церкви“ ¹⁾). Вотъ взятое съ опыта изображеніе того положенія, въ какомъ иногда можетъ оказаться проповѣдникъ! Не упустимъ изъ вниманія и того, конечно, возможнаго возраженія: „иные проповѣдники ничего же непріятнаго не терпятъ за проповѣди“; иные, прибавимъ, даже благодарствуютъ, сопровождаемые славой и благодарностью пасомыхъ. Но для того, чтобы настоящимъ образомъ оцѣнить значеніе этого возраженія, опытные пастыри предлагаютъ отвѣтить на вопросы: „часто ли кто проповѣдуетъ, т. е. каждый ли воскресный и праздничный день, или только по великимъ праздникамъ.“ Далѣе: „какіе предметы избираются для проповѣди?“ Если предметы эти исключительно такъ называемые щекотливые: то, конечно, удивительнаго ничего не будетъ, если у многихъ и появится недовольство. Но вотъ отвѣты, къ которымъ опять исключительно опытъ приводилъ проповѣдника: „если, говорить о. Поповъ, проповѣдь начнется непрерывная, да и предметами ея или только выводами изъ нея будетъ дѣйствительная жизнь, которая всегда бываетъ достойна болѣе порицаній, чѣмъ похвалы, то можно ли не встрѣтить за проповѣдь ропота со стороны міра ¹⁾? Да и каждая проповѣдь не большею ли частію бываетъ

---

¹⁾ Ibid. 98.

противорѣчіемъ людямъ и какъ бы споромъ съ заблужденіемъ и пороками? Не напоминаетъ ли она многимъ объ исправленіи жизни?“¹⁾

И нельзя не согласиться въ самомъ дѣлѣ, что самыя задачи проповѣди, не понимаемыя даже въ исключительномъ отношеніи²⁾, всегда будутъ стоять въ нѣкоторомъ противорѣчій „съ міромъ“, если только, по выраженію русскаго пастыря, предметами ея будетъ дѣйствительная ея жизнь,—не говоря уже о томъ, что по замѣчанію, сдѣланному еще Св. Григоріемъ Двоесловомъ, „пастырямъ въ обличеніяхъ весьма трудно бываетъ удержаться, чтобы не сказать чего либо лишняго и неудобносымаго.“—Но что же изъ этого? То, что уже Златоустъ замѣтилъ, сколь важное значеніе имѣютъ для отправленія проповѣдническихъ обязанностей невзгоды частной жизни пастыря. „О пастырѣ, говоритъ Златоустъ, всѣ судятъ какъ объ ангелѣ не причастномъ слабостямъ человѣческимъ. Никто не разсуждаетъ о томъ, что приключившееся ему уныніе, безпокойство, забота, а часто и гнѣвъ могутъ помрачить его душу и отнять ясность у ея произведеній; и что вообще—нельзя же ему, какъ человѣку, всегда быть одинаковымъ и во всемъ успѣшнымъ—обо всемъ этомъ не хотятъ подумать, какъ я сказалъ, но винятъ его, судя о немъ не иначе какъ объ ангелѣ.“ „Душа, неумѣющая переносить обвиненій слабѣетъ и теряетъ охоту трудиться въ словѣ!“ Если, по сознанію величайшаго изъ проповѣдниковъ, приключавшееся ему уныніе, безпокойство или забота

---

1) Ibid. 106, 103.

2) По приведенной нами выше мысли Златоуста, Богъ поставилъ учителями и священниками людей смертныхъ, съ свойственными всѣмъ людямъ недостатками, для того, чтобы сознаніе этого „служило для языка поучающаго уздою, не позволяющею простирать обличеній свыше мѣры.“

мѣшали быть всегда успѣшнымъ въ своихъ обязанностяхъ, то неудивительно, если жизнь русскаго пастыря, изобилующая безпокойствами и заботами и частымъ послѣдствіемъ оныхъ—униженіемъ, будетъ оказывать тоже самое вліяніе. Итакъ, никоимъ образомъ нельзя отрицать вліянія внѣшняго положенія пастыря и особенно его прямой зависимости отъ пасомыхъ на отправленіе обязанности учительства, если только, по выраженію Златоуста, не судить о пастырѣ, какъ объ ангелѣ. Не будетъ поэтому чрезмѣрнымъ пожеланіемъ — избавить нашихъ пастырей отъ такого положенія въ интересахъ возвышенія ихъ учительности. Кому же наше стремленіе установить связь между свойствами внѣшняго положенія пастыря и степенью его учительности покажется страннымъ, тотъ пусть приметъ во вниманіе, что не отказываютъ же въ признаніи необходимости удобствъ для научныхъ изысканій людямъ, посвятившимъ себя на это; принимаютъ мѣры къ тому, чтобы поддерживать надлежащій духъ между войскомъ, ограждаютъ его отъ всѣхъ обстоятельствъ, могущихъ вредно отзываться на его нравственномъ состояніи и духѣ; не отказываютъ учителю всякаго рода въ признаніи его правъ на извѣстныя удобства отправленія его обязанностей,—не признаютъ полезнымъ ставить судей въ зависимость не только отъ судимыхъ, но и отъ кого бы то ни было, хотя бы косвенно могущаго вліять на наклоненіе вѣсовъ правосудія! Ужели же необходимость извѣстныхъ удобствъ для церковнаго учителя можетъ быть отрицаема и заслуживаетъ меньшаго вниманія, нежели для всѣхъ указанныхъ дѣятелей поприща земнаго? Да и въ отношеніи къ земному поприщу нельзя не согласиться съ мыслию г. Весселя, что для экономическаго благосостоянія народа недостаточно

одной, какой бы то ни было по размѣрамъ, матеріальной помощи, а необходимо христіанское просвѣщеніе, въ свою очередь возможное только тогда, когда „церковное учительство дѣйствительно будетъ признано главною пастырскою обязанностію по крайней мѣрѣ не ниже церковныхъ требъ и обрядовъ, и если духовенству будутъ предоставлены главные необходимыя средства.“¹⁾ Г. Вессель считаетъ, какъ мы знаемъ, средствомъ возвышенія учительности нашихъ пастырей главнымъ образомъ предоставленіе имъ *права* свободной проповѣди, съ чѣмъ мы также не могли не согласиться. Но не нужно упускать изъ виду и того, что право безъ возможности съ удобствомъ пользоваться имъ въ практикѣ бываетъ тѣмъ же самымъ, какъ если бы этого права совсѣмъ не было. — Въ повременной литературѣ возникаль проектъ — разрѣшить вопросъ о проповѣдничествѣ, съ цѣлію устраненія условій неблагопріятныхъ для него, отдѣленіемъ обязанностей проповѣдника отъ обязанностей приходскаго пастыря.²⁾ По этому проекту должна бы быть учреждена особая должность проповѣдника, такъ, чтобы уже ничѣмъ не развлекаемый и отъ прихожанъ независимый человѣкъ исключительно посвящалъ себя проповѣдничеству. Осуществленіе такого проекта отчасти, какъ извѣстно, и было сначала въ южной Россіи, а потомъ малоруссами іерархами учрежденіе должности особаго проповѣдника было перенесено и въ Москву. Извѣстно также, что въ началѣ прошлаго столѣтія митрополитъ Стефанъ Яворскій думалъ даже обра-

---

1) Русск. Вѣст. въ указ. мѣстѣ.

2) См. Вѣст. Евр. 1875 г., № 10; также Прав. Обоз. 1876 г.

звать особый разсадникъ проповѣдниковъ изъ монашествующаго духовенства, обративъ Нѣжинскій Благовѣщенскій монастырь въ обширную школу для приготовленія проповѣдниковъ. Предпріятіе это, будучи очевиднымъ подражаніемъ католическому учрежденію „ордена братьевъ проповѣдниковъ“ (*fratres praedicatorum*), не удалось. Съ перваго взгляда дѣйствительно представляется, что выдѣленіе проповѣди изъ обязанностей приходскаго пастыря устраняетъ многія неудобства въ положеніи дѣла. Но несомнѣнно, что это выдѣленіе — глубоко противно идеѣ пастырства. Ибо пастырское ученіе нельзя понимать такъ, какъ школьное ученіе. Если и здѣсь признается вреднымъ отдѣлять обязанности учителя отъ обязанностей воспитателя: то въ дѣлѣ пастырства — это должно признать еще болѣе, такъ какъ пастырское учительство должно быть и воздѣйствіемъ на жизнь, и притомъ на ея разнообразныя стороны, чего никакъ нельзя ожидать отъ учителя, неимѣющаго къ паствѣ другихъ отношеній кромѣ учительскихъ, а таковымъ только и можетъ быть проповѣдникъ въ числѣ своихъ обязанностей неимѣющій пастырскаго попеченія о жизни пасомыхъ и взирающій на эту жизнь только съ высоты церковной каѳедры. — Во всякомъ случаѣ неудобства для проповѣдничества, вытекающія изъ неблагопріятнаго общественнаго положенія нашихъ приходскихъ пастырей, никоимъ образомъ не могутъ быть устранены учрежденіемъ должности отдѣльныхъ проповѣдниковъ уже потому, что потребовалось бы столько же отдѣльныхъ проповѣдниковъ, сколько существуетъ приходоѡвъ, — не говоря о другихъ причинахъ, не позволяющихъ возлагать на отдѣленіе проповѣдничества отъ пастырства особенныя надежды.

Мы выше замѣтили, что во имя того можно ска-

зять „общаго мѣста,“ что всякое дѣло для своей благоуспѣшности должно существовать безъ всякой помѣхи, и для нашихъ проповѣдниковъ желательна свобода отъ всякихъ помѣхъ въ исполненіи той ихъ обязанности, „безъ исполненія которой, по мысли одного архипастыря, нѣтъ въ народѣ вѣры, а посему нѣтъ для него и спасенія,“ ¹⁾ разумѣемъ, конечно, обязанность проповѣдничества. Есть ли, въ самомъ дѣлѣ, однако, какія нибудь прямыя помѣхи исполненію этой обязанности?

Въ прежнее время духовенство оправдывалось: „не имѣемъ времени для составленія поученій по огромности прихода и множеству службъ и требъ. Все наше время занято службами и требами!“ ²⁾ Степень основательности такого оправданія мы видѣли, т. е. видѣли, что по крайней мѣрѣ для трехъ года основательность такого оправданія почти неопровержима. Если его опровергаютъ тѣмъ, будто это оправданіе показываетъ, что „при составленіи своихъ проповѣдей заботятся не столько объ истинѣ, сколько объ убранствѣ ея,“ — что заботятся „не о томъ, что нужно сказать, а о томъ чтобы сказать много;“ то нужно не упускать изъ виду, что только долговременная привычка въ распоряженіи своимъ словомъ или перомъ создаетъ возможность произносить или писать постоянно даже и краткія и неукрашенные поученія, каковой привычки обстановка нашей пастырской жизни, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, создавать не могла. Но, конечно, требы составляютъ обязанности абсолютно неустрашимыя; о значеніи продолжительности богослуженія

---

¹⁾ Григорія, архіеп. казанскаго, бесѣды съ духовенствомъ, С.-Пб., 1855. Книга замѣчательная.

²⁾ Ibid. 55.

для дѣла нашего проповѣдничества мы сдѣлали замѣчанія, опредѣляющія предѣлы возможныхъ относительно этого предмета помысленій. Дѣло однако же въ томъ, что на пастыряхъ лежитъ теперь множество обязанностей, связь которыхъ съ прямыми ихъ обязанностями, или по крайней мѣрѣ необходимость непремѣнно связывать эти обязанности съ пастырствомъ, можно оспаривать. И въ исторіи епархіальныхъ управленій можно видѣть, какъ случайно возникали иногда обязанности пастырей. Въ пятидесятыхъ годахъ, напримѣръ, возникало намѣреніе создать изъ священнослужителей стражу церковную, и только во - время предусмотрѣнна слѣдствія дѣла предотвратили исполненіе этого намѣренія. ¹⁾ Съѣздъ врачей въ интересахъ медицинской статистики рассылаетъ какой угодно формы бланки съ требованіемъ отъ священниковъ свѣдѣній, какія признаются нужными для съѣзда; священники замедляютъ доставленіемъ необязательныхъ (а можетъ быть и не совсемъ возможныхъ) для нихъ свѣдѣній; появляется угроза жаловаться начальству за неисполненіе требованій, яко бы вполне законныхъ. Правда могутъ сказать, что священники находятъ же время для другихъ уже вовсе ни прямо, ни косвенно не связанныхъ съ ихъ обязанностями занятій ²⁾. Но

---

¹⁾ Митрополитъ Филаретъ объ этомъ писалъ: «пусть подумаетъ Консенсорія (разработывавшая этотъ проектъ), не налагаетъ ли на братію неудобосносимое бремя? Если священнослужители сдѣлаются стражами церкви, — какъ они будутъ стеречь? Будутъ-ли причетники проводить ночь безъ сна и приходиться къ утру, чтобы дремать въ церкви?» (Письма къ Алексію, стр. 147.)

²⁾ Можетъ быть кому нибудь покажется страннымъ слѣдующее объявленіе, напечатанное нѣсколько времени тому назадъ въ одной церковной газетѣ: «продается книга: Прак-

иное дѣло—уклоненіе къ такимъ занятіямъ, поворотъ отъ которыхъ принадлежитъ власти, въ случаѣ если занятія эти были бы въ ущербъ прямымъ обязанностямъ; иное дѣло постороннія обязанности, которыя, каковы бы они ни были, все же должны быть мыслимы какъ нѣчто обязующее, хотя бы и съ ущербомъ для другихъ болѣе важныхъ дѣлъ. Можно не исполнять и единственную обязанность; но изъ этого не слѣдуетъ, что бы эта единственная обязанность не требовала исключительнаго сосредоточенія на ней. Правда и то, что обязанности священниковъ не безъ задней цѣли хотятъ представить иногда такъ, что будто бы даже и школа не можетъ идти успѣшно, если она входитъ въ кругъ обязанностей пастыря. „Что духовенство отказывается отъ надзора за школою, разсуждаетъ Вѣстникъ Европы—въ этомъ нельзя видѣть только дѣнь и равнодушіе къ школѣ: въ этомъ есть и своя доля

тическое руководство для коннозаводчиковъ, составленное священникомъ NN изъ собственныхъ наблюденій, для начинающихъ заниматься коннозаводствомъ», и проч. Признаемся и мы сочли бы за неумѣстную шутку такое объявленіе объ результатахъ столь блистательныхъ занятій безсловесными, еслибы это объявленіе не было напечатано въ церковной газетѣ.—Но съ другой стороны это не есть ли только успѣшный результатъ нѣкогда возложеннаго на духовенство порученія—быть праводниками здравыхъ идей по части хозяйства,—такъ какъ извѣстно, что въ семинаріяхъ будущимъ священникамъ преподавали нѣкогда и сельское хозяйство? Если же пастырь, столь усердно занимавшійся наблюденіями надъ безсловесными, оказался бы не очень рачительнымъ и не столь же опытнымъ въ познаніяхъ, касающихся словеснаго стада, то это могло бы только еще разъ доказывать, что та всесторонность въ познаніяхъ и занятіяхъ, которой нѣкогда ожидали отъ русскаго пастыря, не можетъ достигаться безъ ущерба тѣмъ обязанностямъ, за неисполненіе которыхъ столь много упрекаютъ духовенство.

здраваго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, какъ священнику, обремененному очень сложными обязанностями, взять на себя другія, еще не менѣе сложныя? И зачѣмъ ему нужна еще школа, когда и безъ того онъ всегда можетъ обращаться съ поученіями и къ родителямъ, и къ дѣтямъ“ и т. д. ¹⁾ Но мы думаемъ, что у пастырей русскихъ осталось бы времени и на школу, если бы, скажемъ словами нашей церковной газеты, за ними „признано было право освободиться отъ разныхъ, неимѣющихъ близкаго (а иногда и никакого!) отношенія къ пастырству обязанностей и порученій.“ „Не пора ли, говоритъ неизвѣстный авторъ статьи въ Церковномъ Вѣстникѣ—не обременять священниковъ посторонними трудами, предоставить имъ быть пастырями, а не чиновниками по собиранію различныхъ свѣдѣній? Пусть этимъ займутся другія лица: у пастырей много своего дѣла, и ихъ нужно поберечь для этого дѣла. Ревнителямъ собиранія всякихъ свѣдѣній нужно помнить, что въ настоящее время настоятъ особенная нужда въ устраненіи всего, что отнимаетъ время и отвлекаетъ силы пастырей отъ исполненія ими должнымъ образомъ высшаго дѣла ихъ служенія. Если искренно желаютъ поднять наше пастырство, то пусть берегутъ и не смущаютъ пастырей.“ ²⁾ Итакъ, вопросъ объ этихъ постороннихъ трудахъ, по мнѣнію церковной газеты—стоитъ на очереди. Можетъ быть авторъ приведенной статьи не согласится съ нами относительно того, *чьмъ именно* отвлекаются силы пастырей отъ высшаго ихъ служенія; но мы думаемъ, что съ нами многіе согласятся относительно

---

¹⁾ Вѣстн. Европы. 1883 г., № 8, стр. 846—7.

²⁾ Церков. Вѣст. 1884 г. № 16.

того, что—и не одними же статистическими свѣдѣніями....

Одинъ изъ священниковъ въ отвѣтъ на упреки, что „имъ (священникамъ) дѣлать нечего,“ отвѣчаетъ: „у насъ вовсе не такъ много времени, какъ полагаютъ: свободное отъ службы время намъ нужно для подготовленія къ назиданію паствы, для надзора и занятій по хозяйству, которое пока служить нашей главной матеріальной опорой.“¹⁾ „Изъ одного перечня бумагъ²⁾, списковъ, вѣдомостей, отчетовъ, составленіе которыхъ лежитъ на обязанности священника—замѣчаетъ „Руководство для сельскихъ пастырей“—можно убѣдиться, какъ мало времени должно у него оставаться на чтеніе книгъ, на пріобрѣтеніе познаній, составленіе проповѣдей и на другія болѣе существенныя пастырскія занятія,“ не говоря опять о попеченіи о средствахъ къ жизни. Какъ образовалось однако же такое положеніе и что изъ него выходить?

Нынѣшнее положеніе приходскихъ пастырей, въ первоисточникѣ своемъ обусловливается установленной связью между церковію и государствомъ, а потому тѣмъ, что русскій пастырь въ большинствѣ случаевъ съ издавна занялъ положеніе единственнаго интеллигентнаго челоуѣка въ приходѣ, начиная съ того самаго момента, когда признакомъ интеллигенціи считалась грамотность и до нашихъ дней. Вслѣдствіе связи церкви и государства про-

---

1) Церк. Вѣст. 1884 г. № 15.

2) Духовенству, конечно, извѣстны эти перечни. Челоуѣкъ не духовнаго званія можетъ ознакомиться съ этой стороной дѣла, полюбопытствовавъ изданныя въ нѣкоторыхъ епархіяхъ таблицы и брошюры срочныхъ свѣдѣній и документовъ, доставляемыхъ духовенствомъ епархіальному управленію.

изошло то, что священники сдѣлались, по выраженію одного изъ священниковъ, до нѣкоторой степени нотаріусами. Такъ какъ важнѣйшіе моменты бытія человѣческаго—рожденіе, бракъ и смерть освящаются церковію, и такъ какъ эти же моменты съ правильнымъ устройствомъ гражданскаго быта дѣлаются актами громадной юридической важности; то приходскіе пастыри вслѣдствіе этого сдѣлались участниками не только церковнаго освященія этихъ важнѣйшихъ моментовъ человѣческой жизни, но и *единственными лицами*, способными констатировать совершеніе того или другаго момента. Извѣстно, что *время* рожденія, *родители*, самая дѣйствительность рожденія доказываются церковными книгами; бракъ и смерть тоже самое. При семъ священнослужитель удостоверяетъ не только, на примѣръ, совершеніе таинства брака или совершеніе погребенія, но законъ возлагаетъ на него въ этихъ актахъ отвѣтственность и ручательство за точность рѣшенія такихъ вопросовъ, точное и скорое рѣшеніе которыхъ не всегда принимаютъ на себя даже и спеціалисты. Такъ, въ бракѣ священнослужители ручаются и обязуются отвѣчать какъ за обманъ, въ случаѣ оказательства противнаго, даже за психическое здоровье брачующихся,—между тѣмъ какъ относительно психическаго здоровья въ другихъ случаяхъ мнѣніе неспеціалистовъ, каковыми являются здѣсь священнослужители, не имѣютъ никакой цѣны, да и спеціалисты не возьмутся опредѣлить это дѣло что называется на глазомѣръ. Относительно умершихъ удостоверяется не только время (число) смерти извѣстнаго лица, но даже и то, отъ чего умеръ, при чемъ, какъ причина смерти, являются болѣзни вѣроятно неизвѣстныя и врачамъ, въ родѣ „младенческой болѣзни.“ Всѣ эти акты притомъ должны быть запи-

саны такъ, чтобъ—„почистокъ и поправокъ“ не было. Отсюда происходятъ такіе случаи: обнаруживается обманъ въ бракѣ, обманъ совершенный брачующимися или поручителями; является ошибка въ записи дня рожденія; возникаетъ споръ изъ наслѣдства умершаго, а умершій къ несчастію умеръ при какихъ нибудь на первый взглядъ неважныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ среди ночи и вслѣдствіе этого оказался записаннымъ не такъ, какъ желательно бы адвокату. И вотъ для священника начинаются мученія: всѣ ли предосторожности соблюдены при совершеніи брачнаго обыска; какъ могла произойти ошибка въ записи дня рожденія; правильно ли было отнести умершаго ночью къ предъидущему, а не послѣдующему числу, ибо въ селахъ, напримѣръ, гдѣ время считаютъ по пѣтухамъ, трудно иногда и опредѣлить, когда именно ночью случилось то или другое событіе! Но возникаетъ дѣйствительная ошибка: умершій оказывается записаннымъ не тѣмъ числомъ, когда онъ безспорно умеръ. И вотъ кабатчикъ и писарь возрадовались: „попался нашъ попъ! Вотъ его!“ Брачующіеся оказались въ кумовствѣ, которое священнику знать никоимъ образомъ было нельзя: идутъ по приходу рѣчи, что повѣнчаны неправильно.—И это не возможности одни. Вотъ одно изъ архивныхъ дѣлъ: священникъ обмануть въ давнихъ для брачнаго обыска—ему дали завѣдомо фальшивые документы; но при этомъ оказалось, что брачующіеся были другаго прихода, и обманутый причтъ получилъ такую сентенцію: „вѣнчавшихъ оный бракъ священника и пономаря, такъ какъ брачующіеся были не своего прихода и безъ согласія приходскаго священника—штрафовать монастырскимъ трудомъ, перваго на годъ съ воспрещеніемъ священнослуженія, втораго—на четыре мѣсяца.“ Такимъ об-

разомъ причтъ оказался и обманутымъ, и наказаннымъ. И вѣроятно, въ каждой Консисторіи можно найти массу дѣлъ, гдѣ все тѣ же страдательныя лица—обманутые и обманувшіеся члены причта церковнаго, присужденные по всѣмъ видамъ такъ называемыхъ церковныхъ наказаній. И сколько испорченной жизни и надломленнаго здоровья скрывается за этими дѣлами! Но отъ чего? Оттого, что священникъ часто не могъ знать такихъ вещей, которыя къ таинствамъ и обрядамъ имъ совершаемымъ не относятся, хотя бы въ родѣ того, кто родители принесеннаго ко крещенію ребенка¹⁾. Намъ кажется, нѣтъ ни одного приходскаго священника, который хотя бы разъ въ жизни не сдѣлалъ вольной или невольной погрѣшности въ документальной части своихъ обязанностей, потому что эти документальныя обязанности такъ сложны и такъ обставлены, что выполнять ихъ часто можно только съ рискомъ въ точности всякаго рода записей.—Можетъ быть кто-нибудь при этомъ подумаетъ: не вводить же гражданскія метрики, гражданскій бракъ, гражданскія похороны и т. п. изъ за того, чтобы не обременять священниковъ веденіемъ записей и выдачей всякаго рода документовъ! Нѣтъ—это вовсе не требуется. Стоить лишь сложить съ священниковъ отвѣтственность въ томъ, что не относится до таинствъ и обрядовъ. Значеніе таинствъ при этомъ остается тоже самое, т.-е. напимѣръ, мужемъ и женой остаются тѣ только, кто вѣнчанъ и записанъ въ церковныя книги; могутъ и всѣ другіе акты послѣднимъ дока-

---

1) Въ харьковской епархіи недавно былъ случай, что богатый братъ взялъ новорожденнаго ребенка у брата бѣднаго и крестилъ его за своего. — См. Еженедѣльн. Обзор. 1884, № 2.

зательствомъ достовѣрности имѣть церковную запись. Но нужно при этомъ, чтобы на священника не падала, напримѣръ, отвѣтственность за точность показанія о томъ, когда кто родился и кто родители, а только—за показаніе когда кто крещень;—за показаніе о томъ, когда, кто и отъ чего умеръ, а только за показаніе, когда совершенъ чинъ погребенія; не нужно возлагать отвѣтственность за то, не находятся ли брачующіеся въ душевномъ разстройствѣ или въ родствѣ между собою, а только—за дѣйствительность совершенія таинства брака надъ лицами, правоспособность которыхъ ко браку удостоверяется другой властью. Что нашелся бы административный органъ, которому было бы болѣе свойственно и болѣе сподручно собирать и изслѣдовать нужныя для церковныхъ книгъ данныя, въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія. Но сильно выиграло бы отъ этого спокойствіе нашихъ священниковъ: говоримъ это не о томъ спокойствіи ничѣмъ нетревожимаго человѣка, которое составляетъ нравственную смерть, а о томъ спокойствіи, которое предоставляетъ возможность сосредоточиться на важнѣйшей сторонѣ извѣстной дѣятельности. Тогда уже и власть, и общество одинаково могли бы быть требовательными къ исполненію пастырями ихъ обязанности— „учить вѣрѣ и благочестію.“ Въ послѣднее время русское пастырство сознаетъ, что и насколько отвлекаетъ его отъ прямыхъ обязанностей: по мнѣнію священниковъ, неоднократно заявленному въ печати и поддержанному церковными органами, особенно отвлекающимъ образомъ дѣйствуетъ увеличившаяся въ послѣднее время письменность. Замѣчательно при этомъ, что священники, не смѣя претендовать на сокращеніе этой письменности, если уже нашъ церковно-государственный строй сложился

такъ, что церковная канцелярія должна существовать непремѣнно, желаютъ по крайней мѣрѣ одного—избавиться отъ непріятностей, а часто и оскорбленій, наносимыхъ пастырямъ при сношеніяхъ съ ними постороннихъ лицъ по обязанностямъ, вытекающимъ изъ положенія священниковъ какъ совершителей разныхъ гражданскихъ актовъ, въ родѣ удостовѣреній о рожденіи, смерти и т. п., вообще при сношеніяхъ по письменности. ¹⁾ Желаніе—не притязательное, но характерное для пониманія современнаго положенія нашего пастырства, на которое иные готовы свалить вину чуть не всѣхъ бѣдъ нашихъ—конечно за не розысканіемъ дѣйствительно виновныхъ.

(до слѣд. книжки).

В. Кипарисовъ.

---

1) Церковн. Вѣстн. 1884, № 15.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ЕПИФАНІЯ КИПРСКАГО.

	Стр.
Слово якорное.....	93

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Дневникъ А. В. Горскаго.....	303
О такъ называемыхъ талерантныхъ указахъ языческихъ императоровъ касательно христіанъ (II, III и нач. IV вѣка) <i>А. Лебедева</i>	366
Уставъ Иерусалимскій и его судьба на Востоку и въ земляхъ Славянскихъ. <i>И. Мансветова</i>	466
Народоперпись въ эпоху рожденія Господа. <i>М. Муретова</i>	565
Каталогъ книгъ, поступившихъ въ бібліотеку Московской Духовной Академіи въ 1883—1884 учебномъ году <i>И. Корсунскаго</i>	1
Систематическій каталогъ книгъ бібліотеки Моск. Духов. Академіи. <i>И. Корсунскаго</i>	169
Отчетъ Братства Преподобнаго Сергія для вспомошествованія нуждающимся студентамъ и воспитанникамъ Московской Духовной Академіи за 1883 годъ.....	1
Журналы Совѣта М. Д. Академіи.....	55

Печатано по опредѣленію Совѣта Московской Духовной Академіи
Академіи Ректоръ Протоіерей. *С. Смирновъ*.

ПРИБАВЛЕНІЯ

къ изданію твореній

СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

въ русскомъ переводѣ

за 1885 годъ.

ЧАСТЬ ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова, (бывшая М. Н. Лаврова и К^о.),
Леонт. пер., домъ Лаврова.

1885.

ПРИБАВЛЕНІЯ
КЪ ИЗДАНІЮ
ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ПРИБАВЛЕНІЯ

къ изданію твореній

СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

въ русскомъ переводѣ

за 1885 годъ.

ЧАСТЬ ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова, (бывшая М. Н. Лаврова и К^о.),
Леонт. пер., домъ Лаврова.

1885.

Печатать дозволяется. Московская Духовная Академія, 12 Декабря
1884 года.

Ректоръ Протоіерей *С. Смирновъ*.

Объ условіяхъ существованія современнаго русскаго проповѣдничества.

(Окончаніе *).

Въ предъидущей статьѣ мы указали нѣкоторыя стороны общественнаго и служебнаго быта нашихъ пастырей—стороны, которыя безъ особенной нужды усложняютъ обязанности пастыря настолько, что приходится задаваться вопросомъ: есть-ли возможность помнитъ нашимъ пастырямъ о 58-мъ апостольскомъ правилѣ, попросту—объ учительствѣ? Мы не думаемъ, однакоже, чтобы указаніемъ этихъ сторонъ мы обняли всѣ возможныя и неизбѣжныя требованія отъ нашихъ пастырей, требованія не связанныя съ священствомъ, даже такія, о которыхъ трудно сказать—вытекаютъ ли они изъ какихъ либо правъ, или-же вытекаютъ изъ обязанностей пастырства: мы не упоминали напримѣръ о требованіяхъ, вытекающихъ изъ существованія такъ называемыхъ „духовныхъ росписей“, о требованіяхъ вызываемыхъ существованіемъ раскола,—о многократныхъ хожденіяхъ по приходу,—и нѣкоторыхъ требованіяхъ, появляющихся экстренно, напримѣръ въ виду ревизій цер-

---

*) См. Прибавлен. къ 3-й кн. Твореній Св. Отцовъ на 1884 годъ.

квей епархіальнымъ начальствомъ и т. д.—Что такое напимѣрь „духовныя росписи“? Это списки *всѣхъ* людей православнаго исповѣданія, живущихъ въ данное время въ данномъ приходѣ. Всякій долженъ будетъ сознаться, что для того, чтобы имѣть такіе *вѣрные* списки (мы имѣемъ въ виду, конечно, не малолюдные столичныя приходы) нужно много усилій. Извѣстно, что если эти росписи существуютъ, то потому только, что-изъ году въ годъ переписываются, съ прибавленіемъ единицы къ лѣтамъ каждаго въ нихъ записаннаго. Но извѣстно также, что каждый заботливый священникъ старается повѣрять ихъ. Обвиняющіе духовенство въ ничего-недѣланіи пусть подумаютъ, чего стоитъ побывать въ каждомъ домѣ или, въ городахъ, въ каждой квартирѣ, чтобы дѣйствительно повѣрить правильность записи каждаго семейства? Городскіе-же священники знаютъ еще одно испытываемое при этомъ неудобство: являются въ квартиру, но встрѣчаютъ отвѣтъ: дома нѣтъ; идутъ мимо, потомъ снова заходятъ, — опять тотъ-же отвѣтъ. Зашли въ иной домъ, но оказывается—только потому, что дверь была не заперта. Хозяева не двусмысленно намекаютъ, что настоящее посѣщеніе они разсматриваютъ какъ вторженіе въ чужое жилище, а вопросъ о лѣтахъ—какъ вопросъ не совсѣмъ скромный. Но чтоже, въ самомъ дѣлѣ, есть-ли такое посѣщеніе прямая обязанность священника, или-же обязанность его только переписывать росписи съ прибавленіемъ лѣтъ на единицу? Въ концѣ этихъ росписей, какъ извѣстно, показываются раскольники съ наименованіемъ секты, званія и лѣтъ каждаго. Принимая во вниманіе нынѣшнюю свободу (по крайней мѣрѣ въ смыслѣ совершенной независимости отъ православнаго приходскаго священника) раскола, пусть всякій спроситъ себя:

какъ вести эти списки съ отмѣтой требуемыхъ данныхъ? Переписывать списки составленные десятки лѣтъ тому назадъ? Но это значитъ подвергать себя возможности писать умершихъ живыми, несуществующихъ въ районѣ прихода существующими, — словомъ писать такія вещи, какія въ официальныхъ свѣдѣніяхъ непростительны. Идти въ дома? Дѣлая это, приходится вторгаться въ чужое жилище, — такъ какъ сектанты, конечно, — чужіе для священника, и ни въ одномъ курсѣ пастырскаго богословія такія посѣщенія не предусмтрѣны. А между тѣмъ духовенство-же обвиняется въ ложномъ показаніи цифры сектантовъ; въ старыя же времена, при первомъ поводѣ, такое обвиненіе возбуждаемо было и своимъ начальствомъ въ видѣ обвиненія въ намѣренномъ и корыстномъ сокрытіи принадлежности или непринадлежности къ сектантству. — Но вотъ другой случай, когда пастыри идутъ въ дома прихожанъ. Имѣемъ въ виду праздничное хожденіе по приходу. Что это опять — права или обязанности? Если первое, то — право тяжелое. Мы знаемъ одного достопочтеннаго пастыря, который, не нуждаясь въ доходѣ, доставляемомъ этими хожденіями, выражалъ такую мысль: охотно-бы не ходилъ по приходу, но жаль своего причта, который нуждается въ кускѣ хлѣба, а не ходить — значитъ лишить ихъ этого куска. Знаемъ и другаго, который за нѣсколько дней до предстоящаго хожденія, уже падалъ духомъ въ ожиданіи того состоянія, которое приходилось испытывать въ часы этого хожденія. Если это хожденіе есть обязанность, то странно положеніе людей, отъ исполненія своихъ обязанностей чающихъ себѣ только огорченія, униженія и сопровождающаго оное унынія! Если же это, какъ думаютъ иные, ни то ни другое, а только благовидный предлогъ по доходу:

то по истинѣ жалко положеніе людей, оставляющихъ семью и идущихъ на заработки въ такіе дни, когда послѣдній поденщикъ остается дома въ средѣ своей семьи ¹⁾.

---

1) Мы сдѣлали выше нѣсколько замѣчаній относительно тѣхъ чисто соціальныхъ, лежащихъ внѣ вліянія частныхъ лицъ, короче—чисто историческихъ условий русскаго общественнаго быта первой половины настоящаго столѣтія, которыя не только не способствовали развитію духа учительности въ нашихъ пастыряхъ, но и тѣхъ пастырей, которые имѣли природное призваніе къ учительству, ставили иногда по истинѣ въ трагическое положеніе, т.-е. положеніе внутренней борьбы между чувствомъ долга и необходимостію какъ нибудь отстаивать право на существованіе. Вотъ случай изъ жизни одного священника: ревностный къ своему долгу, благоговѣно и усердно отправлявшій богослуженіе, пользовавшійся любовью прихожанъ, усердныхъ ко храму Божію, священникъ этотъ для пользы службы переведенъ былъ изъ православнаго прихода въ приходъ, склонный къ расколу и холодный ко храму и, въ добавокъ, состоящій поголовно изъ однихъ крѣпостныхъ. Священникъ совершаетъ богослуженіе съ тою-же ревностію, что и въ старомъ приходѣ; но въ храмъ являются только двѣ старухи. Проходитъ времени не мало, а служить приходится все для тѣхъ-же двухъ старухъ. Между тѣмъ все взрослое населеніе всю обѣдню сидитъ на заваленкахъ у домовъ. „Идешь, бывало,—разсказывалъ этотъ пастырь,—къ литургіи. По всей улицѣ народъ сидитъ на заваленкахъ.— Что нейдете къ обѣднѣ? Какъ не стыдно сидѣть, когда въ церкви идетъ обѣдня и т. п. Самые совѣстливые, испытавъ разъ пастырскія внушенія, стараются скрыться съ глазъ священника, чтобы избѣжать укоризнъ; менѣе совѣстливые отвѣчаютъ что-то въ родѣ: „не сами—по родителямъ“. Смѣлые и нестѣсняющіеся прямо отвѣтятъ: „всю недѣлю работали—рады отдохнуть,“ а за спиной священника иной грубіанъ отвѣтитъ: „поработалъ бы до зари самъ, такъ“.... и проч. Досадно. „Но вспомнишь, что въ одно изъ будущихъ воскресеній до зари придется и самому идти по домамъ просить помощь въ полевой работѣ—смолчишь.“—Да и что удивительнаго, въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ молчаніи, когда такъ ясно

Усилія лучшихъ людей — поставить общественное и служебное положеніе нашихъ пастырей въ соотвѣтствующія высотѣ ихъ задачъ условія — для настоящаго времени пока остаются еще почти безъ результатовъ, или по крайней мѣрѣ съ малыми результатами. Мы упоминали, что проникательный умъ М. Платона еще въ прошломъ столѣтіи видѣлъ все зло быта духовенства, хогда хотѣлъ, чтобы хотя „пружиною честолюбія“ сдѣлать положеніе священниковъ соотвѣтствующимъ ихъ официальному достоинству. Но какой-то ироніей и для настоящаго времени звучитъ слѣдующій монологъ временъ платоновскихъ изъ разговора о томъ, какой избирать родъ жизни: „кто

въ сознаніи выступаетъ противорѣчіе между долгомъ и неумолимой нуждой, когда съ одной стороны мысль гнететъ выраженіе: „сперва самъ исправся въ томъ, въ чемъ другихъ исправлять будешь“, а съ другой — мысль о существованіи, подверженномъ такимъ случайностямъ, какъ качество погоды въ будущей воскресный день и расположеніе духа неутомимыхъ, но все-же свободно располагающихъ своимъ трудомъ — прихожанъ мужиковъ? Если же заглянуть въ исторію общественныхъ отношеній еще поглубже, ко времени столѣтіемъ ранѣе: то должно будетъ удивиться, какъ еще и въ какой либо мѣрѣ, въ какой это есть теперь, сохранился духъ учительства въ средѣ русскихъ пастырей. Пусть, наиримѣръ, кто либо размыслитъ о томъ, какое значеніе для учительности пастырей могло имѣть то обстоятельство, что монастыри владѣли множествомъ крѣпостныхъ людей, когда предъ духовными владѣльцами и самый пастырь во многихъ отношеніяхъ не многимъ выше стоялъ тѣхъ крѣпостныхъ, среди коихъ онъ пастырствовалъ? Или какое значеніе могла имѣть старинная система жестокихъ и унижительныхъ наказаній для провинившихся членовъ приходскаго духовенства, въ родѣ сажанія на цѣпь, вешадпаго боя плетью и т. п.? Никто, конечно, не подумаетъ, что все это могло развивать учительность, и что только теперь, забывъ о цѣпи и тому подобномъ, современное русское пастырство растратило наследіе прошлаго и вмѣстѣ съ тѣмъ перестало быть учительнымъ.

справедливѣе священника заслуживаетъ отъ всѣхъ почтеніе? Кто имѣетъ лучший способъ упражняться въ наукахъ и чрезъ то пріятнѣйшую вести жизнь? Кто спокойнѣе священника и внутренно и внѣшно? Онъ при богатствѣ временномъ имѣетъ вѣчное и небесное, которымъ не только себя и свой домъ, но и цѣлыя общества христіанъ можетъ пользоваться“? ¹⁾). И можетъ быть, судя по даннымъ нынѣшняго времени, на эти вопросы должно отвѣтить вопросами же въ родѣ такихъ: „кто *безпокойнѣе* священника и внутренно и внѣшно? Кто имѣетъ меньше способвъ упражняться въ наукахъ?“ Большинству священниковъ и теперь еще приходится „волочатъ въ долгой расѣ по грязи“, какъ выразился Троицкій семинаристъ скептикъ прошлаго столѣтія, а обязанностей и дѣлъ важныхъ и не важныхъ, нужныхъ и не нужныхъ, возложенныхъ на нихъ—безъ числа. По крайней мѣрѣ никто не можетъ отрицать того, что русскій священникъ канунъ воскресенья или праздника не можетъ провести (имѣемъ въ виду опять конечно тысячи, а не единицы) такъ, какъ русская публика привыкла читать о препровожденіи времени англійскими или

---

¹⁾ Отрывокъ изъ сочиненія произнесеннаго на диспутѣ въ Троицкой Лаврской Семинаріи. См. Исторія Троицкой Семинаріи. С. К. Смирнова, стр. 582. Разговоръ происходитъ между Вѣтренниковымъ и Добросклониннымъ и приведенному монологу предшествуетъ такой діалогъ:

Вѣтр. Какое же, скажи ты мнѣ, лучше всѣхъ состояній, которое должны мы избирать?

Добр. Я тебѣ сказалъ, что лучше нѣтъ духовнаго.

Вѣтр. Чтобы волочатъ въ долгой расѣ по грязи?

Добр. Да къ сему состоянію самыя божескія судьбы насъ ведутъ, а хотя-бы и не такъ, то чѣмъ ты его опорочишь?

Вѣтр. Я его не порочу, а только другія состоянія ему предпочитаю.

Добр. Кто справедливѣе священника и т. д.

нѣмецкими пасторами: „сѣсть въ кресло предъ каминомъ и обдумывать свою завтрашнюю проповѣдь“, хотя требованія, въ силу которыхъ русское духовенство оказывается будто бы несоотвѣтствующимъ своему назначенію, отъ русскаго духовенства ничуть не ниже, чѣмъ отъ любаго изъ иностранныхъ и инославныхъ, съ того развѣ разницею, что тамъ, въ иныхъ земляхъ и исповѣданіяхъ, при сравнительно лучшихъ условіяхъ быта духовенства, сужденія о немъ какъ сословіи, добросовѣстнѣе и во всякомъ случаѣ снисходительнѣе ¹⁾).

---

1) Намъ кажется, весьма любопытно сравнить хотя-бы такъ называемую беллетристическую литературу иностранную и русскую въ ея отношеніяхъ къ духовенству. Нельзя не замѣтить, что напримѣръ во французской литературѣ, даже такіе писатели, какъ Эмиль Золя, не глумятся надъ католическимъ духовенствомъ, а если и касаются слабыхъ сторонъ его быта, то развѣ такихъ сторонъ, которыя всѣ признаютъ таковыми, и притомъ—безъ каррикатуръ и преувеличеній. Кто читалъ „Парижскія Письма“ Э. Золя (печатавшіяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ) тотъ помнитъ, какія краски этотъ романистъ, совершенно чуждой образности, даетъ типамъ католическихъ священниковъ:—указываемъ на типъ молодаго парижскаго священника, который изъ своего жалкаго жилища почти украдкой навѣщаетъ больныхъ, и котораго парижскій работникъ желаетъ, однакоже, задѣть какъ-бы нечаянно то сажей, то известью;—типъ священника стараго и провинціального, который за десятки верстѣ нѣшкомъ идетъ къ епископу и, допущенный епископскимъ приставомъ до аудіенціи, со слезами на слѣпнувшихъ глазахъ, объясняетъ, какъ необходимо починить крышу на его церкви: дождь льетъ даже на св. дары!—Припомнимъ и типъ протестантскаго пастора въ послѣднемъ романѣ Альфонса Додэ: „Проповѣдница“. Пасторъ, правда, сильно побаивается своей супруги не только въ дѣлахъ семейныхъ, но даже и служебныхъ; соображаетъ старикъ и то, что не выгодно, а иногда и опасно идти противъ міра. Но посмотрите на него, когда онъ созналъ, что теперь онъ „на высотѣ“, что теперь на краю жизни ему постыдно

Сказаннымъ доселѣ мы не исчерпали всѣхъ условий общественнаго и домашняго быта нашего пастырства; мы только хотѣли указать на нѣкоторыя условия, признаваемые нами за всеобщія и неизбѣжныя.

бояться кого либо, кромѣ Бога, а тѣмъ болѣе бояться вліянія на его судьбу какого нибудь крещенаго еврея, предъ силой котораго отступаютъ и знаменитый врачъ, и знаменитый адвокат,—когда онъ ясно сознавая, что завтра-же, быть можетъ, онъ лишится мѣста за смѣлость предъ силой этого еврея, идетъ на каедру и громитъ преступленіе, прикритое благочестіемъ. Вы невольно чувствуете, что если романисту позволительно любить своихъ героевъ, то А. Додѣ любить именно этого старика-проповѣдника, боющагося своей, по нашему попадѣи-старухи.—Что же въ нашей литературѣ? Самый крупный изъ беллетристовъ нашего времени, Тургеневъ, почти не касался приходскаго духовенства, а если касался, то, почему-то выраженію, у него выходилъ „поль съ косичкою“. Достоевскій въ приходскомъ духовенствѣ тоже не находилъ ничего достойнаго вниманія; образцы типовъ у заурядныхъ писателей извѣстны; это—батюшка съ смѣшными претензіями на барство, батюшка-кулакъ, батюшка съ нелѣпыми присловьями и т. п.—Скажутъ: „у насъ нѣтъ типовъ въ духовенствѣ, которые могли бы привлечь къ себѣ сочувствіе общества, а слѣдовательно и нашихъ писателей, такъ что литература наша только вѣрно отражаетъ дѣйствительность“. Это не правда. Развѣ священникъ, отирающийся во вьюгу, зимой, въ деревню за десять верстъ, затѣмъ, чтобы св. Дарамъ налутствовать больнаго, и—замерзающій на дорогѣ, (что случилось года два тому назадъ и обнаружено), не есть герой и мученикъ своего долга? Этотъ мученикъ теперь, конечно, не нуждается въ похвалѣ: но развѣ наша литература обратила вниманіе на этотъ подвигъ долга и самоотверженія. Развѣ открыта была „подписка въ пользу“ семьи этого священника, пожертвовавшаго жизнью ради долга? Нѣтъ, ни наша литература, ни наше общество не имѣютъ обыкновенія такъ дѣлать. Вотъ еще примѣръ. Недавно газеты много занимались г. Горбовымъ, добровольно пришедшимъ къ г. Рачинскому чтобы учить народъ; правда, это—подвигъ. Но отчего-же тѣ-же газеты не обращаютъ вниманія на тѣхъ

Говоримъ: „всеобщія“,—потому что положеніе дѣла проповѣди и положеніе самихъ проповѣдниковъ таковы именно не для одного какого нибудь проповѣдника или одной мѣстности, а почти для всѣхъ, по крайней мѣрѣ за столь малыми исключеніями, что они не могутъ имѣть значенія ¹⁾. Говоримъ еще: неизбѣжны“, потому, что православный пастырь по настоящее время едва ли и мыслимъ иначе, какъ въ этихъ условіяхъ, т.-е. православный пастырь едва ли и мыслимъ въ своемъ проповѣдничествѣ безъ обязанности подлежать цензурѣ, едва ли и мыслились безъ тѣхъ не связанныхъ съ пастырствомъ и бесполезныхъ для него занятій, о которыхъ было говорено какъ

дьячковъ и дьяконовъ, которые цѣлыя десятки лѣтъ, а иные и полстолѣтіе, занимаются тѣмъ-же самымъ дѣломъ народнаго образованія, что и г. Горбовъ? Но имена ихъ неизвѣстны, скажутъ? Нѣтъ, и имена ихъ можно читать.

1) Въ предыдущей статьѣ, напримѣръ, мы высказали предположеніе, что въ нашемъ прошломъ неблагопріятныя условія быта пастырей существовали вѣроятно не въ одной только московской епархіи, исторія которой обследована уже такимъ кропотливымъ и добросовѣстнымъ собирателемъ историческихъ матеріаловъ, какъ Розановъ. Теперь предположеніе это подтверждается: въ сентябрьской (1884 г.) книгѣ Историческаго Вѣстника изслѣдователь Тамбовской старины, г. Дубасовъ, сообщаетъ факты изъ общественнаго быта тамбовскаго духовенства до первой четверти настоящаго столѣтія, поразительно сходные съ фактами „Исторіи Москов. Епархіальнаго Управленія“. Тоже стремленіе всякаго, считавшаго себя принадлежащимъ къ лучшей „породѣ“, унижить духовенство, и это съ одной стороны—начиная помѣщикомъ и оканчивая кабацкимъ сидѣльцемъ (стр. 574—5), а съ другой—„неуважительное отношеніе“ выражалось всѣмъ, начиная остриженіемъ бороды у о. дьякона и оканчивая сѣченіемъ того-же о. дьякона „за ослушаніе“ (ibid)!—Вотъ что полезно чаще вспоминать тѣмъ духовнымъ публицистамъ, которые укоряютъ наше духовенство въ „рабствованіи“.

объ источникѣ разнообразныхъ преткновеній и тревогъ для пастырей;—безъ той угнетенности въ общественномъ положеніи и зависимости „въ способахъ къ жизни“, какъ иные деликатно выражаются, отъ разныхъ случайностей. Все это—условія рѣзко отличающія бытъ церковныхъ учителей отъ учителей не церковныхъ.

Но могутъ сказать и, кажется, намекаютъ на то, что въ нашей исторіи всегда былъ, какъ и теперь есть, цѣлый, хотя и немногочисленный, классъ людей въ духовенствѣ, который стоялъ и теперь стоитъ внѣ вліянія и установленной и не установленной цензуры, если уже цензуру считать условіемъ только отягощающимъ дѣло русскаго проповѣдничества, и вообще есть классъ людей стоящихъ внѣ тѣхъ условій общественнаго и служебнаго быта, которыя исторія уготовала священникамъ. Это—православные епископы. По крайней мѣрѣ. г. Вессель, въ приведенной нами статьѣ, рассуждаетъ такимъ образомъ: „прежде всего великому истинно-христіанскому просвѣтителю дѣлу, конечно, должны служить высшіе іерархи православной русскаго церкви—епархіальные преосвященные. Не одними поощреніями и требованіями, но *собственнымъ непосредственнымъ примѣромъ* (курсивъ подлинника) они должны показать подчиненному имъ приходскому духовенству, что церковное учительство составляетъ главную обязанность пастырскую, и что только усердное исполненіе этихъ обязанностей можетъ сдѣлать приходскаго священника духовнымъ пастыремъ своихъ прихожанъ“. „Если, продолжаетъ г. Вессель, такой взглядъ на церковное учительство будетъ держаться не только въ теоріи, но и осуществляться на практикѣ самими іерархами православной русскаго церкви, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проникнетъ и въ наши духовно—учебныя заве-

денія, и они дѣйствительно будутъ готовить своихъ питомцевъ къ пастырскому служенію“. ¹⁾ Г. Вессель повидимому не хочетъ договорить того, что тогда и мы будемъ слушать Златоустовъ и Василиевъ! О томъ, что должно пожелать для школы приготовляющей пастырей, чтобы возвысить силу учительности русскихъ пастырей, мы будемъ имѣть случай говорить. Теперь отвѣтимъ г. Весселю по вопросу о проповѣдничествѣ самихъ русскихъ іерарховъ, вопросу, котораго мы еще не касались.

Во первыхъ, если намѣренно не закрывать глаза, то и между русскими іерархами можно усмотрѣть если не Златоуста, который уже и потому, что былъ гений, есть явленіе исключительное, то по крайней мѣрѣ — найдостойнѣшихъ проповѣдниковъ слова Божія. (Укажемъ изъ почившихъ недавно хотя-бы на покойнаго Дмитрія, арх. Волынскаго). Во вторыхъ, за исключеніемъ быть можетъ только цензуры, всѣ другія условія для проповѣднической дѣятельности православныхъ епископовъ—почти одинаковы. Мы видѣли, какими иногда соображеніями четверть вѣка тому назадъ должны были руководиться при даваніи совѣтовъ относительно дѣла проповѣди такіе многоопытные іерархи, какъ Митрополитъ Филаретъ. Сводъ такихъ соображеній составляло положеніе: нужна осторожность, чтобы не оскорбить кого архипастырскимъ словомъ! И это основательно—потому, что митрополитъ Филаретъ и по личному опыту зналъ, и на другихъ видѣлъ какъ трудно иногда даже и епископу поступить вполне осторожно при обстоятельствахъ, казавшихся, требовавшихъ архипастырскаго слова ²⁾),

---

1) Русскій Вѣстникъ 1883 г., № 12 стр. 583.

2) Напримѣръ: епископъ сказалъ слово надъ гробомъ почившей, *желая почитать ее какъ храмоздательницу*. Но

такъ какъ, по выраженію того же іерарха, нашъ вѣкъ часто проходитъ мимо дѣйствительной вины, и идетъ искать вины тамъ, гдѣ ея нѣтъ ²⁾.—Но не въ этомъ только положеніе нашихъ епископовъ не разнилось отъ положенія священниковъ: трудно представить, до какой степени епископы даже въ церковныхъ дѣлахъ иногда были зависимы—все отъ тѣхъ же своихъ пасомыхъ, можетъ быть нынѣ вопіющихъ о недостаточномъ руководствованіи пастырей примѣромъ собственнаго учительства епископовъ. Мы видѣли, что А. Н. Муравьевъ и другіе всю надежду просвѣщенія народа возлагали на саму по себѣ назидательность и продолжительность нашего богослуженія. Но и продолжительность богослуженія не всѣмъ нравилась и наши епископы, случалось, получали чуть не выговоръ за эту самую продолжительность, и опытные люди опять совѣтовали обращать вниманіе на то, какъ смотреть „общество“ на эту продолжитель-

---

оказалось, что 1. „родственники покойной оскорблены, потому что приведено на память то, что лучше оставить въ глубокомъ забвеніи“; 2. одинъ изъ усердныхъ и именитыхъ читателей печатныхъ проповѣдей—„выразилъ сожалѣніе“ о произнесеніи и напечатаніи этого слова.—Причина того, что слово показалось неблаговременнымъ, заключалось въ томъ, что почившая была—„дворянка вышедшая замужъ за бывшаго іеродіакона, разорившаго потомъ ея крестьянъ“, слѣдовательно „не такое лицо которое могло бы быть предметомъ славы“, такъ выразился объ этомъ случаѣ митрополитъ Филаретъ. Онъ былъ того же мнѣнія, что въ этомъ случаѣ говорить слово было не должно. Между прочимъ въ письмѣ объ этомъ случаѣ м. Филаретъ писалъ: „достоинство церковнаго служенія охранять должно хотя бы сіе нѣкоторымъ было не угодно... Не сузу вашего дѣла; но открываю послѣдствія, думая, что напоминаніе объ осторожности не всегда услышать можно, а не слышать его не полезно“.

Письма къ Алексію, № 190.

²⁾ Ibid. № 262.

ность и.... угождать вкусамъ этого общества. Драгоценный историческій матеріалъ представляетъ частная переписка нашихъ іерарховъ, и историкъ русской церкви, мы думаемъ, въ будущемъ весьма много придется обращаться къ этой перепискѣ, какъ неопровержимому свидѣтельству о состояніи церковныхъ дѣлъ. Вотъ, напримѣръ, неопровержимое свидѣтельство, заимствованное изъ подобныхъ источниковъ, относительно того, въ какихъ условіяхъ была самостоятельность епископа относительно той продолжительности богослуженія, на которую смотрѣли какъ на замѣну учительности нашего пастырства. Въ 1849 году преосвященный Филаретъ Гумилевскій писалъ изъ Харькова въ Петербургъ пр. Иннокентію Борисову слѣдующее: „получилъ я совѣтъ вашего в-ства на счетъ продолжительности служенія. И смиренно благодарю за слово любви. А чтобы эта благодарность не была только на бумагѣ, я нынѣ же призывалъ протодіакона и отдалъ приказаніе— не продолжать литургіи *никогда* долѣе 2 часовъ, а въ царскіе дни далѣе 1¹/₂ часа. Въ самомъ дѣлѣ, до васъ дошло что нибудь не совсѣмъ вѣрное. Впрочемъ и протодьяконъ сказалъ: у насъ и не было никогда обѣдни далѣе 1¹/₂ часа. Я увѣренъ, что поводъ взять съ литургіи праздника Рождества Христова. Только тутъ не совсѣмъ разобрали. Дѣло было вотъ какъ: Данзасъ (губернаторъ?) лично просилъ меня, *такъ какъ въ этотъ день у нихъ утромъ бывають визиты*, начать обѣдню въ 10 часовъ. Такъ и было сдѣлано. Но не знавшіе ни о распоряженіи, ни о томъ, что обѣдня началась не въ 9, а въ 10 часовъ, и придя въ церковь по обычаю съ желаніемъ поспѣть къ концу, остались въ убѣжденіи, что обѣдня длится долго. Это убѣжденіе высказывали мнѣ посѣтившіе меня послѣ обѣдни. Я

сказаль о причинахъ посѣтившимъ. Но сколько осталось такихъ, которые остались въ невѣдѣніи о дѣлѣ. — Въ заключеніе присовокуплю, что послѣ перваго дня праздничнаго, никто уже не замѣчалъ о продолжительности служенія, а я обратилъ съ перваго-же дня особенное вниманіе на то, что будутъ глаголатъ? Богъ дастъ, это дѣло устроится; я не имѣю ревности къ длиннымъ молитвамъ¹⁾.

О досугахъ для умственнаго труда, возможныхъ для нашихъ епископовъ, также не безъизвѣстно. Ни одинъ изъ прославленныхъ проповѣдниковъ не только древняго, но и новаго времени, конечно, не читаль на своемъ вѣку столько бумагъ, сколько читаютъ наши епископы, и не писалъ столько резолюцій, сколько пишутъ наши епископы²⁾. Не говоримъ уже о томъ, что многимъ не безъизвѣстно, — какія православные епископы несутъ повинности такъ сказать драгоценнымъ временемъ — повинности, вытекающія изъ ихъ должностнаго положенія, какъ оно у насъ понимается. Поэтому православный епископъ не можетъ также сдѣлать извѣщенія на дверяхъ своихъ, которое дѣлаютъ русскіе католическіе епископы: „епископъ NN принимаетъ отъ—до“..... И между тѣмъ какъ напримѣръ англійскій епископъ есть человекъ книги, наши епископы въ громадномъ большинствѣ даже и не могутъ быть таковыми, если бы и пожелали: великое количество ихъ времени идетъ на дѣла административно—бумажныя, на обязательные приемы, отъ которыхъ свободны напримѣръ губернаторы, но не свободны архіереи, потому что у людей не стѣсняющихся отбивать чужое время есть всегда отговорка, что ищутъ-де въ бесѣдѣ съ

---

1) Христіанское чтеніе 1884 г. № 7—8. 125.

2) Любопытныя указанія на это—тамъ же стр. 149.

епископомъ пользы душевной! Тѣхъ епископовъ, которые имѣютъ такую силу воли, чтобы воспротивиться тому вредному представленію, будто епископъ трудится для душевной пользы христіанъ главнымъ образомъ жертвуя временемъ для ненужныхъ разговоровъ, народная (не знаемъ только въ собственномъ-ли смыслѣ *народная!*) молва, что называется, не жалуется, счтя преданность книжнымъ занятіямъ дѣломъ не епископскимъ. Будущая исторія докажетъ, что такое именно представленіе въ настоящее время существуетъ. — А между тѣмъ учительство съ церковной каѳедры едва-ли можетъ идти регулярно, если его не имѣть въ виду—какъ не отложнаго дѣла, питающагося притомъ не однимъ вдохновеніемъ, а усидчивымъ умственно—книжнымъ трудомъ. Не будемъ говорить о томъ, чего стоитъ такъ называемое представительство, т. е. обязанности налагаемыя представленіемъ о епископѣ, какъ власти параллельной высшей власти въ губерніи. Если поэтому одинъ изъ древнихъ отцевъ церкви о епископской каѳедрѣ выразился: „завидная, но опасная высота,“ то нынѣ къ этому можно-бы прибавить; „безпокойная“ высота, и еще то, что—исторія поставила дѣло такъ, что выраженіе: епископская „каѳедра“ время вынудило понимать развѣ только въ метафорическомъ смыслѣ:—не какъ возвышеніе, мѣсто съ котораго учать, а какъ должность, обязывающую разсматривать безчисленное множество бумагъ, при невозможности *прежде всего* учить, или показывать примѣръ, какъ желаетъ того г. Вессель ¹⁾.—

---

¹⁾ «Епископскій престолъ—учительскій престолъ», «епископское достоинство—учительское достоинство»: такъ думали въ древности (см. о семъ *Винтама*, Origin. t. VI. 110), такъ думаютъ, конечно, и теперь—и сами епископы, и всѣ кто дѣйствительно имѣетъ понятіе о церковныхъ дѣлахъ. Но

Нужно прибавить еще, что непомѣрно малое количество русскихъ епископѣвъ, если-бы всѣ остальные условія благопріятствовали ихъ воздѣйствію на народъ въ качествѣ церковныхъ учителей, всегда будетъ производить то что личное учительство епископѣвъ представится слабымъ ¹⁾), — не говоря уже повторяемъ, о томъ, что нужно прежде всего пожелать, чтобы эти остальные условія были иныя, чѣмъ условія пресвитерской проповѣди ²⁾).

любопытно—о чемъ помышляютъ иныя изъ нашихъ по виду ревнителей епископскаго достоинства? Объ упадкѣ архіерейскихъ хоровъ, о томъ, на сколькихъ лошадахъ и въ какихъ экипажахъ прилично епископамъ ѣздить. «Не лишне подчасъ задуматься надъ вопросами, — пишетъ одинъ изъ сотрудниковъ «Гражданина» — отчего это далай-лама никогда не показывается очамъ смертныхъ?» «Отчего ни одинъ изъ жителей Небесной Имперіи — Китая не можетъ узрѣть Сына Неба?» Задуматься надъ этими вопросами, по мнѣнію «Гражданина» нужно: здѣсь можно будетъ найти ключъ къ рѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ касающихся нашего архіепiscopства». — Многое терѣла печатная бумага съ тѣхъ поръ, какъ были изобрѣтены бумага и печать; но мысль о поучительности быта Далай—Ламы для русской іерархіи казалось бы не возможной въ печати, если бы всякій не могъ читать эту мысль въ журналѣ «Гражданинъ», прилож. 1884 г. № 2, стр. 40 и дал. Жаль, что авторъ этой мысли сокрылъ свое имя, а мысль могла бы прославить ея автора... «Гражданинъ», впрочемъ, въ его отношеніяхъ къ духовному сословію, получилъ наконецъ давно заслуженную имъ оцѣнку—подъ перомъ одного изъ сельскихъ своихъ читателей изъ духовнаго званія: эту любопытную оцѣнку см. въ Прав. Обзор. 1884, № 12, стр. 856—57.

1) Въ IV вѣкѣ христіанской эры въ одной римской имперіи число епископѣвъ насчитывалось до 1800. Это представляеть значительную разность по сравненію съ настоящимъ количествомъ русскаго епископата. Кромѣ того, въ свободѣ и независимости ни отъ кого, кромѣ церковныхъ законовъ, этимъ 1800 епископамъ позавидоваль даже извѣстный англійскій историкъ Гиббонъ.

2) Если условія русской церковной жизни уже таковы, что

Но возвращаемся опять собственно къ священникамъ.—Допустимъ, что рано или поздно цензура проповѣди будетъ устроена такъ, что она не будетъ, по крайней мѣрѣ съ формальной стороны, ревностнымъ священникамъ дѣлать преткновеніе къ проповѣди слова Божія.

Но пока понятіе о праздникахъ будетъ соединяться съ понятіемъ хожденія по приходу, а приготовленіе къ празднику—приготовленіемъ къ этому хожд-

---

не для всѣхъ епископовъ возможно личное учительство, то ни г. Вессель, ни кто другой пусть не думаетъ, чтобы рускіе архипастыри не употребляли усилій къ возвышенію учительности своего клира. Мы уже замѣчали, что общедоступныя извѣстія о нашихъ церковныхъ дѣлахъ и въ особенности о дѣлахъ такихъ, которыя считаются имѣющими мѣстный интересъ, а равно и подлежащими юрисдикціи мѣстной власти, добываются весьма трудно. Но и при этомъ всякому интересующемуся дѣломъ церковнаго учительства вѣроятно бросается въ глаза фактъ—какія постоянныя усилія употребляетъ къ возвышенію учительности своего клира одинъ изъ православныхъ епископовъ восточной окраины Россіи. Посланія, циркуляры, постановленія издаются имъ вотъ уже по крайней мѣрѣ восемь лѣтъ чуть не чрезъ каждыя три мѣсяца. Въ послѣднее время этотъ достойнѣйшій архипастырь занялся даже вопросами о томъ, какъ пастыри должны своимъ словомъ отучать простой народъ отъ неразумныхъ, но оскорбительныхъ поговорокъ на счетъ быта духовенства и при этомъ дать много полезныхъ совѣтовъ своему духовенству. Въ виду этого и по отношенію къ нашимъ епископамъ не приложимы-ли тѣ-же самыя разсужденія, справедливость которыхъ, полагаемъ, неоспорима по отношенію къ священникамъ и прочему клиру, т. е. что даже публицисты и желающіе послужить истинѣ въ своихъ сужденіяхъ о церковныхъ дѣлахъ и о духовенствѣ, всего, что въ бытѣ и состояніи церкви и даховенства заслуживаемъ полнаго уваженія—не замѣчаютъ, потому что не *могутъ* замѣтить?—Не будемъ говорить уже о тѣхъ публицистахъ, которые не *хотятъ* замѣтить.

денію, трудно ожидать, чтобы православные храмы оглашались постоянно словомъ проповѣди. Теперь уже не одинъ голосъ стороны заинтересованной или прямо сказать обвиняемой въ вопросѣ о русской церковной проповѣди, т.-е. самого русскаго духовенства, слышится относительно того, какое значеніе имѣеть внѣшнее положеніе пастырства на постановку проповѣдничества вообще. Что, напримѣръ, общаго между православнымъ пастыремъ и американскимъ проповѣдникомъ какой нибудь секты? И однакоже—и тамъ, въ Америкѣ, уже давно замѣчено, какое неблагоприятное вліяніе имѣеть зависимость проповѣдника отъ его слушателей,—при томъ еще когда этотъ проповѣдникъ не ходитъ по приходу для поддержанія своего существованія, имѣя возможность спокойно предаваться своей проповѣднической обязанности.

„Американскій министр¹⁾, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей религіозной жизни въ С. Америкѣ— не можетъ относиться съ пренебреженіемъ къ недостаткамъ религіознаго мышленія американца; напротивъ онъ долженъ слѣдовать и полагать имъ, такъ какъ онъ по большей части зависитъ отъ прихода и обязанъ поддѣлываться подъ вкусы и слабости прихожанъ, иначе храмъ его опустѣетъ и его самого попросятъ удалиться“. И „зло это — говорятъ сами американскіе проповѣдники — хорошо сознается нами, но мы не находимъ средствъ противождать ему: мы связаны приходами по рукамъ и по ногамъ. Мы поневолѣ полагаемъ вкусамъ прихода такъ какъ зависимъ отъ прихода. Посмотрите на католическихъ священниковъ: они хозяева въ своихъ

---

¹⁾ Какъ извѣстно, такъ называются священники, или соотвѣтствующіе имъ церковно-должностныя лица западныхъ исповѣданій и сектъ.

приходахъ! Приходъ не можетъ грозить имъ лишеніемъ мѣстъ. Они свободно и безбоязненно могутъ поучать Слово Божію; мы - же постоянно должны быть на стражѣ и опасаться, какъ-бы приходъ не не разлюбилъ насъ“. Оттого, по признанію американскихъ проповѣдниковъ, „религіозныхъ борцовъ между ними не много, и на борьбу съ общественными предразсудками рѣшаются лишь извѣстные проповѣдники какъ Бичеръ, Гепвортъ, такъ какъ каждая секта готова принять ихъ въ свое лоно“! ¹⁾ Непріятно признаніе американскихъ служителей Церкви, почти явственно утверждающихъ, что они проповѣдуютъ не то, что должно, а то, что пріятно слушателямъ! И какъ будто для нихъ полторы ты, сачи лѣтъ назадъ писано Златоустомъ слово „о томъ-что опасно и для поучающихъ и для поучаемыхъ говорить съ притворствомъ“, или—выражаясь современнѣмъ языкомъ — говорить *по вкусу* ²⁾. Но это признаніе, если его сопоставить съ приведенными ужънами фактами нашей прошлой исторіи и нашего настоящаго, какъ нельзя болѣе подтверждаетъ мысль о томъ, почему въ исторіи нашей церкви мы видѣли мало Златоустовъ и почему въ настоящемъ по крайней мѣрѣ желательно, чтобы признанія американскихъ проповѣдниковъ не имѣли приложенія въ нашей жизни. — Но мы позволимъ себѣ привести нѣчто и еще изъ тѣхъ-же признаній американскихъ проповѣдниковъ. Сознавая, что американское духо-

1) Русскій Вѣстникъ 1884 г. № 5, стр. 654.

2) Впрочемъ и русскій проповѣдникъ XVII вѣка замѣчалъ еще, что „нынѣшніе христіане любятъ такихъ учителей, которые-бы предъ ними трепетали и священнѣй санъ свой унижали и всегда-бы предъ ними преклонялись“: удивительно повторяемый фактъ! (См. брошюру о. Яхонтова: „Статиръ“. С.-Пб. 1883 г. стр. 60).

венство очень много работает мамонъ—приумноженіемъ приходскихъ богатствъ ¹⁾, американскій министръ объясняетъ это тѣмъ, что „если-бы-де мы стали служить одному Богу, то мы скоро умерли-бы съ голоду“!. Но оставивъ эту гиперболу на совѣсти американскихъ проповѣдниковъ, мы не можемъ оставить безъ вниманія такіа разсужденія: „само Евангеліе — разсуждаютъ американскіе проповѣдники — оправдываетъ отчасти двойственность нашего служенія“, т.-е. одно—приобрѣтенія матеріальныхъ благъ для своей церкви, другое—для религіи. „Евангеліе ясно говоритъ: *достойнъ бо дѣлатель мзды своея*. И такъ если мы съ одной стороны посвящаемъ свой трудъ на служеніе Богу, то съ другой это служеніе должно удовлетворять всѣ наши насущныя потребности. Не забудьте, что трудъ, каковъ бы онъ ни былъ, долженъ быть непременно оплаченъ. Даровой трудъ не можетъ быть хорошъ и плодотворенъ. Чтобы жертвовать собой на служеніе Богу, мы должны быть увѣрены, что мы сами и семьи наши обезпечены. Если самимъ не заботиться объ умноженіи средствъ, то что же дѣлать намъ? Проповѣдывать Слово Божіе и умирать съ голоду? Нѣтъ на голодный желудокъ куда какъ худо читать проповѣди!“ ²⁾. Нѣкоторыя изъ этихъ фразъ могутъ показаться еще болѣе соблазнительными чѣмъ приведенныя выше: не циническое ли, въ самомъ дѣлѣ, это признаніе, что - де я могу проповѣдывать только тогда, когда мой желудокъ не тощъ? Не цинизмъ ли это—связывать вопросъ о проповѣди съ вопросомъ о ѣдѣ? — Такъ дѣйствительно

---

1) Объ этомъ читатель самъ можетъ найдти въ указанной статьѣ Русскаго Вѣстника, почему мы и не передаемъ подробностей предмета.

2) Ibid. стр. 647.

представится, если смотрѣть исключительно только на *слова* американскихъ проповѣдниковъ Слова Божія. Но вѣдь *смыслъ* ихъ заключаетъ въ себѣ тоже, что мы находимъ и у Златоуста, а никто, вѣроятно, никогда не заподозрѣвалъ Златоуста въ желаніи служить мамонѣ. Плата за трудъ священника по мысли Златоуста—дѣло чистѣйшее и законнѣйшее ¹⁾: тоже думаютъ и американцы. Они думаютъ, что только увѣренность, что проповѣдникъ и его семья не пойдутъ собирать милостыню, когда силы измѣняютъ, что только такая увѣренность даетъ надлежащую бодрость для проповѣдника, а для поучаемыхъ—право быть требовательнымъ къ своимъ учителямъ: это—тоже не ускользнуло отъ вниманія Златоуста, утверждавшаго, какъ мы знаемъ, что всякое приключающееся проповѣднику душевное разстройство лишаетъ его возможности учить краснорѣчиво, а слушателей—возможности слышать слово достойное христіанскихъ истинъ.

Мы, конечно, не будемъ увѣрять, что виѣшнее благосостояніе клира стоитъ въ абсолютно неразрыв-

---

¹⁾ Если судить по нѣкоторымъ другимъ выраженіямъ, то можно подуматъ, что Златоустъ училъ и другому—что труды священниковъ должны быть безмездны. Такъ въ одной изъ бесѣдъ на посл. къ Солунянамъ, указывая на основанія, почему священнику прихожане должны быть обязаны признательностью, Златоустъ указываетъ на то, что „священникъ молится за тебя, надзираетъ за тобою, поучаетъ, вразумляетъ тебя, въ полночь, если позовешь, идетъ“. Но „онъ ничего не получаетъ за это, развѣ только то, что подвергается твоему злословію и долженъ сносить твои укоризны!“ (Бесѣда на посл. къ Солун. р. переводъ стр. 162).—Но Златоустъ въ указанномъ мѣстѣ говоритъ конечно о томъ, что служеніе священника должно быть чуждо корысти, наживы, но не возможности имѣть отъ служенія своего должныя средства къ жизни.

ной связи съ его учительностію: ибо величайшіе учителя церкви не были людьми утучненными житейскими благами: иные изъ нихъ кромѣ ветхой одежды ничего не имѣли! Но мы считаемъ неопровержимымъ слѣдующее положеніе: если въ настоящее время церковное учительство считается принадлежностію ни исключительныхъ духовныхъ дарованій или святости, какъ было въ первохристіанскую эпоху, ни исключительно принадлежностію гения, а обыкновенной должностной обязанностію, то и въ условіяхъ процвѣтанія церковнаго учительства должно разсуждать, принимая во вниманіе обще-человѣческія условія. Когда дѣло идетъ о возвышеніи этихъ условій для православнаго духовенства въ смыслѣ возвышенія его общественнаго и матеріальнаго положенія, многіе думаютъ, что здѣсь непременно предполагается покушеніе „посадить поповъ на шею казны или народа“ и безъ того уже обременныхъ такими посадками ¹⁾. Мы не будемъ опровергать этого подозрѣнія, такъ какъ глубоко убѣждены, что разъ пожелаютъ улучшить эти условія, то дѣло обойдется и безъ посадки клира на шею кому нибудь, особенно, если принять во вниманіе, что въ измѣненіи едва ли не нуждается болѣе всего нравственная сторона въ положеніи нашихъ церковныхъ учителей. Но и оставить безъ попеченія наше духовенство не полезно. Вредъ этой мысли сознавался всегда. Еще въ IV столѣтіи блаженный Іеронимъ удивлялся, что „многіе строятъ стѣны и ставятъ колонны церковныя; бѣлѣтъ мраморъ, потолоки блестятъ золотомъ, а о выборѣ служителей Христовыхъ нѣтъ

---

¹⁾ См. напр. одно письмо старообрядца, помѣщенное въ Современныхъ Извѣстіяхъ (въ одномъ изъ августовскихъ №№ прошедшаго года).

заботы“¹⁾). И теперь — голосъ о настоятельной нуждѣ въ измѣненіи быта нашего пастырства не одинокъ. Газету „Русь“ никто не можетъ обвинять въ стремленіяхъ сажать бесполезныхъ людей на шею государству или обществу. Но и эта газета требуя „перевоспитать пастырей“ не рѣшается признать ничтожнымъ положеніе, что „подвигъ истиннаго пастырства (а истинное пастырство газета понимаетъ какъ, главнѣйшимъ образомъ какъ *учительство*, и въ этомъ пониманіи, какъ мы указывали, нельзя отрицать согласія съ вселенскимъ преданіемъ) не возможенъ при настоящей необезпеченности блага духовенства въ средствахъ къ жизни, что священникъ поневолѣ отвлекается отъ прямого своего призванія — заботами о совершеніи требъ, приносящемъ ему доходъ, безъ котораго ему и существовать нельзя“ и т. п. И потому газета серьезно поставляетъ вопросъ „не настойтъ-ли нужда прежде всего измѣнить матеріальныя условія жизни, въ которыя поставлено наше приходское духовенство и безъ устраненія которыхъ едва-ли возможенъ нравственный подъемъ нашего церковнаго клира?“²⁾). Не думаемъ, что одна изъ русскихъ добросовѣстныхъ газетъ сговори-лась съ американскими министрами въ томъ, чтобы признать церковное учительство стоящимъ въ зависимости отъ быта пастырей, хотя одна и таже мысль выражается почти одними и тѣми-же словами, а между тѣмъ газета, какъ и американскіе министры, выражается, что наши сельскіе священники оттого не учителя, что „—таковы неумолимыя условія *сложившагося быта* и еще болѣе неумолимый законъ *нужды*, ставящій на первомъ планѣ для каждаго ре-

1) Письмо къ Неподіану, р. перев. стр. 67.

2) Русь, № 13, 1884 года стр. 8—9.

комаго (*только?*) пастыря заботу объ охраненіи себя и своего семейства отъ голода и холода и объ обезпеченіи будущности своихъ дѣтей хлѣбною профессією“ ¹⁾).

Какъ свидѣтельство о томъ-же людей постороннихъ для православнаго духовенства замѣчательно оглашенное въ печати въ послѣднее время мнѣніе отъ-нынѣ знаменитаго виновника южной - русской штунды—реформатскаго пастора Бонекемпфера. Доморощенные ревнители обязанностей нашего духовенства, какъ извѣстно, чуть не обрадовались случаю при возникновеніи штунды свалить вину появленія на неучительное духовенство. И этотъ дѣйствительный виновникъ штунды соглашается также, что—малая степень учительныхъ средствъ, которыя приводятся въ дѣйствіе православнымъ духовенствомъ, есть причина (или по крайней мѣрѣ—благопріятная почва) появленія штунды. Но обвиненіе въ неучительности духовенства, цо мнѣнію пастора, не справедливо—не потому, чтобы онъ призналъ, что наше духовенство учить, а потому—что ему не возможно учить. Сравнивая свое собственное положеніе въ отношеніи къ возможности учить съ положеніемъ русскаго пастыря, пасторъ нѣмецкій говоритъ: „я избавленъ отъ всякихъ заботъ по хозяйству и обезпеченъ въ необходимыхъ средствахъ. Поэтому я вполне располагаю своимъ временемъ и могу свободно продолжать свое богословское образованіе, почерпая въ твореніяхъ великихъ духовныхъ писателей драгоцѣнные матеріалы для моихъ поученій и домашнихъ бесѣдъ съ прихожанами“. Между тѣмъ о русскихъ пастыряхъ, говоритъ Бонекемпферъ, не должно забывать, что „они по своему общественному

---

¹⁾ Ibid. стр. 3.

положенію не только служители алтаря, но еще и землевладѣльцы, обязанные изыскивать средства своего существованія изъ отведенныхъ имъ участковъ земли, а это парализуетъ ихъ пастырскую дѣятельность и лишаетъ часто возможности ревностныхъ къ своему дѣлу священниковъ выполнять его добросовѣстно и успѣшно“. Пасторъ сознается, что если-бы и онъ былъ въ такихъ-же условіяхъ, то „никогда не былъ-бы въ состояніи исполнять какъ должно обязанности наставника прихожанъ“: но думаетъ въ то же время, что „если-бы православное духовенство было поставлено въ такіа-же благопріятныя условія для своей духовной дѣятельности, то не допустило бы своихъ прихожанъ искать наставленіе въ вѣрѣ и нравственности у протестантовъ“ — чѣмъ объясняетъ пасторъ переходъ православныхъ въ штунду ¹⁾.—Приводя эти мнѣнія, мы имѣемъ въ виду конечно не объясненія пасторомъ причинъ перехода въ штунду, а то, какими и *со стороны* представляются условія для учительности нашихъ пастырей, безотносительно къ тому, грозитъ-ли намъ штунда, или же все будетъ обстоять благополучно. Съ другой стороны мы видѣли, что и наши церковныя газеты, считая положеніе нашего приходскаго духовенства неудовлетворительнымъ, положеніе протестантскаго духовенства въ отношеніи къ условіямъ учительства напротивъ ставятъ чуть не идеальнымъ положеніемъ ²⁾: у обѣихъ сторонъ—православной и протестантской—согласіе удивительное и объяснимое только очевидностію дѣла.

¹⁾ См. брошюру: „О причинахъ появленія рационалистическихъ ученій штунды“, А. Ушинскаго, Кіевъ, 1884 г. стр. 17—20.

²⁾ См. выше—ст. 2-я.

На русскую проповѣдь давно уже слышатся на-
реканія за безсиліе ея, т. е. за малое вліяніе на
общество. Въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія
разсуждали: „когда-бы гласъ Божій, а не гласъ лест-
чій проповѣдывался библейской каѳедрой, какъ можно,
чтобы спящіе и дремлющіе не возстали отъ сна грѣ-
ховъ!.... Проповѣдь святыхъ древле разрушила дома
блудницъ, капища ересей и церковь лукавствующихъ
раскапывали руки проповѣдниковъ Христовыхъ: а
нынѣ есть-ли въ насъ такая проповѣдь слова Божія,
якоже во Святыхъ была, когда со дня на день дома
блудилищъ назидаются, и скопища лжепророковъ и
лжеучителей составляются?“. Разсужденія эти при-
писываются преосв. Иннокентію пензенскому, извѣст-
ному проповѣднику. Но вѣроятноѣ всего принадле-
жать самому знаменитому юрьевскому архимандриту
Фотію, подъ перомъ котораго сохранились приведен-
ныя слова.—И нынѣ еще можно встрѣтить подоб-
ныя этимъ разсужденія, т.-е. разсужденія, требующія
отъ проповѣди результатовъ немедленныхъ и до наг-
ладности осязательныхъ, съ порицаніемъ проповѣд-
никовъ, если они не могутъ представить въ свое
оправданіе такихъ результатовъ. Недавно, напри-
мѣръ, редакторъ одного изъ Епархіальныхъ органовъ,
по поводу сообщеннаго газетами извѣстія, что пен-
зенскій губернаторъ убѣждаетъ простой народъ воз-
держиваться отъ пьянства, разразился порицаніями
на пастырей пензенской епархіи за не противодѣй-
ствіе злу посредствомъ проповѣди—подразумѣвая.
очевидно, что если-бы пастыри нѣсколько времени
поговорили съ церковной каѳедры о вредѣ пьянства,
то народъ сейчасъ-бы и отсталъ отъ вреднаго по-
рока! Кромѣ того авторъ хулительной на пензенское
духовенство статьи „сильный упадокъ нравственно-
сти“ въ народѣ не можетъ объяснить иными при-

чинами, какъ только опять тѣмъ, что „пастыри или вовсе бездѣйствовали или дѣйствовали неразумно“¹⁾. Вообще, конечно, вопросъ о томъ насколько справедливо и основательно ожидать отъ проповѣди столь

---

1) Пензенскія Епарх. Вѣдом. (1884, № 20) вѣско отвѣтили на вопросъ о томъ, „что дѣлали и дѣлаютъ приходскіе священники при видѣ развивавшагося пьянства“ въ народѣ— назвавъ поименно *семьдесятъ пять* священниковъ, о которыхъ документально извѣстно, что они проповѣдывали противъ народнаго порока. Изъ этихъ священниковъ одинъ въ 1883 году представилъ въ цензуру *двадцать* проповѣдей, сказанныхъ имъ спеціально противъ пьянства. А въ такомъ случаѣ самое лучшее, чѣмъ слѣдуетъ отвѣтить порицателямъ духовства, это—посовѣтывать имъ прочитать 2-ю бесѣду Златоуста къ Антиох. народу. Изъ этой бесѣды можно видѣть, что когда Златоустъ съ свойственной ему стремительностію въ словѣ проповѣдывалъ противъ пьянства, то „многіе, увидѣвъ, что (и послѣ его проповѣдей) нѣкоторые провели день въ корчемницѣ съ насмѣшкою и издѣваясь надъ проповѣдникомъ говорили: вѣдь совершенно убѣдились! Совсѣмъ никто не пошелъ въ корчемницу: всѣ истрезвились“. Златоустъ таковымъ отвѣчалъ: „что говоришь ты, человѣкъ! Развѣ мы обѣщали уловить всѣхъ въ одинъ день? Если убѣдилось только десять, если даже и одинъ: не достаточно ли и сего для нашего утѣшенія? Скажу и еще болѣе. Пусть никто не убѣдился нашими словами, хотя *невозможно чтобы безплодно было слово* посѣяваемое въ столь многіе слухи; но пусть это будетъ такъ, однако жъ и въ семь случаѣ слово не бесполезно намъ. Ибо если они и вошли въ корчемницу, то вошли уже не съ такимъ безстыдствомъ“, а почувствовать стыдъ это, по Златоусту, уже начало спасенія. „Я не возстановилъ болящихъ? За то здоровыхъ сдѣлалъ благонадежныѣ. Слово не отвело нѣкоторыхъ отъ порока? За то живущихъ добродѣтельно сдѣлало внимательнѣйшими“. Но пусть даже не достигнуть и такой результатъ. „Не убѣдилъ я сегодня? Но завтра можетъ быть успѣю убѣдить. А если и завтра не успѣю? такъ можетъ быть послѣ завтра, или еще въ слѣдующій за тѣмъ день“, и т. д. (См. Бесѣды къ Ант. нар. т. I. С.-Пб. 1859, стр. 18—19).

непосредственныхъ и осязательныхъ результатовъ, отсутствіе которыхъ поставляется въ укоръ проповѣдникамъ и проповѣдничеству, вопросъ весьма трудный, когда церковное учительство вошло на путь должностной обязанности, а не сверхъестественныхъ дарованій. Иногда требованіе очевидныхъ результатовъ становится явно равносильнымъ требованію совершить чудо, „да вѣру имамъ“! При подобномъ же требованіи, пожалуй, можно отвергнуть плодотворность и законность существованія многихъ другихъ христіанскихъ учреждений, а заподозрить плодотворность уже тѣмъ болѣе. Но законно будетъ во всякомъ случаѣ предъявить къ церковной проповѣди и проповѣдникамъ пожеланіе, чтобы проповѣдники въ своихъ проповѣдяхъ обнаруживали по крайней мѣрѣ *усилія* произвести то, на что указываетъ вышеприведенный авторъ, какъ на результаты нѣкогда существовавшей дѣйствительной проповѣди, — *усилія*, которыя тотъ-же авторъ выражалъ вопросомъ: „возвѣщается-ли прещеніе Божіе ходящимъ во слѣдъ похотей своихъ?“ — Если-же это такъ, то должно спросить: позволяютъ-ли настоящія условія нашего проповѣдничества употреблять такія усилія? — Мы думаемъ, что для приходскихъ пастырей эти условія, хотя и не всегда позволяютъ, но нельзя отрицать, чтобы и вопреки этимъ условіямъ, не было приходскихъ пастырей, употребляющихъ такія усилія. Нельзя конечно также отрицать своевременности недавно высказаннаго пожеланія Св. Синода о томъ, чтобы съ нашей церковной кафедры не слышались „лестивыя словеса“, „ибо лесть — читаемъ въ одномъ изъ старинныхъ учебниковъ гомилестики — вездѣ почитающаяся подлостью, на священной кафедрѣ дѣлается

тяжкимъ преступленіемъ, нарушеніемъ святости“¹⁾. Можно прибавить къ сожалѣнію, что иногда не слышится съ кафедръ никакихъ словесъ, когда, напротивъ, это всего болѣе и желательно. Въ прошломъ году, напримѣръ, сообщено было, что при такомъ случаѣ какъ празднованіе 500-лѣтняго юбилея почаевской Лавры,—случаѣ, повидимому, исключительно благопріятномъ для воздѣйствія на народъ проповѣдническимъ словомъ,—проповѣдь въ ряду юбилейныхъ церемоній была только однимъ изъ краткихъ моментовъ церемоній. Такъ, по описанію корреспондента Руси, была проповѣдь,—но не для простаго народа, а для людей исключительно образованныхъ. „Для простаго же народа примѣнительно къ его пониманію никто не сказалъ и нѣсколькихъ словъ, хотя священства на праздникъ было болѣе ста человѣкъ. Конечно—справедливо замѣчаетъ корреспондентъ—многія изъ этихъ лицъ могли-бы обратиться къ народу съ поученіемъ, если-бы это предложено было имъ, но конечно стороннія лица не могли говорить народу поученія по собственному почину“²⁾.—Къ сожалѣнію нельзя также отрицать и того, что бываетъ проповѣдь тамъ, гдѣ нужно превознести дѣла человѣческія, и не бываетъ тамъ, гдѣ нужно-бы пре-

---

1) Руководство къ церковному краснорѣчію, С.-Пб. 1804, стр. 29.

2) Нельзя не обратить вниманія на слѣдующія слова того же корреспондента: „вообще нужно сказать — въ лаврѣ нисколько не заботятся о проповѣдываніи слова Божія народу. Говоритъ проповѣди одинъ архіерей когда бываетъ въ Лаврѣ. Но отчего бы въ Лаврѣ по примѣру римско-католическихъ монастырей не имѣть своихъ востолнныхъ проповѣдниковъ, которымъ-бы исключительно вѣнено было въ обязанность говорить поученія простому народу?“ Русь, 1883 г., № 22, стр. 52.

вознести дѣла христіанскія, вслѣдствіе чего, по выраженію того-же указа Св. Синода, можетъ явиться „потворство господствующимъ въ обществѣ направленіямъ, вкусамъ и мнѣніямъ, суетнымъ и чуждымъ духа христіанскаго“, а это уже „уничжаетъ достоинство церковной проповѣди и дѣлаетъ ее предметомъ нареканій“. И за оправдательными случаями ходить недалеко. Въ прошломъ же году, напримѣръ, въ Москвѣ умеръ врачъ—умеръ жертвою служенія своему долгу, заразившись отъ лѣчимаго имъ бѣднаго семейства, оставивъ безъ средствъ свое собственное семейство. Какой-бы прекрасный поводъ для проповѣдниковъ—указать нашему материалистическому вѣку, что вотъ-де очевидное доказательство существованія и въ наше время людей христіанской любви и долга,—что не всѣ работаютъ одной мамонѣ, чѣмъ любить оправдываться нашъ вѣкъ,—что и теперь есть тѣ праведники, безъ которыхъ „не можетъ стояніе граду быти“! Да и прямой долгъ христіанскаго пастыря—почтить почившаго приличнымъ словомъ, когда даже въ безбожной нынѣ Франціи людей жертвующихъ своею жизнью для жизни ближняго, безъ различія ихъ званія, вѣры и образа мыслей, чтутъ какъ героевъ „человѣчества“, что по христіанскому значить—какъ героевъ добродѣтели. Этотъ долгъ еще болѣе долженъ-бы казаться неумолимымъ, когда все церковное благолѣпіе сопровождало останки умершаго музыкальнаго генія, услаждавшаго, по субботахъ, досужую публику своей неподражаемой музыкой, такъ какъ—жалкія, съ точки зрѣнія помпы, похороны какого-то малоизвѣстнаго врача и пышныя похороны тоже не всѣмъ извѣстнаго музыкальнаго генія суть такое сопоставленіе, которое можетъ дѣйствовать вредно на христіанское чувство размышляющаго человѣка. Церковная про-

повѣдь, приличная случаю, можетъ быть сгладила-бы нѣсколько такую несправедливость, а во всякомъ случаѣ—показала-бы всѣмъ, что церковь чужда „господствующимъ вкусамъ“, обладая одною для всѣхъ мѣрою—мѣрою доброй христіанской жизни, насколько такая жизнь доступна людскому вѣдѣнію, въ совершенствѣ будучи вѣдома Единому Богу. Къ прискорбію, мы никакъ не могли убѣдиться, почтенъ ли былъ умершій врачъ, подвигомъ добрымъ на своемъ поприщѣ подвизавшійся, проповѣдническимъ словомъ. Не говоримъ уже о томъ, вызвались-ли на такое слово лучшія наличныя проповѣдническія силы города ¹⁾).

1) Городская дума опредѣлила пенсію семейству этого врача, хотя и въ незначительномъ размѣрѣ; та же Дума справила на общественный счетъ пышныя похороны музыкальнаго гения, но она же отказала въ пособіи на изданіе сочиненій по случаю юбилея м. Филарета: вотъ три факта. Сооставивъ два послѣдніе, одинъ изъ достопочтенныхъ пастырей сказалъ слово, въ которомъ выразилъ, что заслуги митрополита для русскаго общества были выше заслугъ музыканта, и что-едва ли закономѣрно городское достояніе тратить на похороны людей, заслуги которыхъ предъ городомъ двусмысленны. Какъ извѣстно, теперь уже многіе склоняются къ тому же самому сужденію по вопросу о тратахъ городскихъ суммъ.—Но вотъ должно на чемъ остановиться: общество можетъ сказать духовенству: если вы чтите заслуги людей дѣйствовавшихъ на поприщѣ церковно-іерархическомъ, то почему вы не чтите людей подвизающихся на поприщѣ христіанскаго человѣколюбія? И выше-ли въ этомъ случаѣ стоитъ духовенство нежели городская администрація, которая отдаетъ дань уваженія людямъ по своему крайнему разумѣнію заслуживавшимъ этого? Вотъ что можетъ случиться, и крайне не желательно, чтобы нашему пастырству умогъ быть брошенъ упрекъ въ томъ, что его пастырское слово не всегда тамъ, гдѣ добро, но всегда тамъ, гдѣ помпа, тогда какъ у общества—его слово и сочувствіе тамъ, гдѣ доблесть и заслуга, но крайней мѣрѣ—доблесть и заслуга, какъ ее понимаетъ общество

Но, съ другой стороны, очень много случаевъ, гдѣ навѣрное почти можно ожидать у насъ проповѣдническаго слова. Хулители нашихъ пастырей случаи эти связываютъ съ трапезными собраниями, которыя, будто, хотя не стоятъ въ зависимости какъ причина съ слѣдствіемъ, но совмѣстность и современность обоихъ явленій, говорятъ, часто нельзя не замѣтить. Это, конечно, пусть остается на совѣсти наблюдательныхъ людей. Нельзя отрицать также и того, что льстивыя словеса иногда дѣйствительно сопровождаютъ нашу проповѣдь. Стоитъ иногда почитать проповѣди на такъ называемые разные случаи, въ особенности такіе, гдѣ приходится проповѣднику не обходить словомъ живыхъ и умершихъ дѣятелей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ проповѣдникъ подалъ поводъ къ газетному глумленію своей проповѣдью, построенной на параллели между умершимъ знаменитымъ эллинистомъ и Апостоломъ Павломъ. Вѣроятно, любитель собиранія подобныхъ фактовъ нашель-бы не одинъ подобный фактъ.

Итакъ, нельзя, говоримъ, съ одной стороны утверждать, что наше проповѣдничество всегда употребляло и употребляетъ усилія „разрушать дома блудницъ“, какъ того желали отъ проповѣди ревнители дѣйственности проповѣди. Но, съ другой стороны, мы сейчасъ представимъ доказательства того, что и наши проповѣдники не всегда слѣдуютъ только за теченіемъ общественныхъ идей, полагая всему, что торжествуетъ въ данную минуту, но осмѣливаясь сказать свое слово въ защиту тѣхъ идей, которыя не мѣръ, но церковь считаетъ истинными. И это должно будетъ сказать какъ о проповѣдникахъ высокопоставленныхъ, такъ даже и о тѣхъ, которые весьма далеко отъ подобнаго положенія! Такъ—есть основаніе думать, что даже противъ крѣпостнаго

права осмѣлился сказать свое слово пр. Ириней Фальковскій еще въ первой четверти настоящаго столѣтїя. М. Филаретъ, какъ извѣстно, сказалъ свое знаменитое слово объ одеждѣ. Можетъ быть кто возразить, что послѣдній предметъ слишкомъ мало-важенъ, чтобы видѣть въ словѣ объ одеждѣ что-либо особенное, въ смыслѣ того, о чемъ у насъ теперь рѣчь. Но нужно принять во вниманіе, что для того, чтобы рѣшиться осудить въ глаза все то человѣчество, которое главнымъ образомъ и виновно въ грѣхѣ злоупотребленія естественными требованіями, нужно мужества по крайней мѣрѣ настолько, насколько его требуется, чтобы сказать неприятную правду въ глаза человѣку. Преосвященный Іоаннъ Смоленскій возставалъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ противъ торжествовавшихъ тогда идей и понятій объ общественномъ прогрессѣ, воспитаніи и т. п. Задолго до запрещенія театральныхъ представленій подѣ праздники и въ великій постъ одинъ изъ столичныхъ священниковъ рѣшается въ проповѣдяхъ порицать посѣщеніе театра въ эти дни: очевидно, это не было порицаніемъ „заднимъ числомъ“. Или вотъ еще примѣры. Въ 1872 году одинъ изъ московскихъ проповѣдниковъ позволилъ себѣ самостоятельно отнестись къ ходячимъ понятіямъ о средствахъ благотворенія, и въ частности къ такимъ средствамъ какъ „благотворительныя лоттереи, благотворительныя увеселенія“. По мнѣнію проповѣдника, это— „хулы на христіанскую благотворительность“. „Это — говорилъ проповѣдникъ, матеріалистическая, противухристіанская благотворительность“. „На кускѣ хлѣба для бѣдныхъ, дарованномъ путемъ такого благотворенія—нѣтъ благословенія Божїя; такой кусокъ бѣдныхъ долго не прокормитъ“ и т. д. ¹⁾ Те-

¹⁾ Нѣсколько проповѣдей прот. А. К., Москва, 1873, стр. 131—32.

перь, двѣнадцать лѣтъ спустя, мысль проповѣдника о не надежности средствъ увеселительной благотворительности находить себѣ сочувствіе и въ средѣ самихъ благотворителей изъ общества: въ объявленіи одного благотворительнаго общества мы читаемъ, что „учредители..: не прибѣгаютъ къ обычнымъ приемамъ общественной увеселительной благотворительности — вполнѣ уповая на успѣхъ прямаго обращенія къ чувству христіанскаго состраданія къ бѣднымъ дѣтямъ и желанія придти имъ на помощь“ и т. д. Мы не будемъ утверждать, что это благотворительное общество пришло къ такому рѣшенію подъ вліяніемъ мыслей, высказанныхъ проповѣдникомъ: но мы смѣемъ утверждать, что мысль общественная уже предупреждена церковной каведрой. Въ Петербургѣ такія же точно мысли объ благотворительности высказаны были съ церковной каведры и еще ранѣе—въ 1868 году, хотя—удивительное дѣло—принесли огорченіе мыслителю—проповѣднику. ¹⁾—

---

¹⁾ Священникъ А. Никольскій въ своей проповѣди на день Благовѣщенія, въ Петербургѣ, въ 1868 году, говорилъ: „къ великому прискорбію должно сказать, что весьма многихъ подвиговъ къ пожертвованію въ пользу страждущихъ (отъ голода) не христіанская любовь, а самый грубый чувственный расчетъ. Весьма многихъ можно было расположить дать деньги на хлѣбъ не иначе, какъ устроить для этихъ благотворителей балы, маскарады и лотереи съ заманчивыми выигрышами... Есть ли тутъ что-либо христіанское? спрашивалъ проповѣдникъ. Нѣтъ, это не христіанство, а постыдный торгъ жаднаго празднолюбца“, и т. п.—По доносу одного изъ слушателей этой проповѣди возникло цѣлое дѣло, которое можно читать въ книгѣ: „А. Т. Никольскій, С.-Пб., 1878“, стр. 48—89. Мы не будемъ пересказывать этого дѣла, замѣтивъ только, что вся проповѣдь священн. Никольскаго была выставлена какъ — „возбужденіе бѣдныхъ противъ богатыхъ“.

Въ самое недавнее время въ одной газетной корреспонденці читаемъ: „13-го Марта хоромъ пѣвчихъ въ залѣ мѣстнаго общественнаго собранія данъ былъ духовный концертъ. По случаю этого концерта одинъ изъ городскихъ священниковъ произнесъ проповѣдь, въ которой, приравнявъ духовные концерты къ театральнымъ представленіямъ, указалъ на непристойность исполненія ихъ во время поста: мѣсто гдѣ данъ былъ концертъ (городской клубъ), очертилъ какъ самое грязное и безнравственное, каковою представилъ и посѣщающую его публику“. — Пусть даже и не такъ; во всякомъ случаѣ нельзя отказать этимъ проповѣдникамъ тоже въ смѣлости идти противъ міра, ибо мы указывали на случаи, что идти противъ „невинныхъ городскихъ удовольствій“ иногда значитъ напроситься на непріятность, а во всякомъ случаѣ нельзя отрицать того что эти пастыри исполнили свой долгъ, какъ его понимали. Если-бы позволительно было гордиться въ этомъ случаѣ, мы прибавили бы: „съ гордостью можно сказать“, что задолго до собранія свѣдущихъ людей, одинъ провинціальный священникъ свои проповѣди противъ народнаго пьянства снабдилъ такими статистическими таблицами, доказывающими наглядно степень приносимой кабаку жертвы, которыя, можетъ быть, составлены потщательнѣе, чѣмъ другія подобныя таблицы. ¹⁾ Если-же возразятъ, что, вѣроятно, однако не уменьшилось народное пьянство и въ приходѣ такого пастыря, то повторимъ, что возможная безуспѣшность проповѣди не должна тяго-

---

¹⁾ См. книжки изданныя въ Полтавѣ подъ заглавіемъ: „Пастырскій гласъ. Проповѣди и письма священника П. Затворницкаго, 1874 г.“ Любопытна таблица приложенная къ проповѣди сказанной 4 марта 1876 года.

тить исполнившаго свой долгъ проповѣдника. Если поискать потщательнѣе, то нашлись бы и другіе пастыри, которые не чувствовали страха отъ мысли нанести ущербъ акцизному доходу съ помощію „религіозныхъ угрозъ“, и многіе тогда убѣдились бы, что русскіе пастыри иногда буквально отвоевываютъ себѣ право судить о вопросахъ, по мнѣнію многихъ, въ дѣлѣ церковной каѳедры не подлежащихъ ¹⁾, или

1) Въ общемъ смыслѣ сужденіе объ обязательныхъ задачахъ проповѣди см. въ одной изъ проповѣдей сборника, нами уже цитованнаго: „Нѣсколько проповѣдей протоіер А. К., Москва 1873 г.“, именно проповѣдь на тему: „О церковной проповѣди, требуемой нашимъ временемъ“. „Большинство образованныхъ людей,—говоритъ проповѣдникъ,—склоняется къ той мысли, что церковная проповѣдь должна не руководствовать людей извѣстнаго времени, а идти за временемъ, и не только примѣняться къ нему во внѣшнихъ приѣмахъ, но и соглашаться съ нимъ въ самомъ рѣшеніи вопросовъ современныхъ“ (стр. 94). Но такъ ли это должно быть, и какъ думаютъ сами наши пастыри о задачахъ своей проповѣднической дѣятельности? Не обинуясь можемъ сказать, что въ пониманіи истинныхъ задачъ и цѣлей пастырскаго слова нашимъ проповѣдникамъ не только нельзя отказать, но за ними должно признать и то, что—точка зрѣнія на эти задачи и цѣли у нихъ часто совершенно независимая ни отъ заученныхъ школьныхъ положеній, ни отъ тѣхъ вѣяній современности, которымъ такъ легко все поддается. Въ доказательство мы приведемъ мнѣнія того провинціального проповѣдника, о которомъ мы упомянули выше—о Затворницкаго. Такъ проповѣдникъ этотъ, съ извѣстной точки зрѣнія, считаетъ предметомъ церковной проповѣди даже—вопросы экономическіе. „Употребленіе внѣшнихъ средствъ, или то, куда и какъ мы расходуетъ денежные и хозяйственные достатки, есть не экономическій только или хозяйственный вопросъ, но составляетъ вмѣстѣ и предметъ церковный, нравственно-религіозный, достойный общаго вниманія чадъ православной Церкви и необходимый для разъясненія его со стороны пастырской, духовно-руководительной!“ (См. указ. кн. в. I. стр. 182—3). Часто говорить: скучна наша проповѣдь! Дѣйстви-

если и подлежащихъ, то только съ извѣстнымъ опредѣленнымъ рѣшеніемъ. Это, повторяемъ, во всякомъ случаѣ показываетъ, что не ко всему русскому паству можетъ относиться извѣстный намъ упрекъ Златоуста въ недостатокъ дерзновенія до послѣдней крайности; точно также нельзя утверждать, что проповѣдники наши совсѣмъ не употребляютъ усилий обновлять міръ словомъ евангельской истины. Если ко-

---

тельно не весела, отвѣчаетъ этотъ проповѣдникъ: „на долю настоящаго времени пастырской проповѣди достается не столько благовѣствованіе, сколько горевѣствованіе“. Но почему? Потому, что „служитель алтара (въ настоящее время) бываетъ въ необходимости возвѣщать не столько о великихъ дѣлахъ Божіихъ, сколько о нечестивыхъ поступкахъ человѣческихъ!“ Между тѣмъ люди настоящаго времени, по наблюденію этого проповѣдника, именно и не хотятъ того, чтобы съ церковной кафедры возвѣщались ихъ нечестивые поступки и вслѣдствіе того — или начертываютъ свои программы для проповѣди, или пастырямъ приходится, какъ мы замѣтили, отвоевывать себѣ право судить о томъ, о чемъ долготъ призываетъ ихъ судить. Но и воевать приходится не всегда съ желательнымъ успѣхомъ, ибо „разоблачаемыя болѣзни души не рѣдко возбуждаютъ противъ проповѣдника неблагожеланія, осужденія и даже неприязнь. Правдивенно большимъ не хочется разстаться со своими болѣзнями и на проповѣдника падаетъ отъ нихъ вся тяжесть бѣды: его называютъ несовременнымъ человѣкомъ и строгимъ пастыремъ, проповѣдующимъ какія-то неудобноисполнимыя правила «(ibid. стр. 128).—Обратимъ вниманіе здѣсь еще на то, что на разныхъ концахъ Россіи мы видимъ одну и ту же жалобу русскаго пастыря, которую указали и прежде:—это „неблагожеланія, осужденія и даже неприязнь“ къ пастырю, когда онъ является учителемъ. „Будьте, братія, — вынужденъ былъ сказать тотъ же проповѣдникъ—слушателями и учащимися *на самомъ дѣлѣ*, а не судіями достоинства проповѣди и цѣнителями способностей проповѣдника! Смотрите на проповѣдь не какъ на искусство проповѣдника, но какъ на дѣло, относящееся къ вашему назиданію въ вѣрѣ!“ (ibid. II. 2:20).

му либо покажется, что мѣра этого дерзновенія и этихъ усилій недостаточна, а также что и результаты этихъ усилій малы, то въ этомъ случаѣ не нужно ли опять припомнить слова Златоуста о томъ, что о пастырѣ нельзя судить какъ объ ангелѣ, чтобы ничто ему приключающееся не отзывалось на его дѣятельности и чтобы все ему удавалось? А относительно возможной недостаточности результатовъ пастырскихъ усилій не нужно ли обратить вниманіе на слѣдующія слова одного изъ почтенныхъ русскихъ пастырей: „учительно-воспитательное значеніе проповѣди принадлежитъ ей по справедливости. Но такъ какъ мы не всегда уважаемъ законъ и не всегда любимъ справедливость; такъ какъ между нами находятся не только почитатели священно-проповѣдническаго слова, но и противники его, то намъ ли немощнымъ проповѣдникамъ остановить зло, коренящееся въ жизни общественной и частной? Намъ ли слабымъ провозвѣстникамъ покаянія одолѣть зло, такъ сильно развивающееся и такъ неудержимо умножающееся? Господь повелѣлъ и повелѣваетъ намъ проповѣдывать, учить и наставлять. Но насъ заурядныхъ проповѣдниковъ не слушаютъ и намъ простымъ пастырямъ не внимаютъ. Что же необходимо предпринять, чтобы наставить народъ, заставить жить истиною и правдою“? ¹⁾ Поставленнымъ вопросомъ, кажется, и должны бы заняться всѣ тѣ, которые во всемъ видятъ только вину духовенства.

О Проторіей І. Яхонтовъ въ недавно вышедшей брошюрѣ ²⁾, въ справедливомъ удивленіи къ древнерусскому проповѣднику самородку говорить: „если

1) О. Затворницкій, II, стр. 221—222.

2) «Русскій проповѣдникъ XVII вѣка», С.-Пб. 1883 года.

въ древней Руси такой самородокъ былъ, то могутъ быть подобные ему и въ наше время. Весьма полезно было бы рѣшить вопросы: что содѣйствуетъ появленію, росту и процвѣтанію такихъ талантовъ и что препятствуетъ ихъ развитію“. Мы думаемъ, что въ самой брошюрѣ о Яхонтова есть отчасти отвѣты на эти вопросы, отвѣты, изъ которыхъ можно вывести нѣкоторыя заключенія даже и въ примѣненіи къ настоящему времени. Такъ древне-русскій проповѣдникъ вступилъ въ званіе „для прокормленія жены и дѣтей“ —явленіе весьма обычное. Но что не совсѣмъ обычно даже и для настоящаго времени, это дальнѣйшія условія его пастырской жизни и дѣятельности. „Благодать Божія,—говоритъ проповѣдникъ, возвѣстила обо мнѣ благородному боярину Григорію Дмит. Строганову. Онъ священникъ чинъ весьма любилъ, служителей церковныхъ питалъ, всячески ихъ удовлетворялъ и во многой чести имѣлъ. Онъ обогатилъ церковь всякимъ довольствомъ, *книги* и ризъ далъ ей съ избыткомъ“. Оставимъ упоминаніе проповѣдника о томъ, что этотъ господинъ — „съ честію принялъ его какъ настоящаго отца, оказалъ ему великую покорность и во всемъ охотно слушалъ его“, но „и всѣмъ домочадцамъ своимъ строго заповѣдалъ, чтобы въ великой чести имѣли меня грѣшнаго“, говоритъ проповѣдникъ. „Онъ отдалъ въ мою власть и управленіе церковь. Убѣждалъ онъ меня и учить людей въ церкви Божіей, потому что весьма любилъ онъ слышать поученія отъ Божественнаго Закона“. Обратимъ вниманіе также и на два слѣдующія обстоятельства: объяснивъ, что онъ, проповѣдникъ, по своей малой образованности не могъ дѣлать такъ, какъ дѣлали, слышалъ онъ, по другимъ городамъ „умные священники“ — „слагать поученія своимъ смысломъ“ —проповѣдникъ дѣлаетъ въ видѣ

признанія, что онъ — „собралъ многія правоученія Златоустаго изъ разныхъ его бесѣдъ, кратко излагалъ ихъ своими словами, подводилъ подъ одинъ предметъ, какъ умѣлъ и какъ требовала немощь многихъ слушателей. Заимствуя многое изъ Златоуста ¹⁾, проповѣдникъ проникся и духомъ Златоуста — духомъ свободы, во всякомъ случаѣ духъ рабствованія у него не имѣетъ мѣста. Стоитъ посмотрѣть на нѣкоторыя изъ бесѣдъ стариннаго русскаго проповѣдника, чтобы увидѣть, что такая проповѣдь возникла на почвѣ свободы проповѣдническаго слова и независимости самого проповѣдника отъ какихъ либо соображеній и присматриваній,—что проповѣдникомъ руководитъ одно: онъ говоритъ отъ „Божественнаго писанія“ ²⁾. Если теперь сравнить положеніе этого самородка проповѣдника ³⁾ съ положеніемъ и усло-

---

1) Мы не пытались подробно изслѣдовать степень заимствования стариннымъ русскимъ проповѣдникамъ Златоустовскихъ мыслей. Но и безъ собственнаго сознанія автора «статира» ясно видно, что онъ несомнѣнно находился подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Златоуста. Очевидный перифразъ мыслей встрѣчается напримѣръ на стр. изданія о. Яхонтова 71—72, 84, 88, 93, 95, 97—8. 152—3. Чисто Златоустовскій приемъ собесѣдованія см. на стр. 115. Поэтому едва ли не первой ученой работой надъ «статиромъ» должно быть—выдѣленіе собственно авторскаго отъ заимствованнаго у Златоуста въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ «статира» не указываетъ источника заимствованія.

2) Мы уже замѣчали, что все оригинальное древне-русское проповѣдничество отличается тѣмъ, что относится къ жизни гораздо менѣе стѣсняясь, чѣмъ настоящее проповѣдничество. Отъ этого, быть можетъ, древне-русскія проповѣди часто имѣютъ болѣе интереса, чѣмъ даже многія изъ современныхъ проповѣдей.

3) Мы впрочемъ употребляемъ выраженіе: самородокъ въ отношеніи къ автору «статира» только примѣнительно къ существующимъ о немъ мнѣніямъ. Съ своей-же стороны ду-

віями быта нашихъ проповѣдниковъ, то сравненіе будетъ не въ пользу этихъ послѣднихъ. Но проводить это сравненіе мы не будемъ, потому что читатель въ приведенныхъ выше фактахъ можетъ найти самъ достаточный матеріалъ, оправдывающій наше заключеніе. Теперь же займемся однимъ вопросомъ, котораго мы до сихъ поръ еще не касались: именно — чего можно пожелать для успѣшности русскаго церковнаго учительства, — кромѣ конечно устраненія тѣхъ условій общественнаго и служебнаго быта пастырей, которыми мы занимались, — пожелать, если можно такъ выразиться, не со стороны, но отъ самихъ себя, или по крайней мѣрѣ съ той стороны, къ которой общество внѣшнее соприкосновенія не имѣетъ. Естественно, что здѣсь долженъ выступить вопросъ, какъ мы приготавливали и приготавливаемъ будущихъ проповѣдниковъ.

Недавно въ повременной литературѣ были высказаны относительно занимающаго насъ вопроса двѣ мысли, по вытекающимъ изъ нихъ слѣдствіямъ, диаметрально противоположныя: съ одной стороны утверждаютъ, что достаточно и того, чтобы отыскивать и давать ходъ уже готовымъ талантамъ среди современнаго духовенства; стало быть, все, что можно пожелать для дѣла нашего проповѣдничества со стороны такъ сказать внутренней церковной политики, это — усердіе въ изысканіи талантовъ. Съ дру-

---

маемъ, что если выраженіе это понимать такъ, что будто авторъ «статира» рѣшительно *не учился* проповѣдывать, это представленіе будетъ несправедливымъ: «самородокъ» этотъ прошелъ такую школу, пройти которую можно пожелать и современнымъ проповѣдникамъ — это школу знакомства съ отеческими твореніями, о значеніи каковой школы для дѣла проповѣди мы будемъ говорить ниже.

гой стороны утверждаютъ, что о талантахъ теперь еще не можетъ быть и рѣчи—потому будто, что настоящее положеніе дѣла еще таково, что, напримеръ, „едва ли кому изъ сельскихъ пастырей приходится и въ голову справиться: вѣдомы ли его духовнымъ дѣтямъ хотя Отче Нашъ и Символь Вѣры“, откуда, разумѣется, вытекаетъ прямой выводъ: едва ли еще въ нашемъ духовенствѣ получила право гражданства самая мысль о необходимости церковно-учительства ¹⁾, и, стало быть, для дѣла нашей пропо-

---

1) Газета Русь, 1884 г., № 13. — Авторъ цитируемой въ указанномъ № газеты статьи замѣчаетъ, будто читая недавно помѣщенный въ Русскомъ Вѣстникѣ записки Н. П. Гиларова-Платонова, гдѣ рисуется бытъ духовенства начала настоящаго столѣтія, можно поражаться «отсутствіемъ всякаго идеализма, всякаго намека на высшія задачи своего званія». Это неправда: газета забываетъ, что главное дѣйствующее лицо — типъ чистѣйшаго идеалиста, и по выходѣ изъ семинаріи все еще живущаго книгами, —читающаго отвращеніе къ физическому труду, вслѣдствіе чего семьѣ угрожаетъ чуть не голодъ. Правда, идеалистъ этотъ, по несомнѣнно правдивому разсказу автора воспоминаній, не пишетъ проповѣдей, смотритъ на нихъ какъ на повинность и дѣйствительно, не помышляетъ о томъ, чтобы учить. Но нужно принять во вниманіе и тѣ части разсказа, въ конхъ идетъ рѣчь о помѣщикѣ одѣвающимъ своего священника въ шелковые чулки и—съ презрительнымъ снисхожденіемъ показывающемъ ему двери, тогда какъ священникъ этотъ предпочитаетъ мужицкій тулупъ; — о коломенскомъ воротилѣ, предъ которымъ священнику было не до учительства и т. п., то есть всю ту обстановку должностной и домашней жизни, на которую мы указывали, какъ на историческое наслѣдіе быта духовенства и качества каковаго наслѣдія мы уже имѣли случай не только указать, но и опредѣлить его значеніе для дѣла проповѣди. Намъ кажется, скорѣе должно удивляться, какъ можно было сохранить въ себѣ при такой обстановкѣ жизни и службы тѣ наклонности къ умственному труду, любовь къ литературѣ, которыми несомнѣнно отличалось наше

вѣди требуется нѣчто болѣе сложное, чѣмъ усердіе въ отысканіи готовыхъ талантовъ. Но по нашему мнѣнію—первое, т. е. сосредоточеніе усердія главнымъ образомъ на отысканіи талантовъ, излишне, а второе, т. е. будто у насъ нѣтъ никакой почвы для проповѣдничества въ самыхъ умахъ проповѣдниковъ, ложно. Излишне потому, что таланты не только найдутся, но уже и находятся—лишь только съ половины настоящаго столѣтія проповѣдь получила право гражданства въ умахъ (и это главное) самаго русскаго общества, при чемъ, конечно, мы разумѣемъ не проповѣдниковъ соединяющихъ при обязанности учительства право блестять острою ума и слова, (такіе ораторы, какъ показываетъ исторія проповѣдничества, появляются и дѣйствуютъ при всякихъ условіяхъ), а церковныхъ учителей въ собственномъ и болѣе подлинномъ смыслѣ, которыми, какъ мы замѣтили, и можетъ только держаться христіанское просвѣщеніе ¹⁾). Въ этомъ не—отсутст-

---

старинное духовенство. Что бы ни говорили тамъ, но уже тѣмъ, что эти склонности духовенство передавало своимъ дѣтямъ, оно сослужило свою службу русскому образованію.

¹⁾ Относительно недавнихъ разсужденій той же газеты Русь (1884 г., № 13) по вопросу о томъ: „что нужнѣе: церковно-приходская школа съ уроками Закона Божія, или церковно-приходская каедрa“, разсужденій признаваемыхъ иными за несовсѣмъ основательныя, можно сказать что—какъ разсужденія эти, такъ и стремленіе опровергнуть ихъ суть результатъ чистаго недоразумѣнія. Какъ извѣстно, газета эта относительно поставленнаго ею же вопроса разсуждаетъ, что, пожалуй «правильнѣе было-бы озаботиться напередъ возстановленіемъ самаго пастырства въ его истинномъ видѣ — чтобы прямыя обязанности пастыря и учителя исполнялись рачительно,—чтобы онъ училъ въ храмѣ собственнымъ пастырскимъ словомъ», и что—„учрежденіе церковно приходскихъ школъ не устранилъ вопіющей нужды въ приходскихъ каедр-

ви достаточнаго числа людей правильно понимающихъ и выполняющихъ дѣло церковнаго учительства убѣдиться не трудно: стоитъ только посмотрѣть то не малое количество проповѣдническихъ сборниковъ, изданныхъ въ послѣднее время рядовыми священниками, чтобы видѣть, что въ разныхъ концахъ нашего отечества и думаютъ о дѣлѣ проповѣди, и дѣлаютъ это дѣло хорошо. По епархіальнымъ же извѣстіямъ нѣкоторые изъ пастырей въ проповѣдническое служеніе вводили ввѣщественныя собесѣдованія, гдѣ заботы о просвѣщеніи народа расширялись до объясненія движенія земли вокругъ солнца ¹⁾, при чемъ можно сказать, что это дѣлалось во имя любви къ народному просвѣщенію и съ не малымъ трудомъ, такъ какъ оказывается, что многіе изъ священниковъ только послѣ долготныхъ опытовъ пришли къ наилучшему методу собесѣдованія. Во всякомъ случаѣ почва для упроченія у насъ проповѣди есть, что бы

рахъ“. Недоразумѣіе, отъ котораго разсужденія эти инымъ кажутся парадоксальными и подлежащими спору, состоитъ въ томъ, что «каедру церковную» разумѣютъ не какъ „каедру учительскую“, а какъ каедру ораторскую. Для того, чтобы *послѣдняя* приносила плоды и даже для того, чтобы явился интересъ къ ней, несомнѣнно нужнѣе прежде школа, какъ пріуготовительное средство (о чемъ и разсуждаетъ статья Церков. Вѣстн. отъ 11 авг. 1884 года). Но существованіе „каедры церковной“ само по себѣ дѣлаетъ церковь школою Закона Божія, разумѣется, когда учительство церковное поставлено правильно, но съ тѣмъ несомнѣннымъ преимуществомъ, что кругъ дѣйствія этой школы шире и непосредственнѣе, нежели школы ввѣщественныя. Оттого то древніе отцы церкви прямо и называли церковь школою для наученія христіанскимъ истинамъ, а церковное учительство приравнивали къ школьному учительству. См. образное изображеніе пріемовъ этой церковной школы у Златоуста въ Бесѣд. къ Ант. народу, нач. 4 бесѣды.

1) Ввѣщественныя собесѣдованія Маврицкаго, стр. 92.

ни говорили о томъ, будто самъ народъ не любитъ проповѣдей и не любитъ не безъ основанія ¹⁾, будто духовенство безсознательно, но разумно (другая крайность!) не усиливается такъ сказать нудить народъ къ слушанію своихъ проповѣдей и т. п. ²⁾. Но эта

---

1) Это—распространенное мнѣніе, что „составъ богослуженія у насъ представляетъ такую краснорѣчивую катехизацію, что личное велерѣчіе пастыря можетъ предъ нею смолкнуть безъ ущерба—вѣрѣ и благочестію“. См. Совр. Извѣстія 1884 г. № 183.

2) Тѣ же Современныя Извѣстія разсуждаютъ: „со времени духовной школы церковное правительство, подъ вліяніемъ лютеранскаго богословія (только?) внушало, что цѣль всего процесса духовной школы есть приготовленіе проповѣдниковъ. Но какіе плоды двухсотлѣтнихъ усилій? Привилась-ли проповѣдь? Нѣтъ, народъ не призналъ и до сихъ поръ не признаетъ проповѣди неотъемлемою принадлежностью богослуженія, да трудно и отвѣтить, нужно-ли переламывать неохоту духовенства проповѣдничествовать и *неохоту народа слушать* проповѣдь“. Если такъ,—то мы встрѣчаемся съ весьма серьезной стороною вопроса, хотя въ то-же время, если имѣть въ виду апологетическую цѣль оправданія духовенства въ неохотѣ, будто-бы, проповѣдывать, стороною такъ сказать союзной: это—народная антипатія къ проповѣди, какъ одно изъ самыхъ неблагопріятныхъ условий для нашего проповѣдничества, которую (антипатію) духовенство побѣдить не въ силахъ, но въ существованіи которой современное духовенство такъ-же мало виновато, какъ въ направленіи всего церковнаго строя.—Но «неохота народа слушать» (какія однако разнообразныя мнѣнія о народѣ!)—совсѣмъ дѣло выдуманное. Замѣчательно, что многое можно читать относительно все болѣе и болѣе развивающагося дѣла проповѣдничества; но никогда нельзя вычитать, что-бы народъ тяготился пастырскимъ словомъ. «Никогда даже я себѣ не могъ и представить,—говоритъ одинъ священникъ,—съ какою охотою и въ какомъ количествѣ началъ ходить народъ на мои бесѣды», лишь только пастырское учительство приняло характеръ постоянства, а не случайности. Но допустимъ, что мнѣніе о неохотѣ народа къ проповѣди справедливо, что и въ

почва требуетъ опытныхъ дѣлателей, во всякомъ случаѣ съ опытностію большею, чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ, считая возможнымъ совершать дѣли учительства, по одному такъ сказать, непосредствен-

самомъ дѣлѣ двѣсти лѣтъ усилій не могли привить проповѣдь ко вкусамъ народа. Дѣйствительно-ли однако въ эти двѣсти лѣтъ народъ слышалъ проповѣдь и все-таки не вошелъ въ ея вкусъ? Въ томъ-то и дѣло, что народъ сталъ слышать проповѣдь какіе нибудь 20 — 30 лѣтъ, а до сего времени «народъ» не всегда и допускали въ тѣ храмы, гдѣ была проповѣдь: тамъ бывала только „публика“. Да притомъ — какое ничтожное количество было въ продолженіи этихъ двухъ-сотъ лѣтъ храмовъ съ учителемъ по отношенію къ количеству храмовъ безъ учителя! Народъ, стало быть, совсѣмъ тутъ ни при чемъ. Нельзя правда не замѣтить въ народѣ нашемъ наклонности понимать благочестіе, какъ нѣчто въ родѣ *opus operatum*, т.-е. что народъ стремится болѣе «отстоять» богослуженіе чѣмъ „прослушать“, — какъ замѣчаетъ газета Русь, — или, замѣтимъ мы, болѣе „отстоять“, чѣмъ научиться и измѣнить свою обрѣденную жизнь по христіанскому идеалу. Это, конечно, съ одной стороны объясняется свойственной и всему человѣчеству наклонностію облегчать себя въ исполненіи своихъ обязанностей, а конечно посѣщеніе богослуженія легче того самоотверженія и той добродѣтели, которыхъ требуетъ христіанство. Но, съ другой стороны, — не составляетъ-ли эта самая наклонность и эти народныя понятія о благочестіи результата отсутствія учительности въ періодъ большей части нашей исторіи, и должно-ли поэтому возводить народныя понятія въ норму церковной жизни? Конечно, могутъ сказать: все равно и тамъ, гдѣ богослуженіе «слушаютъ», а не «отстаиваютъ», и гдѣ даже и слушать почти нечего, кромѣ проповѣди, и гдѣ слѣдовательно понятія о благочестіи должны-бы быть иныя, мы не видимъ, чтобы благочестіе было выше, — по крайней мѣрѣ ученые бесплодно старались разрѣшить вопросъ: чья нравственность выше — католиковъ «отстаивающихъ» мессы, или «слушающихъ» протестантовъ. Но это возраженіе въ существѣ дѣла уже сводится къ тому: вытекаетъ-ли существованіе проповѣди изъ необходимыхъ требованій христіанства, или оно

ному чутью, по методу подсказываемому самой природой. Относительно этого вопроса, т. е. относительно должнаго и — *дѣйствительно существующаго* приготовления нашихъ пастырей къ дѣлу проповѣдничества и должно подумать.

Въ чемъ состояло и состоитъ приготовленіе къ проповѣдничеству нашихъ кандидатовъ на пастырство и каково по своему качеству это приуготовленіе?

Иные считаютъ, что приуготовленія собственно къ пастырскому проповѣдничеству у насъ до сихъ поръ не было, такъ какъ духовное образованіе преслѣдовало совсѣмъ не идеаль пастыря проповѣдника.

есть нѣчто случайное? Если мы рѣшимъ, что проповѣдь есть нѣчто случайное, и въ особенности если будемъ утверждать, что проповѣдь не вліяетъ на состояніе христіанскаго благочестія и нравственности, то, конечно, тогда не стоитъ усиливаться подражать инославнымъ исповѣданіямъ, возлагающимъ, повидимому, большія надежды на проповѣдь, какъ на средство поддержанія благочестія и нравственности. Но мы думаемъ, что не должно соблазняться и считать доказательствомъ ненужности проповѣди тотъ фактъ, что опытъ исторіи христіанскихъ народовъ, повидимому, доказываетъ безразличіе существованія проповѣди: если думать такъ, то пришлось-бы думать, что и распространеніе Слова Божія—дѣло безразличное. Ибо гдѣ доказательства (въ особенности осязательныя, какихъ требуютъ отъ проповѣди) того, что въ странахъ, гдѣ библія имѣется въ каждомъ домѣ, христіанство глубже проникло въ жизнь, чѣмъ у насъ, у которыхъ библія въ домѣ часто не бываетъ, и которые читать ее часто не умѣемъ? — Но отсутствіе точныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для безошибочнаго отвѣта на этотъ вопросъ, не можетъ освободить насъ отъ обязанности просвѣщать христіанскій народъ средствами, указываемыми не только церковнымъ преданіемъ, но и Словомъ Божиимъ. — Вотъ почему, по нашему мнѣнію, ни видимая неохота народа слушать проповѣди, ни видимый опытъ другихъ исповѣданій не должны колебать увѣренности въ важности существованія церковной проповѣди.

Извѣстный намъ г. Вессель еще только ожидаетъ, что православные іерархи своимъ примѣромъ неустаннаго проповѣдничества проведутъ этотъ взглядъ „въ наши духовно-учебныя заведенія, и они будутъ готовить своихъ питомцевъ дѣйствительно къ пастырскому служенію“. Газета Русь разсуждаетъ: „хотите учить и воспитывать народъ посредствомъ приходскихъ священниковъ—перевоспитайте пастырей“.—Какъ перевоспитать, на это отвѣчаютъ Современныя Извѣстія: „весь курсъ духовныхъ училищъ и семинарій направьте къ тому, чтобы воспитанникъ видѣлъ себя приготовляемымъ къ обязанности учителя народа и къ тому дѣйствительно приготовлялся“, для чего, по мнѣнію газеты „можно даже отложить многія богословскія тонкости. Во времена митрополита Платона и мелькнула было эта задача духовнаго воспитанія: приготовить *praedicatorem verbi divini* признавалось послѣднею цѣлію; верхомъ достоинства признавалась складная проповѣдь, изложенная по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства. Но въ этомъ-то и была ложь: типомъ взятъ былъ „проповѣдникъ слова Божія“, въ смыслѣ лютеранскаго пастора. А намъ нужно совсѣмъ другое:—пастырь съ живымъ простымъ словомъ, проповѣдующій благовременнѣ и безвременнѣ“.—Мы не будемъ придавать много значенія противорѣчіямъ, въ какія часто впадаетъ ежедневная пресса и даже иногда—одна и та же статья. Но мы не можемъ не раздѣлять въ принципѣ того мнѣнія, что—съ одной стороны задачи духовнаго воспитанія должны настойчивѣе клониться къ приготовленію именно „проповѣдниковъ слова Божія“, (въ этомъ нѣтъ лики, какъ думаютъ Совр. Извѣстія, а ложь или, правильнѣе, ошибка заключается въ другомъ); но съ другой: должны измѣниться самые способы этого пригото-

ленія.—Большая настойчивость въ приготовленіи пастырей къ проповѣдничеству теперь, какъ извѣстно, нѣсколько уже и выразилась въ новомъ уставѣ духовныхъ Академій, гдѣ теоріи и учебной практикѣ проповѣдничества отведено болѣе видное мѣсто—для первой возведеніемъ ея въ самостоятельную кафедру, а для второй увеличеніемъ количества учебныхъ проповѣдей, (хотя въ тоже время убавленіе занятій по наукѣ проповѣдничества по новому уставу Семинарій, повидимому, не совсѣмъ согласуется съ этой теоріей).—Большая настойчивость въ дѣлѣ приуготовленія будущихъ пастырей къ проповѣдничеству конечно даетъ возможность возлагать надежды на будущее. Но нельзя утверждать, чтобы мысль о приуготовленіи къ проповѣдничеству совсѣмъ не имѣла мѣста и въ нашемъ прошедшемъ. Къ этому прошедшему мы и обратимся.

Какъ мы видели, неправильность въ дѣлѣ приуготовленія нашихъ проповѣдниковъ иные полагаютъ въ томъ, что будто бы задачей нашего духовнаго образованія поставлено было приуготовленіе лютеранскихъ „проповѣдниковъ слова Божія“, а не пастырей, имѣющихъ бесѣдовать попросту, благовременнѣ и безвременнѣ. Если-бы дѣйствительно идеаломъ пастыря былъ поставленъ лютеранскій пасторъ, то-это было-бы ошибкой. Но если-бы этимъ идеаломъ дѣйствительно было приуготовленіе „проповѣдниковъ слова Божія“, то это будетъ самое большее, чего можно пожелать духовному образованію. Къ сожалѣнію—именно задача приуготовленія проповѣдниковъ Слова Божія мало имѣлась въ виду при постановкѣ духовнаго образованія, начиная съ того самаго времени какъ это образованіе приняло правильный характеръ школьнаго обученія. Иногда дѣйствительно высказываема была, при томъ и внѣ

школы, мысль, что задача проповѣди есть насажденіе въ умахъ и сердцахъ Слова Божія. Въ одинъ изъ періодовъ исторіи перевода Библии на русскій языкъ появилось возраженіе противъ этого перевода въ томъ именно смыслѣ, что не всегдашняя удобопонятность славянскаго текста, выставляемая какъ причина желательнаго перевода, должна *восполняться проповѣдію*, при чемъ указываемо было, что-такъ именно поступали и отцы церкви. „Для того, чтобы для народа—писаль пр. Филаретъ Амфитеатровъ—было насколько возможно понятно Св. Писаніе, отцы церкви старались изяснять смыслъ священныхъ словъ въ церковныхъ поученіяхъ, отнюдь не помышляя о переводѣ писанія на народный языкъ“. Значить — проповѣдь не только должна-бы существовать, но и существовать какъ проповѣдь Слова Божія. Къ сожалѣнію опять такая мысль высказана была въ качествѣ только аргумента противъ не нравившагося предпріятія перевода Библии, и притомъ сравнительно „недавно, — уже въ половинѣ настоящаго столѣтія. Въ началѣ-же столѣтія не о проповѣди Слова Божія, какъ задачѣ пастырскаго служенія, мыслили приготавливашіе и приготавливаемые къ проповѣдничеству, а мыслили о проповѣди какъ объ *искусствѣ* ораторскомъ, послѣднею цѣлію котораго была умѣнье *потрясать души*. Собразно сему понятіе о средствахъ церковнаго учительства иногда доходило до смѣшнаго. Извѣстный архимандритъ Фотій Спасскій рассказываетъ, что въ первомъ десятилѣтіи настоящаго столѣтія думали, что будущимъ проповѣдникамъ не мѣшаетъ иногда сходить въ театръ „для навыка свободному произношенію и дѣйствию,“ разумѣтся въ будущемъ проповѣдываніи. И Фотій справедливо, разумѣтся, не довѣрялъ, будто и м. Филаретъ раздѣлялъ подобныя

мысли ¹⁾. Мы не имѣемъ здѣсь возможности подробно показать отличительныя черты гомилетической теоріи, господствовавшей въ нашихъ духовныхъ школахъ, по каковымъ теоріямъ очень можно-бы судить объ образѣ пониманія всего дѣла проповѣдничества: но укажемъ только на слѣдующіе факты изъ исторіи у насъ гомилетическихъ воззрѣній. Кажется, — должно будетъ признать, что въ половинѣ прошлаго столѣтія русское проповѣдничество начинало было устроиться, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ его представителяхъ, по образцу, намѣченному Духовнымъ регламентомъ, а образцу этому нельзя будетъ отказать по крайней мѣрѣ въ трезвости взгляда на дѣло. Какъ извѣстно, Духовный Регламентъ изъясненіе Слова Божія полагаетъ *главнымъ матеріаломъ* для проповѣди, а пособіемъ къ этому — творенія отцовъ — съ яснымъ при томъ намекомъ, что для проповѣдническаго изъясненія Слова Божія лучше-

---

1) См. ст. И. Н. Корсунскаго о проповѣднической дѣятельности Филарета, митр. московскаго въ журн. „Вѣра и Разумъ“ № 15, стр. 142. Н. П. Гиларовъ-Платоновъ рассказываетъ также, что во времена московскаго митрополита Платова (+ 1812) воспитанниковъ академіи «посылали къ лучшимъ театральнымъ артистамъ на обученіе декламациі.— До моего времени, — говоритъ онъ, — сохранился діаконъ, другъ знаменитаго Мочалова, сведшій дружбу со знаменитымъ артистомъ именно ради проповѣдей и проповѣдями потрясавшій слушателей — проповѣдями чужими, изъ которыхъ выбиралъ онъ тѣ, которыя были по театральнѣ». Г. Гиларовъ представляетъ, что „со вступленіемъ Филарета декламациа кончилась“ (Русск. Вѣстн. 1884, № 11, стр. 229), и это неудивительно: официальными данными подтверждается, что митрополитъ Филаретъ штрафовалъ московскихъ проповѣдниковъ въ своемъ проповѣдническомъ дѣйствованіи очень много подражавшихъ театральнѣ декламациі, см. наприм. Сборникъ по случаю юбилея, т. I, стр. 169.

бы всего „прилежно чести книги св. Іонна Златоустаго.“ И дѣйствительно, при изъясненіи мѣстъ Писанія или въ доказательство своихъ мыслей проповѣдники половины прошлаго столѣтія приводили мѣста чаще всего изъ сочиненій Св. Іоанна Златоуста ¹⁾. Къ началу настоящаго столѣтія въ сѣверныхъ средоточіяхъ русскаго образованія (Москвѣ и Петербургѣ) начинаютъ появляться и первыя формальныя теоріи проповѣди, оригинальныя и переводныя ²⁾, причемъ на ряду съ теоріями спеціальными, т. е. прямо посвященными проповѣди, являются теоріи такъ сказать смѣшанныя, т. е. такія, въ которыхъ проповѣдь разсматривается по толику, по колику она считается однимъ изъ видовъ словесныхъ произведеній. Таковы, напримѣръ, хотя въ концѣ прошлаго столѣтія не напечатанныя, но ходившія во множествѣ списковъ „Правила высшаго краснорѣчія,“ Сперанскаго, читанныя имъ въ качествѣ профессора С.-Петербургской Александроневской Семинаріи. Не взирая впрочемъ на появленіе въ печати спеціальныхъ руководствъ по теоріи проповѣди, самостоятельное мѣсто этой теоріи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ дано только при преобразованіи Академій въ 1814 году, причемъ теорія проповѣди получила названіе „науки церковнаго краснорѣчія;“ до этого же времени такая наука, какъ нѣчто самостоятельное, не была извѣстна питомцамъ, хотя-

---

¹⁾ Исторія Слав. Грек. Латинской акад. М. 1855 г., стр. 119.

²⁾ „Руководство къ ораторіи російской, сочиненное въ Лаврской семинаріи“, М. 1778 г.; „Размышленія о краснорѣчии вообще и особенно о проповѣдическомъ“, *Трубета*. „Руководство къ церковному краснорѣчію“, С.-Пб. 1804 г. „Способъ, которымъ можно учить и обучаться словеснымъ наукамъ“. С.-Пб. 1789 г. и нѣкот. др.

бы, напрімѣрь старой Славяно-Греко-Латинской Академіи ¹⁾). Но должно обратить вниманіе вотъ на какое обстоятельство: изо всей литературы по теоріи проповѣди видно, что въ понятіяхъ о проповѣди, ея должномъ направленіи, цѣляхъ и средствахъ, наконецъ даже образцахъ—во всемъ этомъ лежала уже мысль, уклоняющаяся отъ возрѣній Духовнаго Регламента, это именно мысль, что проповѣдь—не есть такъ сказать будничное учительство, а торжественная рѣчь, параллельная рѣчамъ другихъ родовъ. Такъ возьмемъ хотя напрімѣрь „Правила высшаго краснорѣчія“ Сперанскаго. Исходнымъ пунктомъ „Правилъ“ служитъ мысль, что „церковная кафедра“ есть нѣчто параллельное „философской кафедрѣ,“ при томъ различіи, это съ одной (философской) „говорятъ уму,“ а съ другой (церковной) „говорятъ сердцу.“ И Сперанскій, вслѣдствіе понятія объ исключительной принадлежности церковной кафедры „дѣйствовать на сердце,“ почти не признаетъ существованія такъ сказать дидактической проповѣди, хотя, въ сферѣ церковной и есть предметы умственно теоретическіе, каковы догматы: ибо по мнѣнію Сперанскаго „сочинить проповѣдь о какомъ нибудь догматѣ—значитъ собрать мѣста священнаго Писанія его утверждающія. Но свестъ сіи мѣста собственно говоря дѣло катехизиса а не проповѣди“: значитъ въ понятіе о проповѣди дидактической элементъ *собственно говоря* не входитъ. Тоже самое разсужденіе прилагается и къ вопросамъ нравственнымъ. „Нравственныя истины—просты и извѣстны всемъ. Итакъ, слушатель приходитъ въ церковь съ готовою истиною, но сія истина въ немъ мертва,—дѣло проповѣдника оживить ее. Слушатель можетъ чувствовать ее, но

---

1) Исторія Москов. Дух. Акад. М. 1879 стр. 68.

не чувствует; дѣло проповѣдника заставить чувствовать ее. Умъ его въ ней увѣренъ; но надобно раздуть въ немъ страсти, надобно говорить его сердцу..... Итакъ, имѣть почти сомнѣнія, что главный предметъ церковнаго слова есть—тронуть сердце, т.-е. разрѣшить истину на чувства удовольствія и досады“. Вообще „выборъ предмета и образъ взирать на него суть два отличительные характера проповѣди“—признавая опять законнымъ предметомъ проповѣди—предметъ, могущій „тронуть сердца слушателей“¹⁾—Опредѣленіе проповѣди самое употребительное въ теоріяхъ начала нынѣшняго столѣтія было такое: „проповѣдь есть рѣчь христіанская, провозглашаемая съ кафедръ въ церкви для наставленія и назиданія вѣрныхъ“²⁾. При этомъ нельзя не замѣтить также и того, что старинная теорія образцы проповѣдничества усматриваетъ главнымъ образомъ не у древнехристіанскихъ проповѣдниковъ, а у новѣйшихъ западныхъ. Даже Сперанскій для своей параллели двухъ видовъ краснорѣчія—„философской рѣчи“ и проповѣди—береть Цицерона съ одной стороны и Сореня (реформатскаго проповѣдника) съ другой. — Таковы были понятія о дѣлѣ проповѣдничества и проповѣди, исходившія отъ духовной школы, или если не школой созданныя, то получившія право гражданства въ этой школѣ. Съ приближеніемъ къ половинѣ настоящаго столѣтія дѣло съ теоріей проповѣди не измѣнилось въ своемъ направленіи. Такъ въ тридцатыхъ годахъ по семинаріямъ была разслана одна книжка по теоріи проповѣди³⁾. Книжка эта при-

1) Правила высш. краснорѣчія С.-Пб. 1873 г. стр. 9—13.

2) Руководство къ церковному краснорѣчію, стр. 4.

3) „Совѣтъ молодому проповѣднику“, Кіевъ 1824 года. Переводъ съ французскаго, сдѣланный преосв. Иннокентіемъ

уготовленіе къ проповѣднической дѣятельности полагаетъ въ познаніи „правиль и способовъ наученія, увѣренія, растрогиванія и возбужденія и *другихъ* средствъ благочестивому слову служащихъ“. О томъ, что необходимо проповѣднику при дѣйствительномъ отправленіи своихъ обязанностей, въ книжкѣ находимъ разсужденія такія: „нѣтъ проповѣдника, который-бы трудомъ и усиліемъ не написалъ, если не совершенно хорошаго, то по крайней мѣрѣ полезнаго поученія. На сей конецъ знаніе человѣческаго сердца, *равно какъ и знаніе Священнаго Писанія* необходимо проповѣднику“. А какъ знать человѣческое сердце? „Читать и твердить главнѣйшихъ нравочителей каковы Лабруйеръ, Ларошфуко и др., и при томъ не выпускать изъ рукъ Массиліона, сего великаго въ святилищѣ Божіи витію!“ „Всѣхъ великихъ движеній основою есть чувствительность сердца. Она-то св. Златоуста, Фенелона, Боссюэта, Массиліона въ наилучшихъ мѣстахъ ихъ сочиненій оживотворяла“.—О значеніи практики для проповѣдника въ книжкѣ этой встрѣчается такое разсужденіе: одинъ взглядъ ока при долгомъ навыкѣ укажетъ *главный* предметъ въ избранной для слова матеріи, а Логика (*какъ наука*) научитъ какому *должно быть раздѣленію предмета* и т. д. ¹⁾.

Но пусть эти теоріи понимали проповѣдь такъ или иначе: къ чему вели подобныя теоретическія воззрѣнія, предполагая конечно, что на дѣло приготовленія къ проповѣдничеству направленіе теоріи имѣетъ хотя какое нибудь вліяніе? Должно полагать, что мысль Духовнаго Регламента о томъ, что—Слово

Борисовымъ, если не ошибаемся, еще въ бытность его студентомъ академіи.

¹⁾ См. указан. кн. стр. 3, 5, 7 и др.

Божіе, т.-е. изъясненіе его, есть главный матеріалъ проповѣди, при такомъ воззрѣніи умалилась сама собою и не получила широкаго примѣненія въ практикѣ. Слово Божіе по отношенію къ проповѣди стало имѣть значеніе только источника такъ называемыхъ „текстовъ“, т.-е. отрывковъ изъ Св. Писанія, иногда только видимо поддерживавшихъ мысль проповѣдника и принимаемыхъ во вниманіе настолько, насколько эти отрывки не мѣшали проповѣднику въ его пареніи въ высотахъ краснорѣчія.

Теорія въ указанномъ направленіи вела и къ тому, что еще въ началѣ текущаго столѣтія сложилось убѣжденіе, что „кому надобно проповѣдывать, тотъ долженъ знать Боссюэта и Массильона!“ Съ годами это убѣжденіе усиливалось и примѣнялось на дѣлѣ, а какъ оно вліяло на проповѣдниковъ, объ этомъ даютъ намъ понятіе слѣдующія мысли, Фотіемъ, юрьевскимъ архимандритомъ, приписываемыя преосвященному Иннокентію Пензенскому († 1819). Какъ-то неопредѣленно, но несомнѣнно намекая на современную дѣйствительность ¹⁾, пр. Иннокентій тѣхъ проповѣдниковъ, которые проповѣдуютъ „не ради рожденія чадъ духовныхъ, но чтобы сказавъ слово токмо движеніемъ рукъ, эхомъ голоса и произношенія слыть за проповѣдника, или почесать сердце свое щекотаніемъ—слухомъ чести, мзды и отличія“, сравниваетъ съ любодѣями: „безъ болѣзни и воздыханія не могу вспомнить, какъ многіе изъ проповѣдниковъ въ дни сіи заблудили до конца. Чають многіе навывкнутъ проповѣди Слова Божія не отъ дѣла(?), но изъ школьнаго наученія, и покушаются

---

¹⁾ Намекъ кажется относился къ пр. Теофилакту Русанову, о проповѣдяхъ котораго м. Филаретъ отзывался, что онѣ отличаются «странными особенностями».

проповѣдать слово о царствіи Божіи не отъ вышняго разума, а отъ земнаго мудрствованія.“ „Но что всего суетнѣе, горше и пагубнѣе“ — говорилъ пр. Иннокентій, это — что „нѣкоторые изъ вѣрныхъ сыновъ царствія *почиваютъ на западныхъ и новѣйшихъ* словесникахъ и *витіяхъ*, покушаясь (отсюда) научиться суетному лепетанію слова и ученія въ церкви, а живыхъ водъ Источника Израилева — воды благодатнаго ученія въ Св. Іоаннѣ Златоустѣ, Василіѣ Великомъ, Григоріѣ Богословѣ и прочихъ Св. Отцахъ и учителяхъ церкви *не хотятъ и видѣть*, аки бы не нужныя для настоящаго рода людей. О времена и обычаи! Ужели Массильонъ, Бурдалу, Боссюэтъ, Флешье и прочіе имъ подобные живыхъ водъ ученія Христова въ своихъ хартіяхъ заключаютъ и болѣе, и лучше, и святѣе, нежели студенецъ книжный, отъ златыхъ устъ истекшій Св. Іоанна Златоустаго и иныхъ отцовъ церкви и учителей богомудрыхъ? Ужели мраки учености въ нечестивомъ Іаковѣ Бемѣ... сладостнѣе мнится быти нынѣ паче слезныхъ источниковъ Св. Ефрема Сирина, Св. Іоанна Дамаскина“ и др? „Боюсь, не исполняется ли во дни наши слово апостольское: *въ послѣдніе дни отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внимая духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ*, когда вижу, что избранныя дщери церкви нашей восточной читаютъ басни и сказки Штиллинга, Эккартгаузена, безбожнаго Іерусалема, прелестнаго Оомы Кемпійскаго и прочихъ вольнодумцевъ, и чтутъ ихъ ученіе болѣе, нежели чтутъ повѣсти святыхъ.“ Драгоцѣнное для исторіи проповѣди, приведенное свидѣтельство показываетъ, куда направлялось вниманіе теоретиковъ, а вслѣдъ за ними и практиковъ того времени — къ витіямъ новѣйшаго времени. Не всѣ, конечно, лочивали на витіяхъ этого типа. Но другія данныя заставляють

думать, что въ приведенномъ свидѣтельствѣ не было и большаго по крайней мѣрѣ преувеличенія. Какъ извѣстно—только съ сороковыхъ годовъ у насъ начинаютъ усердно и систематически переводить Златоуста, Григорія Богослова и другихъ греческихъ проповѣдниковъ, между тѣмъ съ самаго начала настоящаго столѣтія русская публика усердно знакомится съ западными проповѣдниками—Боссюэтомъ, Массильономъ и др. При этомъ та же публика, какъ мы видѣли, въ выдающихся проповѣдникахъ не только старалась видѣть своихъ Боссюэтовъ, но и во всемъ выдающемся въ произведеніяхъ подозрѣвала вліяніе западныхъ проповѣдниковъ: припомнимъ исторію о томъ, какъ митр. Филаретъ заподозрѣнъ былъ въ томъ, что — „обокралъ Массильона.“ Мысль цѣнителей, значить, не могла и допустить, чтобы у русскаго проповѣдника могъ найтись какой-либо другой источникъ вдохновенія, кромѣ Массильона.—Оттого-то, быть можетъ, въ началѣ текущаго столѣтія понятіе о „церковномъ ораторѣ“ по мѣткому выраженію м. Филарета представлялось иногда самимъ теоретикамъ „въ видѣ напряженномъ и не довольно систематическомъ.“

Правда, на ряду съ этимъ стремленіемъ и теоретиковъ и практиковъ проповѣди къ ораторствованію и къ новѣйшему западу обнаруживалось стремленіе стать въ дѣлѣ проповѣдничества на иныхъ основаніяхъ. Мы видѣли сужденіе пр. Иннокентія Пензенскаго объ этомъ теченіи. Но едва ли фальшивость положенія дѣла еще ранѣе не созналъ тотъ же м. Филаретъ. Еще будучи учителемъ, Филаретъ, кажется, шелъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ о самонужнѣйшихъ для будущихъ проповѣдниковъ познаніяхъ; онъ самъ изучалъ и ученикамъ своимъ внушалъ изучать творенія отцовъ, преимущественно же греческихъ,

а изъ нихъ особенно Св. Іоанна Златоуста. Потомъ, когда онъ сдѣлался митрополитомъ, эта же мысль постоянно проглядываетъ въ его официальныхъ замѣчаніяхъ относительно проповѣдничества. Тамъ, гдѣ представлялись къ тому случаи, онъ напоминалъ, что святоотеческая литература и святоотеческія преданія въ проповѣди должны быть первымъ пособіемъ и образцомъ для русскаго проповѣдника. Такъ при началѣ изданія „Христіанскаго Чтенія“ (1822) митрополитъ Филаретъ писалъ: „поелику въ издаваемомъ Христ. Чтеніи важнѣйшую часть составляютъ переводы изъ Св. Отцовъ, а извѣстно, что полезнѣйшее послѣ знанія Священнаго Писанія, знаніе писаній отцевъ не довольно распространено, и духовенство не довольно имѣетъ способовъ пользоваться полными собраніями писаній отцевъ“: то—и рекомендуется Христ. Чтеніе. Одному священнику митрополитъ прямо рекомендовалъ — „чаще пользоваться въ проповѣдяхъ свидѣтельствами и выписками изъ Св. Отецъ, когда собственное мудрованіе мало удается“¹⁾. Быть можетъ подъ вліяніемъ митрополита Филарета въ Московской Академіи съ начала сороковыхъ годовъ стало преобладать мнѣніе, что главнѣйшій способъ приготовленія къ проповѣдничеству есть изученіе первоисточниковъ проповѣди — твореній отеческихъ, что выразилось тѣмъ, что съ этого времени въ курсахъ гомилетики, въ пользованіи самыми пособіями проглядываетъ очевидное предпочтеніе древняго церковнаго краснорѣчія предъ новѣйшимъ²⁾.

---

1) Сборникъ, изданн. по случаю юбилея, т. I, стр. 167, 169.

2) Стоитъ только сравнить программы курсовъ первыхъ двухъ преподавателей гомилетики въ Московской Академіи. Программа перваго преподавателя включаетъ въ себя напри- мѣръ: о происхожденіи и образованіи языка—русскаго и

Сюда-же тяготѣли и нѣкоторые другіе церковныя дѣятели прежняго времени. Преосвященный Григорій, бывш. казанскій, въ упомянутыхъ уже нами „бесѣдахъ съ духовенствомъ“ (уже въ половинѣ текущаго столѣтія) совѣтовалъ хотя иногда читать народу сокровища отеческихъ твореній: ибо — „для чего Богъ сохранилъ до насъ сокровища отеческихъ писаній, ежели не для того, чтобы мы ими пользовались? Слово ихъ сильно, вѣрно и назидательно!“ Для людей желающихъ нашей церкви прощѣтанія учительства, а не ораторства, должно быть отрадно и теперь встрѣтить такіе совѣты, болѣе всякихъ теорій о потрясеніи душъ полезныя для дѣ-

---

славянскаго, характеристику русскихъ писателей, о важности служенія церковнаго оратора и т. д., причѣмъ изслѣдованію образцовъ проповѣдничества святоотеческаго отведено, очевидно, относительно весьма незначительное мѣсто. Пособіями служатъ: «Правила высшаго краснорѣчія» Сперанскаго и упомянутое «Руководство къ церковному краснорѣчію». — У слѣдующаго преподавателя на первомъ мѣстѣ въ числѣ пособій стоитъ уже гомилетика бл. Августина, а въ исторіи проповѣдничества «особенное вниманіе» обращено на отцовъ церкви, а преимущественно на св. Іоанна Златоуста. Западнымъ-же новѣйшимъ ораторамъ отведено послѣднее мѣсто, за исключеніемъ проповѣдниковъ вѣка Людовика XIV (Истор. Моск. Дух. Акад. стр. 33—4). Если принять во вниманіе, что проповѣдничество патристическаго періода въ это время въ наукѣ имѣло еще крайне скудную разработку и литературу, то мы должны будемъ признать, что въ основѣ принятаго преподавателемъ (это былъ іеромонахъ Платонъ Оивейскій, впоследствии арх. Костромской) направленія лежала не случайность, а дѣйствительное убѣжденіе относительно идеала, задачъ и духа христіанскаго проповѣдничества, содержаніемъ каковаго убѣжденія, вѣроятно было то, что проповѣдываніе не есть сказываніе напыщенныхъ рѣчей, украшенныхъ со всѣми правилами искусства, а неослабное учительство народа, учительство чуждое всякихъ постороннихъ и предвзятыхъ цѣлей.

ла, какъ совѣты преосвящ. Аполлоса, изложенные въ его извѣстныхъ пастырскихъ посланіяхъ. Преосвященный усердно призываетъ пастырей какъ церковныхъ учителей къ изученію свято-отеческихъ твореній и пользованію ими для церковно-народнаго учительства. „Свято-отеческія творенія, — говоритъ преосвященный, — должны быть для проповѣдника вторымъ Писаніемъ“. „Какой проповѣдникъ скажетъ лучше и убѣдительнѣе ихъ“? Быть можетъ, когда эти идеи восторжествуютъ, проповѣдничество наше оживетъ и процвѣтетъ, но въ исторіи приготовленія нашихъ пастырей въ прошломъ эти идеи чуть не затерялись—отъ стремленія старинныхъ теоретиковъ научить искусству слагать формально складныя проповѣди, а еще правильнѣе — и отъ слабости занятій приуготовительной наукой церковнаго учительства.

На онованіи этой краткой исторіи гомилетическихъ возрѣній и отчасти—исторіи преподаванія гомилетики, какъ науки приуготовительной къ проповѣдничеству, можно будетъ придти къ слѣдующимъ выводамъ: 1, теоретическія занятія проповѣдью у насъ въ старой духовной школѣ не имѣли должнаго направленія; при этомъ извѣстно, что и въ направленіи существовавшемъ воспитанниковъ старыхъ духовныхъ школъ мало упражняли въ сочиненіи проповѣдей.

Въ этомъ отношеніи всего болѣе сдѣлали Уставы духовно-учебныхъ заведеній 1867—69 гг., впервые поставивъ гомилетику, если не въ число главныхъ предметовъ, то по крайней мѣрѣ—на ряду съ прочими богословскими науками. Вступленіе въ настоящую пастырскую дѣятельность едва-ли давало возможность пополнить недостатки теоретической подготовки къ дѣлу проповѣди: ни первоисточниковъ, ни

пособій не оказывалось подъ руками, конечно, у большинства пастырей,—тогда какъ извѣстно, что занятіе проповѣдничествомъ требуетъ неослабнаго занятія и первоисточниками, и пособиями. Но ни на недостаточность теоретическаго приготовленія, ни на невозможность вспомнить его потомъ—впослѣдствіи нельзя смотрѣть какъ на условіе ничего незначащее. Когда мы выражаемъ сожалѣніе о томъ, что не имѣемъ Василіевъ, Златоустовъ и Григоріевъ, то мы должны, кромѣ уже сказаннаго, принять во вниманіе еще и то, что эти свѣтила церковнаго учительства—были людьми къ дѣлу превосходно подготовленными, хотя и не гомилетикой, конечно, какъ школьной наукой, а матеріально богатымъ образованіемъ и формально разработаннымъ естественнымъ даромъ слова. Главное-же—эти свѣтила сами считали *приготовленіе къ дѣлу проповѣдничества* такимъ условіемъ, безъ котораго брать на себя должность обязывающую учить—невозможно. „Если уже сильные въ словѣ—говорилъ Златоустъ,—имѣють нужду въ постоянномъ упражненіи для сохраненія этой способности: то нисколько не запасшійся словомъ и *принужденный* *готовиться на самомъ поприщѣ* своемъ—какія долженъ перенести трудности, какія безпокойства, какое смятеніе, чтобы съ великимъ трудомъ пріобрѣсти какой-нибудь малый успѣхъ—достигнуть того, чтобы заставить народъ пріобрѣтать пользу отъ слышанія“. Но Златоустъ, какъ видимъ, представляетъ трудность въ томъ, когда пастырь вынуждается готовиться къ учительству на самомъ поприщѣ: что, если позволено будетъ такъ выразиться, сказалъ-бы великій проповѣдникъ, когда-бы ему пришлось видѣть, что на самомъ поприщѣ не только трудно, но иногда совсѣмъ даже *невозможно* готовиться? 2) Въ какомъ-бы „напряженномъ видѣ“ по-

натіе о должности проповѣдника не предносилось нашимъ стариннымъ теоретикамъ, но изучая старинныя теории, слѣдя за понятіями о проповѣди и способами преподаванія проповѣднической науки, нельзя не замѣтить все таки одного: — что это преподаваніе и эти теории разсчитаны были на проповѣдь не какъ на *учительство*, а какъ на ораторство, не какъ на нѣчто постоянно имѣющее существовать при каждомъ богослуженіи (какъ это теперь желается многими), а какъ на нѣчто могущее понадобится при случаѣ, напр.—при официальномъ требованіи сказать проповѣдь, или—при нуждѣ обусловливаемой случайными событіями въ пастырской дѣятельности. Во всякомъ же случаѣ и преподаваніе, и теорія соотвѣтствовали представленію о проповѣди церемоніальной, торжественной, а не обычной, вытекающей изъ долга простаго, но неослабнаго учительства. Знакомъ этого, по нашему мнѣнію, служитъ уже то, что проповѣдничество разсматривалось какъ родъ краснорѣчія, параллельный другимъ родамъ, проповѣдникъ—параллельно оратору, адвокату, а наука—частью общей науки словесности, риторики и. т. п.,—смотря по понятіямъ господствовавшимъ въ данную эпоху. Въ свою очередь это вело къ тому, что проповѣдническая мысль тяготѣла къ западнымъ витіямъ, ближе подходившимъ къ идеалу ораторовъ, чѣмъ къ древнимъ проповѣдникамъ, совершавшимъ скучную работу учителей.—Какъ извѣстно, у насъ почти исчезла изъ проповѣднической практики всякая другая форма собесѣдованія, кромѣ формы такъ назыв. „слова“, и эта форма сдѣлалась почти что официальною формою нашей проповѣди: ибо если изрѣдка встрѣчаются въ прошломъ и настоящемъ „бесѣды“ „поученія“ и т. п., то разность едва ли только не въ заглавіи, но никакъ не въ существѣ дѣла. Митр. Филаретъ, кажется, не безъ юмора од-

нажды, посылая свою проповѣдь для печатанія, предложилъ *ученымъ* опредѣлить ея форму— „слово“ это, или „бесѣда“, потому что при преобладаніи у насъ ораторско-тематической формы церковнаго собесѣдованія дѣйствительно бываетъ затруднительно провести различіе между формой нашихъ проповѣдей: всѣ онѣ собственно говоря „слова“ (*λογος, oratio*), проповѣди правда округленныя, но отрывочныя, случайныя, не связанная предыдущая съ послѣдующею—потому что большею частію предыдущая отъ послѣдующей отстоитъ такъ далеко, что и связывать ихъ дѣйствительно не стоитъ. Это преобладаніе у насъ одной формы церковнаго собесѣдованія и исчезновеніе такой формы, какъ экзегетическая гомилія, также служить знакомъ состоянія проповѣдничества. Если, дѣйствительно, слово есть форма наиболѣе поддающаяся ораторской обработкѣ и предоставляющая возможность подражать ораторамъ свѣтскимъ. то, съ другой стороны, только при извѣстной систематичности проповѣди возможно существованіе послѣдней формы, (т. е. экзегетической гомиліи); только при достаточномъ количествѣ времени, которымъ можетъ располагать проповѣдникъ въ системѣ богослуженія—эта форма пригодна и дѣйствительно возможна. Принявъ это во вниманіе, а равно и то, что теорія не только не шла въ разрѣзъ съ созданнымъ условіями исторіи положеніемъ дѣла, но и поддерживала такое положеніе,—обращая вниманіе проповѣдниковъ на ораторскія, а не на учительскія задачи проповѣди, хотя-бы тѣмъ, что поставляла во главѣ формъ проповѣдническаго слова ораторскую форму „слова“—мы не можемъ не признать, что пріуготовленіе къ проповѣдничеству въ прошлой исторіи богословскаго образованія если и соотвѣтствовало существовавшимъ понятіямъ и потребностямъ, то не

соотвѣтствовало тѣмъ задачамъ, которыя теперь хотѣтъ возложить на проповѣдь и проповѣдниковъ.

Естественный вопросъ, который послѣ всего сказаннаго долженъ представиться, будетъ такой: итакъ, ужели же въ нашемъ прошломъ и нашемъ настоящемъ не было и нѣтъ условій благопріятныхъ для дѣла проповѣди?

Задачей нашей было — справиться, насколько современное намъ русское пастырство повинно въ недостатокѣ „духа учительности.“ Въ виду этого мы считаемъ себя обязанными отвѣтить на поставленный вопросъ только въ такомъ видѣ: можетъ быть, благопріятныя условія были и есть. Но если все сказанное выше — справедливо (а мы думаемъ что это — такъ, уже потому что все это — чистые факты), то сила благопріятныхъ обстоятельствъ будетъ такова, что и существованіе этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, при существованіи множества обстоятельствъ иного рода, ни мало не увеличиваетъ вину духовенства въ отсутствіи духа учительности. Благопріятнымъ, напримѣръ, обстоятельствомъ нужно признать то, что не взирая и на нѣкоторыя особенныя черты религіозности нашего народа, о которыхъ немного было замѣчено выше, народъ все-таки любитъ поученіе церковное и *доказываетъ* эту любовь на опытѣ, что бы тамъ ни говорили о его нерасположеніи къ проповѣди и главные, и второстепенные дѣятели современной литературы. Но сколько другихъ обстоятельствъ этому противоположныхъ и въ условіяхъ народной жизни, и условіяхъ общественной дѣятельности самихъ пастырей, говорить объ этомъ значило бы повторить многое изъ сказаннаго. Вина духовенства въ слабости духа учительности была бы только тогда не искуплена, если бы русское такъ

называемое свѣтское общество могло сказать: „мы даемъ вамъ время и средства, чтобы вы отдались служенію слова, мы просимъ васъ послужить дѣлу назиданія, васъ готовятъ къ этому дѣлу, а вы нѣмы!“ Но именно этого русское общество и не можетъ сказать ни за себя, ни за тѣхъ, кто еще ближе стоитъ къ духовенству. Не даромъ одинъ изъ древнихъ церковныхъ учителей выразилъ мысль, что „часто невѣдѣніе пастырей вполне соотвѣтствуетъ заслугамъ пасомыхъ“ (св. Григорій Двоесловъ). Не приложимы ли эти слова и къ нашему обществу, въ томъ смыслѣ, что порицаемый въ пастыряхъ недостатокъ духа учительности совершенно соотвѣтствуетъ тѣмъ заслугамъ, *которыя имѣетъ русское общество предъ своими пастырями?* Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ давать опасно: можно погрѣшить противъ христіанскаго русскаго общества. Но самый вопросъ этотъ какъ теперь, такъ и всегда имѣть въ виду не мѣшаетъ.

Что устранить многое изъ отмѣченныхъ условий существованія русскаго проповѣдничества желательно, это само собою ясно. Мы позволимъ себѣ въ заключеніе опредѣленно формулировать тѣ положенія, которыя составляютъ desiderata для дѣла русскаго проповѣдничества. Нужно—

а) признать безъ колебаній абсолютную важность проповѣди, какъ пастырской обязанности. Это признаніе тогда только можно будетъ отнести къ числу фактовъ, когда къ духовенству не только будутъ предъявляться требованія проповѣдывать, но когда будутъ при этомъ соображены и приведены къ единству всѣ обстоятельства, имѣющія отношеніе къ учительности пастыря. Принято во вниманіе должно быть главнымъ образомъ то обстоятельство, что при всѣхъ лежащихъ въ настоящее время на пастыряхъ обязанностяхъ не можетъ быть физической возможности

для *непрерывной* проповѣди, отъ каковой только и должно ожидать какихъ нибудь плодовъ—хотя-бы на примѣръ просвѣщенія народа въ религіозномъ отношеніи. Для сего, прежде всего, обязательно потребуется:

в) сложить съ духовенства часть лежащихъ на немъ обязанностей съ пастырствомъ и учительствомъ не связанныхъ, но между тѣмъ отъ прямого дѣла отвлекающихъ, иногда подвергающихъ священниковъ бесполезному риску важной ошибки или недосмотра, и имѣющихъ однако часто роковыя послѣдствія для обѣихъ сторонъ,—т.-е. и для духовенства, и для тѣхъ, кто имѣетъ соприкосновеніе съ духовенствомъ. Если-бы оказалось необходимымъ, надлежитъ рѣшить вопросъ о законной литургической свободѣ въ смыслѣ предоставленія, хотя въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, права, огражденнаго при томъ церковнымъ закономъ, сообразовать литургическіе порядки съ интересами усиленія церковнаго учительства. Если же предоставленіе такого права есть дѣло невозможное, то всегда нужно имѣть въ виду предѣлы человѣческихъ силъ, вслѣдствіе чего, можетъ быть, нужно будетъ мечтать не о сокращеніи числа священниковъ, а объ увеличеніи числа ихъ, если, разумѣется, желаніе, чтобы наши священники были и учительны, и дѣйствительно блюли во всей неприкосновенности вѣками преданный строгій богослужебный порядокъ ¹⁾, если желаніе это останется во всей силѣ.

---

1) Вотъ нѣкоторыя изъ пастырскихъ замѣчаній съ опыта. „Проповѣдь, когда она произносится послѣ „причастнаго“ не должна быть болѣе трехъ страницъ“. „Если бесѣды будутъ произносимы безъ опущеній, то ихъ въ годъ составит-ся до 50“. Очевидно, что 150 страницъ, возможныхъ для

с.) Желательно, чтобы оставлена была мысль — имѣть священниковъ безсемейныхъ въ тѣхъ видахъ. чтобы сдѣлать ихъ независимыми отъ паствы въ матеріальномъ отношеніи и вслѣдствіе того-болѣе

произнесенія въ теченіи года — столь не значительное учебное средство, что на него особенно много разсчитывать нельзя: для объясненія главнѣйшихъ катехизическихъ истинъ, по замѣчанію того-же пастыря, потребовались-бы многіе годы (Письма пр. Е. Попова, стр. 19). Но почему должно признать, что дѣйствительно болѣе такой величины проповѣдь не должна имѣть? Потому (мы соглашаемся съ замѣчаніемъ почтеннаго пастыря), что практика, установившая мѣсто проповѣди послѣ причащающаго, объ стороны, т.-е. и учащаго, и слушающихъ, застаётъ утомленными, — а утомленіе слушателей принималъ во вниманіе даже Златоустъ. Произносятся конечно и длинныя проповѣди; но-такія проповѣди, какъ извѣстно, вовсе не исходятъ изъ того предположенія, что онѣ будутъ постоянны и непрерывны. — Какъ извѣстно, теперь возлагаются большія надежды на такъ назыв. виѣдерковныя собесѣдованія. Надежды эти, конечно, возлагаются справедливо и оправдываются на дѣлѣ. Однако же одинъ изъ священниковъ разсуждаетъ такимъ образомъ: «кто совѣтуетъ намъ завести такія собесѣдованія между утренею и литургіею, или вообще въ воскресные и праздничные дни, тотъ не принимаетъ во вниманіе всѣхъ сторонъ нашего сельскаго пастырства. Служеніе утрени или всенощной, а затѣмъ и литургіи съ молебнами есть трудъ прежде всего физическій, послѣ котораго для священника въ особенности со слабой грудью необходимъ изрядный отдыхъ. При томъ же на воскресные и праздничные дни сельскій рабочій людъ отлагаетъ всѣ свои требы. Слѣдовательно въ такіе дни сельскій священникъ рѣдко бываетъ свободенъ» (свщ. *Аѳ. Недѣльскій*: Братскій совѣтъ новорукположенному священнику, Кіевъ, 1883, стр. 88). — Если разсужденіе это справедливо (а едва ли кто усомнится въ этомъ!), то мы и въ этомъ вопросѣ — о виѣдерковныхъ собесѣдованіяхъ — встрѣчаемся опять съ затрудненіями священниковъ въ дѣлѣ пастырскаго учительства, а не съ небрежностію ихъ къ этому дѣлу, вопреки наклонности многихъ усматривать главнымъ образомъ послѣднее.

свободными отъ „духа рабства“, препятствующаго дѣйствию истиннаго учительства: для этого найдутся и другія средства. Не семейное положеніе само въ себѣ даетъ зависимыя и униженныя отношенія пастырей къ паствѣ, а нѣчто другое. Свѣтильникъ богословской науки и благочестія, по истинѣ просвѣщавшій служителей церкви въ теченіи полувѣка, покойный А. В. Горскій, самъ аскетъ въ самомъ высокомъ смыслѣ слова, лично не имѣвшій склонности къ семейной жизни, считалъ установившееся на практикѣ требованіе пастырей семейныхъ „въ общемъ устройствѣ церкви весьма благотворнымъ. Черезъ это—говорилъ А. В.—пастырь можетъ быть еще болѣе сближенъ съ своими дѣтьми духовными, знать нужды ихъ домашней жизни и руководствовать ихъ правилами христіанской жизни“¹⁾. Это нѣчто другое, независимо отъ семейнаго положенія создающее „духъ рабства“ заключается во всей остановкѣ жизни общественной и должностной, и даже—въ привычкѣ самихъ пасомыхъ извѣстнымъ образомъ смотрѣть на пастыря. Какъ мы уже знаемъ, русскій проповѣдникъ XVII вѣка говорилъ: „Нынѣшніе христіане любятъ такихъ учителей, которые-бы предъ ними трепетали и священныи санъ свой унижали, и всегда-бы предъ ними преклонялись“. Не приложимо-ли это и къ настоящему времени? Если приложимо, то конечно пастырству трудно будетъ бороться противъ такого духа вѣка, и этотъ духъ вѣка будетъ налагать свою печать одинаково—будутъ-ли пастыри семейные или безсемейные. Поэтому средство — бороться съ этимъ духомъ во всякомъ случаѣ не целибатъ священства.

---

1) См. Годичный актъ въ Москов. Духовн. Академіи, 1876 г., стр. 19.

Сюда прежде всего (сколько-бы мы ни отстранялись от этого скучнаго вопроса!) относится достаточное обезпеченіе, отъ какихъ-бы источниковъ оно не исходило, но, это главное, обезпеченіе такое, чтобы на него смотрѣли какъ на законное средство существованія, и чтобы это было средство независимое отъ разныхъ случайностей, личныхъ отношеній, благоволенія пасомыхъ и т. п. Необходимость такой постановки дѣла признаетъ всякій, кто своимъ трудомъ добываетъ хлѣбъ свой, считаетъ трудъ свой честнымъ, законнымъ, исполненнымъ какъ слѣдуетъ, но въ тоже время цѣннымъ такъ, какъ кому вздумается. Сами православные пастыри, конечно, сознаютъ, что вопросъ объ обезпеченіи не составляетъ собою всего, что желательно въ видахъ умноженія возможной для церкви пользы отъ ихъ учительности. „Никакія улучшенія нашего быта, говорить достопочтенный отецъ Недѣльскій, никакіе оклады жалованья не могутъ поднять насъ выше уровня холоднаго требоисправителя, если мы сами усиленною работою надъ собою и ревностнымъ стремленіемъ по подражанію Христу Спасителю не станемъ крѣпко утверждаться Духомъ Святымъ во внутреннемъ человѣкѣ“. Такъ. Но пастыри и сами—люди, и живутъ среди людей. Поэтому желаніе отъ пастырей совершенствованія связано и съ вопросомъ о предоставленіи имъ средствъ всякаго рода „для работы надъ собой“. Поэтому же священники справедливо высказываютъ надежду, что „наша высшая церковная власть не перестанетъ заботиться о возможномъ устраненіи тѣхъ неблагоприятныхъ пастырскому служенію условій, которыя, подобно морозу, сжимая и принижая священника, препятствуютъ ему, какъ члену церковнаго тѣла, отправлять свои обязанности въ той святой нормальности, къ какой

направляетъ его Духъ церкви“¹⁾ — Едва ли не большее значеніе для устраненія „духа рабства“, или, какъ справедливѣе выразился только что приведенный нами авторъ, „духа приниженности“ и для возвышенія духа „властнаго учительства“ будетъ имѣть признаніе, — что священники наши имѣютъ право на уваженіе не идеальное только, а реальное т. е. долженствующее выразиться во всякаго рода отношеніяхъ къ священнику. И это, конечно, какъ справедливо замѣтилъ Церковный Вѣстникъ, должно быть начато съ отношеній чисто служебныхъ. Со стороны общества русскіе священники, конечно, и не мечтаютъ о воздаяніи имъ такого-же уваженія, какимъ, на примѣръ, недавно почтенъ галицкій священникъ Наумовичъ. Ибо онъ почтенъ былъ потому, почему въ древности чтили исповѣдниковъ вышедшихъ изъ темницы, а между русскими пастырями нѣтъ исповѣдниковъ, вышедшихъ изъ темницы. Но живыхъ не хвалятъ, а относительно почившихъ мы считаемъ уже общимъ мѣстомъ указаніе на то, что это русское духовенство имѣло въ своей средѣ первостепенныхъ дѣятелей на поприщѣ умственномъ и нравственномъ;²⁾ за ними слѣдовали дѣятели второстепенные даже до тѣхъ обществу неизвѣстныхъ, но по крайней мѣрѣ прямая свои обязанности съ высшимъ самоотверженіемъ исполнявшихъ такъ — какъ это мы видѣли, хотя-бы на одномъ только извѣстномъ міру примѣрѣ. Но преданіе сохранило-ли о воздаяніи хотя первостепеннымъ дѣятелямъ почестей подобныхъ недавнимъ почестямъ отцу Наумовичу, —

---

¹⁾ Ibid. стр. 90.

²⁾ О дѣятельности духовенства собственно въ русской наукѣ и особенно въ образованіи русскаго слова можно судить по первому тому Исторіи російской Академіи — Сухомлинова.

хотя конечно они и не испытывали темничнаго заключенія за свою ревность по вѣрѣ? Если преданіе не можетъ дать утвердительнаго отвѣта, то это будетъ одна изъ винъ русскаго общества, старающагося взыскать съ *намичнаго* духовенства за то, что духовенство не приобрѣло себѣ такого авторитета, чтобы его слово было словомъ властнаго учителя— когда приобрѣсти такой авторитетъ были не въ силахъ даже выдающіеся дѣятели. Если же преданіе можетъ дать отвѣтъ утвердительный, то нужно, чтобы уваженіе совѣстливо распространялось на всякаго священника, хотя-бы и не ознаменовавшаго себя ни ученостью, ни подвигами мужества въ борьбѣ за свою вѣру,—ибо по словамъ Златоустаго святителя: „кто любитъ Христа, тотъ будетъ любить и священника, каковъ-бы онъ ни былъ, потому что чрезъ него сподобился страшныхъ тайнъ“ (Злат. Бесѣд. на посл. къ Фессалон. р. пер. стр. 162)

d) Еще менѣе желательно видѣть осуществленіе проекта „дешевыхъ“ священниковъ. Въ послылкахъ этого проекта подразумѣвается: убавленіе степени образованія въ священникъ—дѣло безразличное, а образованіе — дорога само по себѣ, а еще болѣе становится дорогимъ оттого, что образованный священникъ требуетъ себѣ болѣе обезпеченнаго положенія ¹⁾. Мысль о томъ, будто образован-

---

¹⁾ Сужденія о томъ, что образованные священники намъ „дороги“, исходятъ главнымъ образомъ отъ свѣтской печати. Какіе-же священники будутъ *не дороги*? Въ англійской литературѣ, когда выводится приходскій священникъ «бѣднякъ», то обыкновенно ему приписываютъ, что получаетъ-де отъ 100 до 200 фунтовъ т.-е. отъ одной до двухъ тысячъ рублей. Это, очевидно, тамъ „дешевые“ священники. Такихъ-ли дешевыхъ священниковъ желаютъ и намъ? Къ сожалѣнію есть основаніе думать, что не такихъ: у насъ хотя въ священниковъ, содержаніе которыхъ не превышало бы содержанія слуги въ такъ называемомъ порядочномъ домѣ средней руки.

ность для священника дѣло безразличное—очень старая мысль: еще въ четвертомъ вѣкѣ всѣ тѣ, кто не имѣлъ образованія, или кто имѣлъ интересъ отвергать нужду образованія, съ радостію указали на то, что и неученые рыбаки измѣнили-же своей проповѣдью лице вселенной! Но тогда-же отцы церкви блистательно опровергли эту мысль. (Мы не будемъ теперь приводить этого опроверженія, надѣясь повести рѣчь объ этомъ при другомъ случаѣ). Въ отношеніи къ дѣлу проповѣдничества это имѣетъ то значеніе, что мысль о дешевыхъ, т.-е. малообразованныхъ пастыряхъ, не совмѣстима съ желаніемъ процвѣтанія проповѣдничества: въ этомъ случаѣ забываютъ опять, что всѣ проповѣдники древности, справедливо составляющіе идеалъ современности, были людьми образованными вообще, а нѣкоторые людьми съ выдающимся образованіемъ. Всякое сокращеніе образованія пастырей, прямое или косвенное, какими-бы соображеніями оно ни руководствовалось, будетъ прямымъ покушеніемъ на христіанское просвѣщеніе народа.— Пришлось-же въ прошломъ столѣтіи, когда понадобился сборникъ проповѣдей для повсемѣстнаго употребленія, обратиться за пособіемъ все къ тѣмъ-же варягамъ—за море: разумѣемъ заимствованіе нѣкоторыхъ проповѣдей для этого сборника изъ иностранныхъ источниковъ ¹⁾. Должно ду-

---

1) См. Исторію Россійской Академіи проф. Сухомлинова, т. I, стр. 115 и прилож. № 136. Гавріилъ, митр. Новгородскій, одинъ изъ главныхъ дѣятелей по составленію синодскаго собранія поученій (первое изд. 1775 г.) нѣкоторыя изъ проповѣдей въ Собраніе заимствовалъ у католическаго проповѣдника Бурдалу, изъ протестантскихъ—у Сорена, Мосгейма, Геснера, каковыми проповѣдникамъ въ общей сложности принадлежатъ въ Собраніи до одиннадцати поученій (ibid. 394). Разумѣется, проповѣди получили въ русскомъ переводѣ необходимыя сокращенія и измѣненія.

мать, что если-бы русское духовное богословское просвѣщеніе издавна было на ступени соотвѣтствующей просвѣщенію, другихъ странъ не пришлось бы намъ средства народнаго назиданія черпать изъ источниковъ намъ чуждыхъ. — Вотъ почему отраднo будетъ всякому слышать недавній призывъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ нашихъ архипастырей: „свѣта, свѣта подайте. Учитесь, учите!“ (1) Въ этомъ свѣтѣ, а не въ убавленіи свѣта, истинное благо церкви и государства православныхъ, хотя бы свѣтъ этотъ и требовалъ издержекъ на елей.

е) Мы указали, на сколько возможно это въ настоящемъ случаѣ, тотъ характеръ, какой имѣло у насъ прежде *спеціальное* (впрочемъ въ весьма условномъ смыслѣ!) приготовленіе къ дѣятельности проповѣднической. Если этотъ характеръ измѣнился теперь несомнѣнно къ лучшему уже тѣмъ, что наука проповѣдничества сдѣлалась самостоятельной, получила характеръ спеціально церковной науки, и перестала тонуть въ отдѣлахъ общей риторики: то мѣсто, вообще отведенное для приготовленія къ проповѣдничеству, въ системѣ образованія будущихъ пастырей все таки слишкомъ недостаточно. Положимъ, теорія проповѣди не сложна, но можно-ли ожидать, чтобы при количествѣ времени, отведенномъ въ нашихъ духовныхъ школахъ для гомелическихъ занятій приобрѣтена была необходимая практика для проповѣдника? Никакъ нельзя думать, чтобы обращеніе къ проповѣднической наукѣ, напримѣръ, одинъ разъ въ недѣлю составило серьезную подготовку. Отношеніе проповѣднической науки ко всему богословскому образованію собственно должно быть такое-же, какое существуетъ въ школахъ для учителей между

---

1) Изъ поученія преосв. Никонора, о штундѣ.

методикой обученія и всѣмъ вообще учительскимъ образованіемъ. И доколѣ этого не будетъ, подготовка будущихъ проповѣдниковъ къ своему дѣлу не будетъ соответствовать важности самаго дѣла.

f) Послѣднее наше замѣчаніе будетъ относиться къ вопросу о свободѣ проповѣдническаго слова и о цензурѣ проповѣдей. Нѣкоторые думаютъ, что нормальное отношеніе проповѣдника къ обществу есть свобода *ex cathedra*, т.-е. полная невмѣняемость проповѣднику его слова, сказаннаго съ церковной кафедрой. Желанія такой свободы *ex cathedra*, конечно, излишне. Мѣра нужной свободы достаточно опредѣлится двумя соображеніями: а возможностью проповѣдывать безъ затрудненій и излишнихъ осложненій, усиливающихъ трудъ священниковъ; и б) возможностью церковнаго надзора за дѣломъ проповѣди.— Что обязанность всякую проповѣдь *писать* и представлять надлежащей власти, хотя-бы эта обязанность была только одною буквою, можетъ быть лишнимъ осложненіемъ дѣла, это не требуетъ и доказательствъ, такъ какъ ясно, что это двойная работа,—по крайней мѣрѣ для многихъ она такова. Если же въ основѣ этого требованія, какъ извѣстно, положено было сначала признаніе необходимости надзора надъ проповѣдью, а потомъ признаніе, что цензура, разсматривающая писанныя проповѣди, можетъ быть и средствомъ усовершенствованія проповѣдничества (припомнимъ взглядъ на цензуру какъ „на добрую совѣтницу“): то пока рѣшится вопросъ о способѣ болѣе удобнаго надзора за проповѣдью, и о болѣе дѣйствительномъ способѣ совершенствованія, не нужно ли имѣть въ виду слѣдующія слова одного изъ недавно почившихъ іерарховъ—преосвящ. Хрисанеа, сказанныя имъ относительно проповѣдничества священниковъ, не снабженныхъ дипломами полнаго бого-

словскаго образованія: „одно могло бы служить препятствіемъ къ дозволенію имъ говорить поученія собственнаго сочиненія—предположеніе, что они могутъ погрѣшить противъ догмата; но это опасеніе имѣеть мѣсто и относительно священниковъ, снабженныхъ дипломами, а главное—на этомъ основаніи ихъ не слѣдовало бы дѣлать и священниками. Если же они поставлены священниками, то имѣють и должны имѣть всѣ права священства, слѣдовательно—и право учительства“? Намъ кажется, что такія же разсужденія приложимы и ко всѣмъ вообще священникамъ въ ихъ отношеніи къ обязанности учительства.

В. Кипарисовъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ЕПИФАНІЯ КИПРСКАГО

	Стр.
О мѣрахъ и вѣсахъ.....	213
О двѣнадцати камняхъ, бывшихъ на одеждахъ Аарона....	267
О кампѣ алмазѣ, который носилъ первосвященникъ трижды въ годъ входя во святая святыхъ	279

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Грѣхъ, его происхожденіе, сущность и слѣдствія. <i>В. Велтистова</i>	433
Терминологія Отцевъ церкви въ ученіи о Богѣ. <i>Пр. С. Смирнова</i>	537
Рѣчи, говоренныя Ректоромъ М. Д. Академіи Протоіеремъ А. В. Горскимъ, по причащеніи наставниковъ и студентовъ Академіи.	575
Объ условіяхъ существованія современнаго русскаго проповѣдничества <i>В. Китарисова</i>	601
Обзоръ нѣмецкой церковно-исторической литературы <i>А. Л. Систематическій каталогъ книгъ бібліотеки Моск. Духовн. Академіи. И. Корсунскаго</i>	677
Журналы Совѣта М. Д. Академіи.	349
	207

Печатано по опредѣленію Совѣта Московской Духовной Академіи.
Академія Ректоръ Протоіерей *С. Смирновъ*.